ТИМА ФЕЕВ

ТРИМ

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь после людей, какой бы она могла быть? Скучной или интересной, понятной или загадочной. А быть может, просто сказочной и почти волшебной? Никто этого не знает, конечно. И тем не менее, исходя из того, что известно уже теперь, мы можем кое-что предполагать.

- Трим
  -
  - 1. Ветер
  - 2. Леший
  - 3. Мышь серая
  - 4. Ракета
  - 5. Летуны
  - 6. Золото
  - 7. Аори
  - 8. Врун
  - 9. Труба
  - 10. Хорек-разделитель
  - 11. Лакомый растлитель белок
  - 12. Рукава
  - 13. Сушь
  - 14. Цветение
  - 15. Танцы
  - 16. Смех в тьме
  - 17. Жасминовое чаепитие в послеполуденной тени
  - 18. Стук-стук-стук
  - 19. Слезы пустыни
  - 20. Стрела и роза
  - 21. Здесь, кажется, был мост
  - 22. Без тени
  - 23. Музыка над городом
  - 24. Каменная рука
  - 25. Маленький быстрый мотоцикл
  - 26. Помню… с облаками
  - 27. Сидящие
  - 28. Механическое ничто
  - 29. Конфеты
  - 30. Мост в будущее
  - 31. Листопад
  - 32. Четыре лапы
  - 33. Железная стрекоза

- 34. Силы природы
- 35. Разрушающий
- 36. Птичий храм
- 37. Огненный алфавит
- 38. Сонная рыба
- 39. Люк
- 40. Подснежники
- 41. Древесный аромат судьбы
- 42. «Я» на букву «т»
- 43. Дочь Солнца
- 44. Последний человек на Земле

Трим
Сказки и рассказы

Тима Феев

Иллюстратор Тима Феев

© Тима Феев, 2019
© Тима Феев, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-8379-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Ветер

В этой стране, на первый взгляд, не было ничего примечательного. Везде царили разруха и полное запустение. Чего-то значительного давно уже не строилось, а то что строилось, не шло ни в какое сравнение с тем, что было прежде. Мелкие постройки оказались никому не нужными и постепенно разрушались, зарастая травой. Крупных городов также почти не сохранилось, а те, что сохранились, потихоньку доживали свой век. Жители вынужденно уходили оттуда, покидая сырые, темные, неотапливаемые квартиры. А их место занимали бродячие собаки, крысы и прочие твари неизвестной природы. Пыль, мусор и грязь царствовали там безраздельно. Постоянные и внезапные обвалы сотрясали почву. Удушливая вонь от разлагающейся всевозможной органики делала почти непереносимым воздух.

Поэтому все, кто только еще мог перебирались в сельскую местность, поближе к природе. Туда, где были плодородные земли и дикие леса, чистые реки и красивые озера. Туда, где был огромный мир, которого даже и близко нельзя было найти себе в городе. Туда, где был Трим, удивительная страна. Такая, что современному человеку ее и вообразить-то себе было бы сложно. Да и не страна даже, а так, всего лишь территория. Поскольку государственных границ в то далекое время давно уже не существовало. Однако территория эта действительно была огромной. Она охватывала почти всю сухопутную поверхность Земли целиком. Впрочем, не менее огромным был и тот временной интервал, что отделял ее от современности. Каким же он был по продолжительности трудно было определенно сказать, поскольку однажды, очень давно, нить истории человеческой цивилизации внезапно оборвалась. И в тот момент все не то чтобы взорвалось или, например, сгорело, а наоборот, надломилось как-то.

Словно под собственным непомерным весом из-за чудовищных нагромождений на непрочном зыбком фундаменте, цивилизация людей сначала зашаталась из стороны в сторону, а затем все сильней и сильней стала раскачиваться. Пока, наконец, спустя непродолжительное время, все не рухнуло. Да так еще, что не только почти все города были разрушены, а до этого и лишены самого смысла своего существования. Брошено было все. И не по причине обыкновенной войны, которых в истории человеческой цивилизации было немало, а прежде всего потому, что люди и сами все куда-то подевались.

Впрочем, почти сразу на их место пришли другие, никому не известные доселе существа. Куда более развитые. И не столько даже внешне, сколько внутренне. Звали их тримы. Что это было за слово такое, никто не знал в точности. Хотя некоторые и утверждали, что произошло оно от старинного северного слова «тром», которое на одном давно позабытом редком наречии означало — венец. Тримы были чуть ниже людей ростом, но очень незначительно. Что же касалось всего остального, то они своих предшественников на Земле явно превосходили. Они были и ловчее их, и сильнее, но главное — мудрее. Они не знали, конечно, столько всего, сколько знали поздние люди. Однако тримы были очень любопытными и наблюдательными. Воспринимая окружающий мир более глубоко и непосредственно, они с невероятной быстротой познавали его. Поэтому не прошло и нескольких десятилетий, как они научились понимать многие вещи из того, почти необъятного наследия живших здесь прежде людей. В том числе и весьма сложные. Причем делали они это как-то очень легко, словно и не напрягаясь вовсе. Они могли, например, совсем не решать какую-нибудь сложную техническую задачу, чтобы найти ее решение. Они просто видели его, как будто бы чувствовали. И им не нужно было читать книг, чтобы понять их содержание. Они научились говорить с книгами. Тримы их внимательно слушали, водя по ним своими пальцами, и все понимали. Это было, конечно, отчасти интуитивной их способностью, которой, впрочем, так не доставало поздним людям. Тримам же она позволяла находить общий язык не только с древними книгами, но и абсолютно со всем, что их окружало.

Они могли, например, хорошо понимать язык животных и деревьев, ветра и камней. Да, они могли говорить со всем этим. И более того, иногда, но не всегда, конечно, окружающий мир также отвечал их просьбам. Ветер мог посильней покрутить их деревянные мельницы. А вода сама натечь в бочки для полива. Земля могла стать более плодородной, но могла и не стать. Ведь земля, вода, деревья и воздух также имели (как это выяснилось во времена те далекие), свою собственную натуру. Поздним людям этого было, конечно, не понять. Отчего они и загрязняли землю, портили воду и не позволяли ветру двигаться так, как ему того хотелось. Они устанавливали в огромных количествах ветряки, сливали нечистоты в океан и закапывали в землю всякий мусор.

Поэтому однажды и наступил момент, когда и земля с водой, и животные с растениями все разом, причем совершенно неожиданно, ополчились на людей. И буквально за несколько дней все было кончено. Никто, естественно, не знал в точности,

что же тогда произошло. Да и рассказать об этом было бы некому. Хотя, как это ни странно, но люди и сами по-видимому не слишком сопротивлялись разразившейся катастрофе. Стороннему наблюдателю могло бы показаться даже, что они едва только не обрадовались, когда заметили, что их мир летит в пропасть. Поэтому никто ни о чем и не сожалел бы тогда, даже если кто-нибудь и сумел тогда выжить.

Что же касалось самих тримов, то они вполне успешно себе развивались. И даже не слишком-то и задумывались о том, что это была за цивилизация здесь такая, которая существовала до них на Земле. Правда, они тоже пробовали жить поначалу и в заброшенных городах, и даже использовать не до конца еще разрушенные тепловые станции. Однако довольно быстро поняли, что прошлого уже не вернуть, отчего и побросали все это хозяйство на произвол судьбы.

Если же посмотреть на личные качества тримов, то тут можно было выделить, пожалуй, одно из них, самое главное. Они не терпели насилия. Ни над другими, ни над самими собой. Они знали, что за подобными вещами всегда следует расплата. Поэтому всегда предпочитали договариваться по-хорошему. Да и сами себя никогда не мучили. Тримы не любили власть. Они знали, что власть — это почти то же самое, что и насилие. И что она мешала бы им договаривается, даже если где-нибудь еще и существовала. Ведь власть никогда и ни с кем не договаривается. Она лишь диктует. А когда она начинает договариваться, то это уже и не власть вовсе, а что-то иное.

Жить тримы предпочитали в небольших деревянных домиках. Чаще всего одноэтажных. Иногда, правда, они строили себе и кирпичные дома. Однако делали это крайне редко, да и то, по обоюдному согласию с соседями. Что же касалось их деревень, то они не были большими, по двадцать-тридцать дворов в каждой. Большего же им отчего-то не хотелось. Занимались тримы в основном сельским хозяйством и животноводством. Иногда еще охотились и ловили рыбу. К тому же производством всяких ремесленных изделий, которые требовались им для повседневного обихода, они тоже не брезговали.

И все-таки нужно, наверное, признать, что был тогда один властитель над всем этим царством, имя которому было Трим. И этим властителем был ветер. Он, конечно, никогда и никем не управлял, однако всегда был над всеми. Он везде летал по небу и смотрел на всех свысока. Однако нисколько не задавался при этом. Иногда он начинал бедокурить. И тогда он срывал крыши с домов тримов, ломал их мельницы или досаждал им иначе. Тримы же, как это ни странно, почти на него

не сердились. Хотя и ворчали недовольно время от времени. Просто они знали, что у ветра натура такая. Он по-бедокурит, по-бедокурит, а потом и сам начнет помогать. И в общем, так почти всегда и случалось. После того как наиграется, ветер частенько подлетал к какому-нибудь триму и тихо спрашивал у него, не нужно ли тому какой помощи. А трим тоже не дурак был и всегда находил какое-нибудь дело.

Вот так ветер и тримы жили друг с другом почти в полной гармонии. И все-таки ветру не жилось тогда совсем уж свободно. Ему часто досаждали облака. Они везде следовали за ним. Как назойливые мухи они вечно кружились вокруг серыми стайками, стоило ему лишь ненадолго остановиться. Поэтому он совсем их не любил. Глупые они были. Своей воли не имели, да и мыслей интересных тоже. О чем можно было с ними разговаривать? Но и деться от них тоже было некуда.

Но зато ветер любил воду. Она была намного глубже него и сильней. И очень многое знала. Имела свой собственный необычный нрав. Иногда непредсказуемый и взбалмошный конечно, а иногда и очень добрый. А еще они с водой очень часто беседовали. Вода же считала ветер слегка поверхностным. «Так, — говорила она себе — полетает, полетает, да и улетит куда-нибудь. По сути же, — верхогляд. Многое знает, и это без сомнения, однако в глубину заглянуть не может. А я вот как раз глубокая. Я, быть может, и не знаю столько всего сколько он, но зато, что уж знаю, то до самого основания».

Иногда случалось и такое, что вода с ветром ссорились. И тогда в океане начинались бури. Очень сильные. Такие, что даже тримы свои деревянные суденышки оставляли прямо на берегу, а сами уходили от воды подальше. Потому что волны там были очень высокими. Но затем выходило солнце и ветер с водой снова мирились. И тогда один летел смеясь, а вторая текла под ним и оба в одном направлении. Они весело улыбались друг другу, и больше уже не ссорились.

Солнце же любили все. Потому что оно всем дарило тепло и радость. И находило такие слова, которые для всех были приятными. Ветер на солнце посматривал снизу вверх, и немного его побаивался. Но все-таки, хотя и достаточно редко, они с солнцем тоже беседовали. В одну из таких бесед солнце сказало ветру, что оно не одно такое на небе. И что те звезды, которые он видит по ночам, это такие как и оно само, огромные сгустки раскаленного газа. Только очень-очень далекие. А еще солнце сказало, что ветер живет на планете имя которой, Земля. И что таких планет огромное множество. И еще солнце ветру много чего рассказывало. А тот внимательно все сначала выслушивал, потом

долго обдумывал и наконец всем разболтал. Кто-то ему поверил, а кто и просто пожал плечами или даже посмеялся над ним. Но после одной из таких бесед ветер очень полюбил смотреть на звезды. Особенно тихими безоблачными ночами, когда все на небе было хорошо видно. Тогда он ложился прямо в поле и, слегка приминая траву или пшеницу, всю ночь смотрел куда-то наверх. До тех пор, пока уже поутру какой-нибудь крестьянин-трим его, совсем замечтавшегося или даже просто уснувшего, не ткнет палкой в бок или еще как-нибудь не разбудит. Тогда он подскакивал быстро в воздух и, бормоча что-то невнятное, улетал скорее прочь. А крестьянин над ним еще и посмеивался. Но ветер нисколько не обижался на крестьянина, потому что знал, что тримы к нему очень хорошо относятся и зла совсем не держат.

2. Леший

Леший в лесу жил. Почти в самой его чаще. И все там ему нравилось. Везде темно и сыро. Опавшие листья, сгнившие ветки, вечно грязные лужи и стволы деревьев. Все это любил Леший. Иногда он просто ходил там вокруг своего домика, прислушивался к разным звукам и подолгу смотрел на небо. Похрустывал веточками и притопывал большими широкими лапами. Местные звери почти не боялись его. Но и не очень-то любили. Он все-таки пугал их иногда, хотя и не специально, конечно. Просто так уж случалось, что какая-нибудь лисица, например, идет ночью по своим срочным лисьим делам и вдруг натыкается на это чудище. Она пугалась тогда сильно, тявкала и, едва не поседев от страха, убегала скорее прочь. А Леший только поскрипывал, почесывался и не обращал на местных обитателей никакого внимания. Ему и так было хорошо.

Но так не всегда было. Когда-то, очень давно, решил себе Леший друга найти. «Что-то я все один да один, — подумал он, — надо бы мне себе приятеля какого-нибудь подыскать». Но где же его найти-то здесь в самой чаще? И пошел он тогда у лесных зверей поспрашивать. Не нужен ли Леший кому в друзья. Но те все отказались. У деревьев тоже спросил. Но и тем не надобен. «Видно, придется мне себе друга где-то на стороне искать», — решил тогда Леший. И пошел прямиком прочь из своего леса.

Шел он долго. И сам удивлялся: «Что же это лес мой такой большой, а ведь сам-то я и не знал об этом прежде. Нужно мне будет как-нибудь его весь целиком обойти. А то сижу здесь на одном месте как пень трухлявый и сам своих владений не ведаю». Наконец закончился лес. И вышел Леший в поле. Но хорошо еще, что тогда поздний вечер был. А то бы он там всех тримов по-распугал. Потому что в поле том они обычно рожь сеяли и работали каждый день. Выйдя же в поле, Леший стал по сторонам оглядываться. Но никого поблизости не увидел. И только где-то вдалеке, почти у самого горизонта тускло мерцало несколько желтых огоньков. Это был свет из деревни, где тримы жили. Они пока еще не спали. «Вот туда-то я и пойду», — решил тогда Леший. И пошел прямиком через поле. Вот только лапами своими большими да широкими уж больно много он колосьев потоптал. Так что тримы на следующее утро ругались сильно и сами, правда, не зная на кого. Наконец добрался он до деревни.

А в той деревне собаки жили. Учуяли они Лешего и давай лаять. Сначала одна, потом другая, а за ней уже и все подхватили.

Вот, почти вся деревня собачьим лаем исходит, а все никак угомониться не могут. Подошел Леший к первому дому и остановился возле забора. Увидала его собака, что там жила, побежала к калитке и спрашивает:

— А ты кто такой, зверь лесной, будешь?

— Я, Леший, — отвечает тот.

— Ах, Леший? — тявкнула собака, — ну тогда скажи мне, зачем ты к нам сюда пожаловал.

— Я друга себе ищу.

— Ах дру-уга? — прорычала собака, — так нет в этом доме друзей для тебя. Уходи откуда пришел.

Но не послушал ее Леший и говорит:

— А дай-ка я сам посмотрю, что это тримы там в доме делают.

Собака от возмущения аж крутанулась на месте:

— Да я никогда к себе во двор чужих не пускаю. Тем более ночью. Уходи, а то укушу.

— Ах так! — рассердился Леший.

Достал он тогда из-за пояса дубину свою тяжелую, да как дал ей собаке по боку, что та к самому к дому отлетела. Да так перепугалась, что, позабыв даже взвизгнуть, поджала хвост и под крыльцо хозяйское сбоку забилась. А Леший тихонько в калитку вошел, потом к дому прокрался и стал в окошки заглядывать. Смотрит, а внутри дома тримы около печки сидят. Мужик с бабой да ребятишек несколько. Посмотрел на них Леший, посмотрел и говорит себе: «Нет, эти тримы мне в друзья не годятся. Уж больно маленькие они какие-то, еще испугаются. Да и огонь, похоже, любят. А я огня боюсь. Пойду-ка я лучше к другому дому». И пошел он к другому дому. А там тоже собака была. Но она уже как-то учуяла, что с Лешим шутки плохи. И сама убежала на дальний конец двора, от калитки подальше. А Леший, как и в прошлый раз тихонько во двор зашел и опять в окно заглянул. Но и там было все то же самое. Опять мужик, баба, ребятишки малые, да огонь в печи яркий. Так и ходил он по той деревне от дома к дому и все в окошки заглядывал. Но, как ни старался, так и не нашел никого подходящего себе в друзья. «Да, плохи мои дела, — подумал Леший, — придется мне, наверное, в другой деревне себе друга искать». Однако и другая деревня ничем не отличалась от предыдущей. И в третьей деревне все было как в первых двух. Наконец вышел Леший на совсем незнакомое поле. А за ним и лес виднелся, тоже неизвестный. Пересек он то поле и в лес зашел. Там зайцы ему попадались, вороны, белки и прочая живность.

Забрел он наконец в самую чащу. Видит, избушка стоит. Вся

косая, сырая да мхом поросшая. И так эта избушка ему сразу понравилась, что он взял и в дверь постучал. Но ему никто не ответил. Тогда он внутрь вошел. А в той избушке другой Леший жил. Увидел он, что к нему кто-то в дом вломился да как на него накинется. Сцепились оба Леших и стали друг друга мутузить. Дерутся так, что скрип чуть не на весь лес стоит. Собрались вокруг них звери лесные. Стали наблюдать. А вперед всех барсук вышел. Он там самый старый и мудрый житель был. И говорит Лешим:

— Чего ж это вы так деретесь? Вы бы лучше друг с другом поговорили, может до чего путного и договорились бы.

Остановились Лешие. А сами думают: «А и вправду, чего это они дерутся?» И сразу после этого и помирились. Сели даже к новому Лешему чай пить. А чай у того был вкусный: с липовыми ветками, березовыми почками, да с душицею. Пьют Лешие чай, а сами над собой посмеиваются. Как это они, ничего не разобрав, друг друга только что мутузили. И готовы были уже подружиться. Но тут, прямо как назло, неприятность случилась. Старый Леший чашку разбил. Он ее в лапах своих ветвистых держал, а она как-то сама у него на пол выскользнула и разбилась. Не понравилось это новому Лешему. Стал он на старого косо поглядывать, да еще ворчать про себя что-то нехорошее. А старый тоже не промах был, взял и дал пинка новому Лешему. И опять у них драка затеялась. Посмотрел на все это барсук, посмотрел и говорит:

— Нужно вам, наверное, Лешим одним жить. Ты, старый, в свой лес иди, а ты, новый, здесь оставайся. Так оно всем спокойней будет.

Подумали Лешие и согласились. Правильно барсук рассудил. Недаром самым умным жителем здесь слыл, мудро распорядился. И пошел тогда старый Леший к себе домой, в лес свой дремучий вернулся. И так ему хорошо там сделалось, что никаких друзей больше и не надобно.

3. Мышь серая

Эта мышь в лесу жила, почти там же где и Леший. Но чуть ближе к окраине. Жила — не тужила. Вот только имя ее ей не нравилось. Ее Норушкой звали. А какая же она Норушка, если у нее даже своей собственной норы не было. Были у нее, конечно, всякие знакомые и родственники, которые легко ее к себе в гости пускали. Но ей свою норку хотелось.

Лес, конечно, большой. Но вот найти в нем место подходящее, которое тебе больше других нравится, оказалось делом весьма хлопотным. Потому что все хорошие места давно уже заняты, а то что есть — все было что-то не то. У той норы крыша сыплется, того и гляди на голову упадет. У этой снизу протекает что-то. А в третьей, так и муравьи с блохами живут. А тех пока по-выведешь, замучаешься.

Пошла тогда мышка к одному своему старому знакомому. Да и не то чтобы именно знакомому или даже родственнику, а все же — своему. Хомяк это был. Он в роскошной норе жил. Той, что под дубом. Пришла к нему мышь и села чай пить. А потом, между делом так и спрашивает:

— Дядюшка хомяк, а вот вы, говорят, самый умный житель здесь и многое знаете. Скажите мне, пожалуйста, где бы мне себе норку новую найти?

А хомяк подумал немного, подумал и отвечает:

— В нашем лесу, мышь ты моя серая, норки тебе не сыскать. Ты вот лучше в поле пойди, да там поспрашивай, может и отыщешь чего. У пшеницы, что там растет спроси. Она знать должна.

— Спасибо вам, дядюшка, — ответила ему мышка.

Потом допила свой чай, пискнула и в поле побежала. А там и вправду пшеница росла, да еще и с овсом впридачу.

— Пшеница, пшеница, — мышь спрашивает, — а нету ли у вас здесь норки какой для меня, свободной?

Пошумела пшеница, пошумела и говорит:

— Нету у нас здесь норки для тебя. У нас тут и так кроты с майскими жуками живут. Не пустят они тебя к себе. В другом месте ищи.

И побежала мышь дальше. Что было делать. Долго ли, коротко ли бежала она. Вдруг, глядь, земля переменилась, твердой стала и совсем не сыплется.

Подбежала мышь к первому попавшемуся жуку и спрашивает:

— А, дядюшка жук, что это у вас тут за земля-то такая, твердая?

А жук ей отвечает:

— Это не земля, дуреха, а бетон. Тут люди когда-то прежде работали. Они и построили. Вот только давно это было, теперь никто и не упомнит.

— А-а, — протянула мышь понимаючи, — значит люди. А что они делали? Ты говоришь, что они работали?

— Да, работали, а что делали не знаю. Ты, вон, лучше пойди у пауков спроси. Они там в темных щелях живут и по-более моего знают. Только ты с ними поосторожней будь, а то ведь они и ужалить могут.

— Спасибо тебе, дядюшка, — поблагодарила жука мышь и побежала дальше.

Добежала она до тех щелей темных, о которых жук ей рассказывал. Смотрит, а там внутри и вправду что-то шевелится. Ух и страшно же ей стало. Не любила она пауков, боялась их очень. Но, что было делать, не возвращаться же.

И вот ползет она по длинной узкой расщелине, а там то с одного боку, то с другого, как зашевелится что-то, у нее аж душа в пятки. Наконец вышел ей навстречу самый главный паук. Большой такой, страшный. Глаза горят, а лапки подергиваются.

— Ты чего это, мышь серая, тут делаешь? — говорит.

— А я, мышка Норушка, я себе норку новую ищу, — ответила ему мышь. — А ты, я знаю, паук страшный, мне про тебя жук там наверху рассказывал.

— Ах жу-ук, — протянул паук понимаючи, — ну тогда ладно, не будем тебя жалить, поговорим. Так ты, значит, норку себе новую ищешь?

— Да, дедушка, — ответила ему мышь дрожащим голосом.

— Ну, норка тут есть одна для тебя. Вот только там змея живет. Ты ее убей и сама живи как знаешь. А мы, пауки, тебя не тронем. И будем даже охранять.

— А что, — поинтересовалась мышь, — та змея, она ядовитая?

— Да, — ответил ей паук, — очень. Раз укусит и все. Мы ее сильно боимся. Но ты не трусь, мы тебе противоядие дадим. Оно на нас пауков не действует, а тебе в самый раз будет. Ты его выпей и иди змею убивать, а мы тебя здесь подождем.

Взяла тогда мышка пузырек тот зелененький, да и выпила его содержимое. Что было делать? Потом пискнула, чихнула, потому что зелье то больно уж терпким оказалось. И пошла вперед змею убивать. Вот только качало ее отчего-то. То в одну сторону, то в другую. Все вокруг туманным сделалось, а самой весело стало. Так она и шла по той расщелине, а как дошла до ее конца, то уже настолько развеселилась, что стала песни петь.

Услыхала ее змея и задумалась. Мало того, что кто-то по расщелине той запретной идет, так еще и песни поет очень громко. «Видно, это сильный зверь какой-то, раз меня совсем не боится, — решила она наконец. — Ведь там одни пауки трусливые живут и они наверняка предупредили гостя незваного». И тут прямо ей на голову из расщелины той, что под потолком была, свалилась мышь серая. Да как увидала ту змею, так со смеху аж с лапок попадала. Лежит на спине, смеется и подняться не может. Поглядела на нее змея, поглядела, оползла вокруг, да как ужалит. Мышь так сразу на лапки и вспрыгнула.

— Ты чего это, старая, кусаешься?!

— А ты кто? — змея спрашивает.

— Я, мышь серая. Я себе норку новую ищу и теперь тут хочу жить.

— Ах ту-ут?! — зашипела змея, да как кинется. Еще раз ужалить мышь хотела.

Но мышка тоже не промах была и сразу высоко вверх подпрыгнула. А как подпрыгнула, так той змее на голову и села.

— Ну вот, змея, — пропищала мышка, — теперь ты в моей власти! И теперь я здесь буду жить.

И так ту змею укусила, что та сразу и померла. «Ну вот, — повторила мышь, — так-то оно лучше будет. А то, ишь, кусаться вздумала». И пошла свои новые владения осматривать.

А там места видимо-невидимо. И все потолки высокие. И полы ровные. И на голову ничего не сыплется. Муравьев, жуков и прочей живности, даже и в помине нет. Всех, видимо, старая змея по-передушила. «Вот это хоромы», — сказала себе мышь и дальше пошла. А дальше была еще комната, потом другая. И так много их было, что и не сосчитать. Но больше всех мышке понравилась комната с лампочками. Там стулья деревянные стояли и два стола. И на каждом таком столе лампочки были разноцветные. Вот только не горели они совсем.

— А что же это вы лампочки такие красивые и не светитесь? — спросила у них мышь.

— А они и не могут, — ответил ей кто-то из-за стола.

— А это кто там сидит? Кто со мной разговаривает?

— Я, пульт управления. Меня люди сделали. Только давно это было.

— Ах пу-ульт, — протянула мышь понимаючи. — Ну тогда расскажи, коли знаешь, как лампочки твои разноцветные починить. А то я страсть, как на них посмотреть хочу.

— А ты вот полезай внутрь меня, да проводки разные соедини. Какие — расскажу, они и заработают.

Мышь так и сделала. И долго она еще внутри этого пульта

возилась. Сильно поломанным он оказался. Но наконец-то управилась.

— Вот, — говорит мышь, — все сделала. Включай теперь свои лампочки.

Пульт щелкнул, скрипнул, загудело внутри него что-то. И заработал. А вокруг него такой яркий свет сделался, что слепит прям. И зажужжало все вокруг, и заскрипело.

— Вот, — говорит пульт управления, — так-то оно лучше будет. И веселей. А тебе, мышь ты моя серая, за помощь твою я один секрет открою. Ты вот сейчас вон ту кнопку красную нажми, да потом еще те ключики поверни. И будет тебе второй закат солнца за сегодня. Удивишься.

Призадумалась мышь. Ей ведь когда-то бабка еще давно рассказывала, что они со своими родственниками, второй такой закат солнца уже видели. Но сама она тогда совсем маленькой была. И была ли то правда или нет, никто не мог сказать. Но посомневалась мышь, подумала и все-таки решилась.

— Хорошо, — говорит, — давай, пульт ты мой лампочный, сделаем с тобой второй закат солнца за сегодня. И исполнила все, как пульт ее просил в точности.

Вдруг загудело все вокруг, затряслось и так жарко сделалось, что хоть беги. А мышь и вправду так перепугалась, что побежала. Мимо комнат бесконечных, мимо змеюки мертвой, да мимо пауков страшных. И так быстро бежала она, что у тех даже глаза на лоб по-вылезли. Удивились очень.

А мышь все бежала и бежала. Пока не добралась до деревни одной. Та деревня совсем неподалеку от ее леса была и мышь ее хорошо знала. А в той деревне трим один жил. Старый и чудной. Усы носил огромные, чуть ли не до пояса. А чудной, потому что любил на крыше сидеть. Сядет так, бывало, и целый день на небо смотрит. Вот и сейчас этот трим у себя на крыше сидел и на поздний закат любовался. Увидала его мышь и подумала: «А ведь с крыши-то оно, наверное, на второй закат лучше смотреть будет». И полезла к усатому триму. А тому и все равно. Мышь — не мышь, какая разница. В любой компании веселее.

Так они и сидели там вдвоем, на закат любовались. «Но, — вздохнула мышь, — обманул меня, видимо, пульт тот с лампочками. Хотел меня из той норы прогнать и сам во всех комнатах жить себе. А я, дуреха, ему и поверила». Но не обманул пульт мышь серую. И вскоре где-то далеко за горизонтом второй очень яркий закат вспыхнул. И был он еще краше первого. И вот тогда уже многие из деревни той к триму усатому да к мышке серой на крышу по-залазили, на чудо то дивное посмотреть.

4. Ракета

Сидели как-то тримы у себя в деревне и думали, чем бы им таким особенным заняться. Кто-то предложил железный забор вокруг деревни строить, кто-то высокую башню, а кто-то — ракету. Последняя идея всем больше остальных понравилась и решили они строить именно ракету. Разыскали на ближайшей свалке железяк ржавых да разных, кто-то бетонных блоков притащил, что потяжелее, а кто предпочел и двигателем заняться.

Наконец ракета была готова. И не слишком-то долго тримы ее и строили. А вышла на загляденье. Железный каркас, проволочками перетянутый, бетонные крылья и борта. А снизу для костра еще место, потому что кто-то из компании этой, кто посообразительнее других был, сказал, что у ракеты обязательно сзади огонь должен гореть.

Развели они огонь, да сильный такой, что и не подойти даже. Но ракета что-то все не взлетала. Стали думать. Пошли по деревне поспрашивать, может кто знал, как ракету в воздух запускать. Но никто, конечно, ни о чем подобном не слыхивал. Тогда тримы пригорюнились сильно и бросили эту затею. Пошли железный забор строить. И с этим делом у них намного лучше все получилось.

А ракета, вся черная от копоти, да обгорелая со всех сторон, так и осталась стоять на окраине деревни. И долго бы она там еще стояла, если бы в деревню ту не пришел однажды трим из большого города. Ведь там в городах тоже иногда тримы жили. Хотя жизнь там совсем другой была и, как говорили, на любителя.

Как увидел этот городской трим их железобетонную ракету, ох и смеяться же стал, только за бока держался.

— Где же вы, недотепы, видели, чтобы ракеты так строили? Вы бы хоть в книжках умных посмотрели, ведь там все про это написано.

— А мы книжек умных не знаем, — ответили ему деревенские жители, — мы с ними только говорить умеем, потому как грамоте не обучены.

— Вот и идите тогда в город, и там поищите, что вам в этом деле знать надобно. А раз слушать умеете, то и поймете, что в книгах написано про эти вот самые ракеты.

Подумали деревенские тримы, подумали, что делать? Надо кого-то в город посылать уму-разуму учиться. Решили послать Чубатого. Он парень молодой еще, да и ум у него очень бойкий. Уж быстрее остальных поймет, что к чему. А городской трим

тогда еще пообещал, что Чубатого проводит до самого города, потому как дорога туда трудной и опасной была. Так и ушли они.

И вот уже месяц, другой проходит, воротился наконец Чубатый. И не только все узнал, что да как в ракетостроении, а еще и книжек умных с собой целый чемодан принес. Стали его деревенские жители спрашивать, что они не так в той ракете делали. А он так по-умному с ними говорить принялся, да потом еще и чертеж показал. Развернул его прямо на земле и объяснять начал. Ох и большой же тот чертеж у него был, метров десять на пятнадцать. Еле-еле на дороге уместили. А Чубатый снял еще ботинки свои и прямо так босиком по этому чертежу ходит и все показывает.

А тем временем бабка Полушница, что в доме напротив жила, решила в лес за грибами сходить. Да всю ту компанию и увидала. Подошла к ним и стала прислушиваться. А потом как закричит:

— Чего ж это ты, Чубатый, нам, честным тримам, тут голову морочишь? Разве же это ракета? Да такая ракета у меня в огороде рядом с сараем стоит.

Все уставились на Полушницу.

— Ты что бабка, совсем на старости лет с ума спятила?

— Да нет же, — говорит, — сами пойдите и увидите. У меня там колодец один, глубокий. Так я в нем картошку храню. Только он сырой весьма. Я уж ее родимую из-за этого даже в сетке подвешиваю, за крючок цепляю.

Удивились деревенские жители, но решили все-таки на чудо то посмотреть, интереса ради. Пошли в огород к Полушнице, открыли железный люк, смотрят, а там и вправду снизу что-то виднеется. Спрашивают:

— Это чтоль ракета твоя, а, бабка старая?

— Эта, — отвечает, — только видите, воды сейчас много натекло, так что ее почти не видно.

— Ну ничего, это мы сейчас быстро поправим. Только люк у тебя уж больно тяжелый. Как же ты раньше его одна открывала?

— Да так, сынки, потихоньку да помаленьку, — ответила им бабка и пошла своей дорогой в лес.

А деревенские жители призадумались. Как же им воду всю из колодца убрать. Ведром ведь неудобно, да и долго очень. Обратились они к ветру.

— Эй, ветер вольный, — говорят, — ты помог бы нам. А то сами мы тут не сдюжим. Глянь, воды сколько.

— Нет, — ответил им ветер, — в этом деле я вам не помощник. Что я тут поделать могу? Ну подую-подую, а толку чуть, вода-то никуда ведь не денется. Вы бы лучше у туч спросили. Вечно они за мной по небу носятся, уж так надоели,

что сил нет.

Спросили тримы у туч. А те им ответили:

— Мы в этом деле вам тоже не помощники. Вот если надо, можем еще побольше воды налить. Это запросто. А меньше сделать — тут уж никак, извиняйте. Вы пойдите лучше у солнца спросите, может оно вам как подсобит?

Обратились тримы к солнцу.

— Солнышко любимое, родное. Помоги нам, бедолагам, пожалуйста. Не можем мы этот треклятый колодец осушить. Уж больно глубокий он и ведром не подлезешь.

А солнце им ответило:

— Хорошо, помогу вам. Но только смотрите, со мной шутки плохи. Я ведь горячее очень, и если только нужно станет, сразу кричите мне, чтобы остановиться. А то, неровен час, я всю деревню вашу спалю.

— Не беспокойся, солнышко, мы скажем, — ответили ему тримы обрадовавшись.

И начало солнце греть их колодец. Час греет, два. Вот уже и пар оттуда пошел. Потом еще зашипело что-то. Глянули тримы вниз, а там уже и пусто совсем. Испарилось все.

— Ух, спасибо тебе, солнышко, большое, — поблагодарили они, — век тебя не забудем.

— Да ничего-ничего, — ответило им солнце, — для меня это только развлечение, — и покатилось по небосводу дальше.

А тримы, не будь дураками, в тот колодец веток сухих накидали, да огонь разожгли. А Чубатый все смотрел на то, что перед ним происходило и только головой качал. Вот, вроде, и правильно они все делали, а все одно, не так что-то. Должен быть у ракеты сзади огонь, это точно. Вот только какой-то другой он должен быть. Не слишком большой и не такой яркий.

Наконец из колодца дым пошел. Все обрадовались, думали, что ракета вот-вот сейчас взлетит. Но вместо этого из колодца шипение сильное раздалось, да свист такой, что все чуть в обморок не попадали. А как очухались, так с перепугу и бросились бежать. Да и вся деревня тогда целиком в окрестные поля быстро выбежала. И тут вдруг жахнуло.

Тримы потом рассказывали, что они в тот момент подумали, что это все, светконец пришел. Все тут же на землю кинулись и стали причитать, чтобы не слишком сильно мучиться, когда помирать станут. Но никто, конечно, в тот день не умер. А только лишь пыль осела, да дым развеялся, как сразу увидели они, что от их деревни ничего уже и не осталось. Одна только яма огромная, аккурат в пределах того забора, который они успели когда-то здесь прежде построить. И сели они вокруг той ямы

и стали думать, чем бы им таким еще теперь заняться.

5. Летуны

Совсем одолели кошки мышей. Житья от них никакого бедным мышам не стало. Вот и решили тогда мыши и те, что полевые, и те, что домашние совет держать. Как им от кошачьего гнета избавиться. И так они думали и эдак, ничего не выходило. И встал тогда самый старый и мудрый из всех мышей, и так сказал им:

— Раз мы, мыши неразумные, ничего толкового придумать не можем, то пойдемте тогда по белу свету искать, как нам судьбу свою невеселую облегчить. Глядишь, может быть тогда что и придет нам в голову.

На том и порешили. И отправились в тот же день мыши в разные стороны уму-разуму учиться. А когда пришло время возвращаться, то и вернулись они, и на новый совет собрались. Встала тогда первая по очереди мышь, она самая ловкая и шустрая из всех была, и так говорит:

— Я предлагаю, как сама то в одном месте видела, на котов ловушки ставить. Делать железные клетки и туда их заманивать.

— Хорошее предложение, — сказал мышиный старейшина. — Кто еще что видел, выкладывайте.

Встала тогда вторая мышь и говорит:

— А я предлагаю сюда собак позвать. Там где собаки живут никаких котов не бывает. Они их всех мигом загавкают.

— Тоже здравая мысль, — отозвался мышиный старейшина.

И тут вдруг встала самая маленькая мышка изо всего мышиного племени и тихо так говорит:

— А я вот видела, что мыши летать могут.

— Как так? — удивились все.

— А так. Есть у тримов одно приспособление, дельтаплан называется. Я его в старом городе несколько раз видела. Там многие тримы на них по воздуху летают. Залезут на дом, какой повыше и вниз прыгают. Но не разбиваются, а просто так летят и летят себе дальше. Как листья. Так вот, у одного из таких тримов мышонок ручной был, дружили они. Я с этим мышонком тогда случайно познакомилась. А он мне все об этих дельтапланах и рассказал. Как их делают, как потом на них летают и все такое прочее. Так что если нужно, то я тоже рассказать могу.

Идея всем очень понравилась. А мышь та малая будто и вправду ожидала этого. Вынула она из своей сумки какую-то бумажку, расстелила ее на столе и всем показывать стала.

— Это, — говорит, — схема. По ней дельтапланы и будем

делать. Только не такие, как у тримов, а поменьше.

— Ну что ж, — отозвались остальные мыши, — давай, говори нам, что тебе надобно.

— А нужно мне вот что: бумаги побольше, да масла любого. Да ивовых веточек еще, только чтобы они тонкими были и нитки.

Побежали мыши все добывать. И не прошло и получаса, как все, что было нужно доставили.

— Вот тебе, — говорят, — мышь ты наша малая, все что ты просила. Делай.

— А мышка та рас-рас иголочкой, два-два ножницами, три-три ножичком и сделала дельтаплан маленький.

— Вот, — говорит, — дельтаплан вам. Теперь тому, у кого он есть никакие кошки не страшны. Не достанут они его.

Пошли проверять. Выбрали самую ловкую и бойкую мышь, показали ей как планировать. Помогли даже на дерево повыше забраться и пустили. Мышь та, конечно, запищала сперва со страху. Но потом освоилась. Стала круги по воздуху делать, да пируэты выписывать. Запрыгали мыши от радости. Ну, теперь их котам не достать!

Так прошло две недели. И мыши те все себе дельтапланов понаделали и решили в ближайшую деревню, где тримы жили, слетать. Посмотреть чтоб, как на них теперь кошки покуситься посмеют. Забрались они на деревья, что повыше были и полетели.

Кошки же деревенские ни о чем таком, конечно, не подозревали. А просто сидели себе на крылечках и на солнышке грелись. Вдруг, глядь, — что такое? Летит кто-то. Да не один, а целое полчище. Подумали сперва, что это просто ветер листья из леса принес. Но нет, не листья то были. А как подлетели те летуны поближе, так и увидели кошки, что это не кто иной, как мыши. Те, что их всегда так сильно боялись и на которых они прежде охотились. А теперь эти мыши над ними еще и потешаются. Ух и разозлились же тогда кошки.

Но как им мышей этих с неба достать? Ведь дельтапланов-то строить они не умели. И додумались они палки себе длинные привязывать, так, чтобы повыше быть. Привязали они такие палки к лапам трех самых быстрых и отважных котов, и пустили их мышей ловить. А на палках-то неудобно и особо не побегаешь. Коты же те ходили, ходили, да так все вниз и попадали. А один даже в грязь угодил. Причем, как назло, там его хозяин поблизости шел. Видит он, что его кот откуда-то сверху летит, да как шлепнется. И всего его грязью забрызгал. Ох и ругался же тогда хозяин на своего кота-недотепу.

— Ишь, что вздумал, негодный, — кричал он ему вслед, — на небо захотел попасть? Так я тебя сам туда еще скорее

отправлю. Попадись мне только.

Ох и веселились же в тот день мыши. Смеялись аж до слез. А потом еще слетали обратно в лес, да набрали там орехов и желудей, и назад в деревню вернулись. Уж никогда, наверное, не забудут кошки того позора, как их мыши по деревне туда-сюда гоняли, да все желудями и орехами закидывали. Но все когда-нибудь кончается. Подошел к концу и тот день. Мыши вернулись обратно в свой лес, а кошки теперь уже сами стали совет держать, как им мышей поганых истребить.

Кто-то из них даже знал, потому что видел где-то, что мыши себе дельтапланы построили. Но что было проку с того. Ведь у кошек-то лапы не такие ловкие и сами они не сумели бы такую тонкую работу сделать.

— Давайте тогда рогатки мастерить, — предложил кто-то из котов.

Но и с рогатками тоже незадача вышла. Негде было столько резины взять. Резины-то в то время вообще мало было, а та что была, давно уже вся истлела. И встал тогда самый старый и матерый кот с одним оборванным ухом и произнес:

— Луки будем делать. Веревки тонкие мы сможем себе в нашей деревне найти, а веточек, их везде полно. Из них мы и стрелы для луков легко изготовим.

Так и поступили. Поэтому, когда на следующий день мыши снова из леса в атаку пошли, кошки их уже ждали. Ух и битва же тогда у них была. Даже тримы из той деревни, вконец оторопев от того, что их коты с мышами вытворяли, на поля ушли. И оттуда уже за всем спокойно наблюдали.

В деревне же происходило настоящее побоище. Мыши сверху атаковали: орехами и желудями кошек забрасывали. Последние же сначала прятались, а потом неожиданно выскакивали и стреляли из луков в тех летунов. Много писку и мяуканья тогда было. Но и тот день, пусть и нескоро, но тоже закончился. И стали враждебные стороны свои потери подсчитывать. По количеству, конечно, мыши пострадали больше. Но их и изначально больше было. А поэтому все решили, что мыши тогда победу одержали. А значит теперь в деревне они должны быть главными, и кошкам впредь их обижать строжайше запрещалось.

Но кошки — хитрые создания. И, пожалуй, даже похитрее мышей будут. Они гонца тайного послали, в другой лес, дальний. С грамотой, что, мол, мыши их совсем одолели, что летают на дельтапланах и жизни не дают. А кому бы вы думали направили они ту грамоту? Летучим мышам, конечно. А те, когда обо всем узнали, так чуть со злости не полопались. Что какие-то

дальние их родственники, бескрылые и жалкие, на их небо покушаются, на вотчину. Так не бывать же этому!

На следующий день кошки с той деревни, зная уже обо всем, вид сделали, что просто так лежат себе спокойно, на солнышке греются. А мыши, ничего не подозревая, из леса к ним на дельтапланах полетели, с проверкой. Что да как, да какие там у них дела. Не балуют ли кошки и не затевают ли чего нехорошего. И только, что они к той деревне подлетели, как откуда ни возьмись, на них мыши летучие напали. И все им дельтапланы по-переламывали. Попадали тогда простые мыши с неба и так со страху в свой лес драпанули, что даже кошки их догнать не смогли.

Но с тех пор кошки и мыши стали друг к другу с большим уважением относиться и не обижали уже друг друга попусту.

6. Золото

Не долго думали Застегнутый с Запахнутым как им разбогатеть. Все было проще простого. Рудное золото — вот все, что им было нужно. Некоторые, правда, называли то золото еще и ртутным, но это, как говориться, уже их дело. Ну а раз так, то чего зря время терять? Тут, правда, необходимо одну оговорку сделать. Что, во-первых, золото то не совсем обычным было. Жидким было оно, как будто расплавленным, но при этом и холодным. А во-вторых, добыть его можно было лишь из большой ржавой трубы, которая торчала на одном необитаемом острове. А остров тот находился посреди топкого гнилого болота. Болото же то находилось в самой чаще огромного дикого леса. Но и это было еще не все. В болоте том чудище древнее жило, да и не чудище даже, а так, диво болотное. Страшным было оно. Но не по внешности своей, которая напоминала скорее корягу или ствол давно прогнившего старого дерева, а потому, что оговор знало. И много на болоте том с давних времен разных горемычных бедолаг сгинуло. Обратило их чудище, кого в деревья ветвистые, а кого и просто в пни замшелые.

И все бы, наверное, и ничего было, и на болото то гиблое никто вовек и не сунулся, да вот стоило рудное золото очень дорого. За один только стаканчик его можно было всю ту деревню, в которой Застегнутый с Запахнутым жили, купить. Вот они и подумали, что другого пути у них попросту нет. А поэтому стали в дорогу собираться. Взяли они тележку свою деревянную, да починили ее еще. Колеса смазали и веревку крепкую привязали. Фонарик взяли, который ночью светится. Хитрый такой, на него нажмешь-нажмешь, а он и загорится. Топор еще, на всякий случай. Канистры две — это уже для золота. Ну и еды поболее.

Однако труден был их путь длинный до леса того дальнего. Шли они сначала по полю широкому. Потом в лес зашли темный. Потом опять было поле. И наконец подошли они уже к лесу нужному. Но тот лес и сам по себе весьма опасным был. Жили в нем звери дикие. И те, которых тримы давно уже знали, и еще другие звери, неведомые. Вот и говорит тогда Застегнутый Запахнутому:

— Ты, братец мой, вперед иди, закутайся поплотнее в свой полушубок и ничего не бойся. Если же какой зверь на тебя нападет, так ты сразу на землю и падай. А я его ножом убью.

— А если ты не успеешь? — спросил Запахнутый.

— Ничего, успею. Ты меня знаешь, я охотник опытный и рука моя верная.

Так и решили они. Но сначала попадались им одни лишь зайцы да белки, которые сами от них во все стороны разбегались. Потом лисы пошли. Видели они их штук несколько. А потом и волки объявились. Увидел один такой волк Запахнутого. Да как на него кинется. Но тот не растерялся и все, как велел ему Застегнутый, выполнил. Закутался он в полушубок свой овчинный и упал быстро на землю. Волк на него прыгнул, а тут и Застегнутый с ножом своим острым. Ударил того волка в бок и все было кончено. Так и пробирались они по лесу тому все дальше и дальше. И еще им другие волки попадались. А потом опять лисы. И наконец медведь. Но медведя того Застегнутый убить не сумел. Уж больно толстая шкура у него была. Но все же ранил он его сильно, отчего медведь назад в глубь леса ушел.

Наконец добрались они до того болота тайного. Смотрят, болото как болото. Посреди него островок серой тенью виднеется. А на островке торчит труба железная. Но не вертикально, а как-то наискось, чуть в сторону. Из верхнего же конца ее золото жидкое капает. Да тихо так, как будто вкрадчиво. А дальше ручеек этот уже по сырой траве под воду уходил. «Вот оно наконец счастье-то наше!» — подумали Застегнутый с Запахнутым. Но стали озираться. Странным показалось им то место, подозрительным. Как будто что-то притаилось там на глубине. Вроде и рядом совсем, но отчего-то невидимое. А вокруг них деревья стояли всякие: и высокие, и низкие, но все пожухлые и мхом поросшие. Да валялись еще стволы старые, давным-давно насквозь прогнившие. Не знали вот только Застегнутый с Запахнутым, что это другие, такие же как и они сами, тримы, навсегда здесь остались, только уже обращенные. И сказал тогда Застегнутый Запахнутому:

— Знаешь что, братец мой Запахнутый, давай-ка я лучше обойду этот островок с другой стороны. А ты тут стой. То чудо болотное, которое здесь по слухам живет, отвлекай. Я же тем временем золота наберу.

— А если оно меня околдует? — спросил Запахнутый.

— Ничего, не бойся. Я всегда к тебе на выручку прийти успею.

— Ну хорошо, — ответил ему Запахнутый.

На том и порешили. Прокрался Застегнутый незаметно на другой край болота и тихонько к островку пошел. А Запахнутый стал нарочно шуметь. Взял он топорик свой, которым прежде дрова рубил и начал им деревья, что стояли неподалеку от веток очищать. На костер значит. Увидало это чудо

болотное и подплыло ближе к берегу. После чего стало на него прямо из под воды смотреть. А тот даже и не побеспокоился. Пел себе песни веселые, мелодии разные насвистывал. Потом еще костер развел. Достал картошки и стал ее в углях запекать. Не понравилась эта веселость чудищу. Вылезло оно тихонько на землю и подошло сзади к Запахнутому. Да так, что тот ничего и не заметил. Потом медленно опустило ему руку на плечо, после чего прямо на месте и замерло. Запахнутый же, едва только почувствовал, что его сзади кто-то держит, так испугался, что закричал не своим голосом. Но для чудища этот крик был почти как музыка. Уж больно любило оно, когда тримы от страха кричат.

А Застегнутый тем временем набирал жидкое золото. Услышал он, что Запахнутый на другом берегу кричит, смотрит, — а друг его там на месте стоит и рядом с ним то чудо болотное. Но которое тоже стоит и ничего его другу не делает. Прошептал он про себя: «Ничего, ничего потерпи, братец Запахнутый, я скоро, вот уже одна канистра полная есть. Сейчас вторую и к тебе быстро на выручку». Но опоздал все же тогда Застегнутый. Оговорило чудище Запахнутого. И стал он в дерево превращаться. Но тут, откуда ни возьмись, на него и сам Застегнутый выскочил. Ух и начал же он то чудище ножом бить. И по спине его, и по рукам ветвистым, и в голову. Закричало чудище криком страшным и стало назад к воде отходить. А Застегнутый взял еще топорик, что был у Запахнутого и стал им пуще прежнего чудище с силой рубить. Совсем уже взревело чудище и в болото свое гнилое под воду ушло. Но напоследок все же успело произнести слово тайное:

— Иштибрахвимонт, — и скрылось.

Подошел Застегнутый к Запахнутому. Видит — все, друг его совсем плохой. В дерево обращается. Тело все корой покрылось. А с разных сторон ветви начали расти. Руки и ноги как коряги длинные стали. Вот только глаза все еще прежними были. Он с него, где только смог все эти ветви посбивал. И на телегу, которую они для золота приготовили, погрузил. А золото, что в канистрах было, обвязал веревкой крепкой и перекинул себе через плечо. Да так и пошел назад домой. И очень тяжело ему было идти. Но все же справился он. И к вечеру того же дня воротились они вдвоем в свою деревню.

Сбежались тогда тримы деревенские посмотреть, что это с их Запахнутым приключилось, да и на рудное золото тоже полюбоваться. Но времени тратить зря не стали. Послали за бабкой-ведуньей, что в соседней деревне жила. А та быстро и пришла. Смотрит — конец. Совсем Запахнутый деревом стал.

Попричитала она, повздыхала: «Эх, что же это вы, касатики, так поздно за мной послали. Вам бы меня с собой на то болото брать надо было. Тогда бы я помогла молодцу вашему. А теперь поздно уже. Все что могу сделать, так это чтобы он вашу речь понимал. Но деревом он все равно станет». Потом еще пошептала что-то, поколдовала, раскурила листиков разных рядом с Запахнутым и восвояси пошла. Что было делать? Так и остался Запахнутый на краю деревни стоять древом.

А Застегнутый из-за всего того, что случилось так опечалился, что еще два дня горькую пил. А потом взял то рудное золото, рудное да проклятое и раздал его всем соседям поровну. Себе же оставил лишь долю малую. И после этого каждый месяц, в тот день, когда Запахнутый деревом стал, приходил к нему. Сядет так бывало поблизости, нальет себе водочки, пол рюмки залпом выпьет, а остальное на землю выплескивал, для друга чтоб. И долго потом еще с ним разговаривал.

7. Аори

— Проклятый колдун, — ворчал Стром, расшвыривая камни ногами, — куда он нас послал? Тут ведь тупик и нет прохода. Мы погибнем здесь в этих горах, — он огляделся вокруг.

Да, со всех сторон их окружали все те же самые горы: высокие, темные, словно давящие на вас всей своей неизмеримой громадой. А теперь еще и ветер принес влажный туман, и облака сгрудились меж вершин. Пошел дождик. И все это в придачу к тому, что давно наступила поздняя ночь и вокруг почти ничего уже не было видно.

— Мне страшно, — тихо сказал Тай, другой трим, который отправился со Стромом в это путешествие.

Они, конечно, изначально еще предполагали, что их путь не будет особенно легким, но все же и не ожидали такого. Несколько дней в этих холодных, гулких проходах, продуваемых всеми ветрами, когда слева и справа от вас одни только голые камни. Бесконечные, тяжелые, острые. Да теперь еще и колдун. А ведь они сначала вполне ему и поверили. Что он хорошим тримом был и хотел им помочь.

Этот, совсем молодой еще парень сидел в окружении небольших острых скал и словно бы играл с камнями. Он сначала легонько подбрасывал их вверх, а затем делал так, чтобы они не падали. А бедные путешественники к тому времени уже так сильно устали, что просто подбежали к нему и стали просить о помощи. Колдун же сначала внимательно их выслушал, а затем, догадавшись, что они просто заблудились в горах, спокойно указал направление. И вот теперь, спустя еще целый день, они уперлись в тупик. То есть в непроходимое узкое место, где изогнутая, почти вертикальная гладкая стена уходила в неведомую высь, а с другой стороны к ней примыкала бездонная страшная пропасть.

— Мы погибнем, погибнем здесь, — снова запричитал Тай, медленно опустившись на землю.

А Стром хотел было ему возразить что-то, но, не найдя подходящих слов, понурил голову и тоже сел. И тут вдруг они увидели нечто странное. Из небольшой расщелины, что находилась чуть в стороне и которой они прежде не замечали, выплыло некое голубоватое свечение. Потом постояло на месте и двинулось дальше. Оно совсем уже было приблизилось к ним и даже прошло чуть вперед, когда путешественники разглядели, что это была девушка. Она была очень красивой и одета была хорошо. А почему так светилась, они, конечно, не знали тогда,

но решили пока не спрашивать. Девушка же эта прошла немного вперед и прямо к бездонной пропасти, после чего замерла там на мгновение и… шагнула в пустоту. Стром с Таем аж вскрикнули от испуга и вскочили на ноги. Однако увидели, что странная девушка не упала тут же вниз, а продолжила неторопливо спускаться. Они осторожно приблизились к краю, где и обнаружили очень узкую, крутую тропинку с выдолбленными ступенями, которая уходила в призрачную темноту. Решив уже не отставать, они тихонько пошли вслед за девушкой.

Спускались они долго. Неожиданно долго. Нет, они, конечно, видели сверху, что пропасть была глубокой, однако насколько не представляли. Наконец, примерно через час, они почувствовали под ногами мягкую почву, а вдалеке заметили и несколько мерцающих огоньков. Ух и обрадовались же они тогда, отчего, не в силах более сдерживаться, побежали скорее вперед мимо светящейся девушки и прямо по направлению к деревне. Там они встретили местных тримов, которым и рассказали, как плутали в горах и как чуть было не погибли. А те им ответили, что они пока в горах все еще и находятся, и что теперь эти горы вокруг них. Призадумались Стром с Таем, но все же решили, что и того что сейчас есть, им пока вполне достаточно. Отчего и напросились к одному местному триму в гости переночевать.

— А скажите нам, — обратился Стром к этому триму, когда они к нему домой шли, — что это за девушка такая светлая у вас здесь ходит? Мы ведь как раз за ней и спускались вниз, потому что даже в темноте хорошо ее видели.

— Ах эта, — трим вздохнул, — никто не знает точно ее имени, хотя она здесь и родилась. Да вон, кстати, ее отец стоит. Вы лучше у него обо всем спросите, а я пока своей жене скажу, чтобы она и на вас ужин приготовила.

На том и порешили. Подошли тримы к отцу девушки. А тот тоже про нее толком ничего не знал, словно это и не дочь его была вовсе, а посторонний человек.

— Имя ее только жена знала, — пояснил он, — но она умерла, когда девочка родилась. Она, конечно, придумала ей какое-то имя, это точно. Вот только какое, — он развел руками. — На простые же имена она не откликается. Да так теперь и ходит без имени, и молчит все. Мы, конечно, приглашали бабку-травницу, но та как с ней поговорила, так сразу кинулась на землю и стала ей ноги целовать. Ну, какая же это помощь? Нет, я ничего не хочу сказать, девочка моя очень добрая и отзывчивая. Вот только кому от этого прок?

— Да-а, — согласились с ним Стром с Таем, — уж такая

добрая, что даже светится.

— А знаете, — вдруг оживился Тай, — мы ведь там в горах, недавно колдуна одного видели, сильного. Он, правда, совсем молодой еще, но может делать так, чтобы камни вниз не падали.

— Ух ты, — заинтересовался отец девушки, — и что, как вы думаете, сможет он моей дочке помочь?

— А мы откуда знаем, — удивились тримы, — но можем пойти туда и позвать его. Вот только все это лучше сделать завтра, а сейчас мы очень спать хотим.

На том и порешили. И когда тримы, досыта наевшись вечером и выспавшись ночью, проснулись утром, отец девушки их уже ждал. Они только попросили его показать им дорогу к той тропинке, по которой вчера вечером вниз спускались, а дальше уже сами пошли. Наконец, спустя несколько дней возвратились они назад вместе с колдуном. Оказалось, что это и вправду был совсем молодой еще парень, лет восемнадцати. Однако колдун он был настоящий, что местным тримам сразу и продемонстрировал. Он тогда взял воду, что у них в ручье текла и приподнял ее в воздух вместе с водорослями, а некоторых еще и обрызгал. После чего местные жители отвели его к странной девушке. А та как раз у себя в огороде была, грядки пропалывала. Увидал ее колдун и раскраснелся даже, уж очень сильно она ему понравилась. Но когда он к ней подошел и спросил имя, то не услышал никакого ответа.

— Так как же тебя зовут, милая девушка? — повторил он свой вопрос, взяв ее за руку.

Но та лишь руку свою назад отдернула и отошла прочь. А потом посмотрела в глаза колдуну и лицом побледнела. И долго она не могла от него взгляд отвести. А затем руки свои неожиданно к небу подняла и прошептала что-то. И тут же трава густая, длинная стала быстро из земли расти. Да все выше и выше, пока даже самих тримов не переросла. А затем трава эта стала колдуна крепко опутывать. Однако он руки быстро в разные стороны развел и силой своей колдовской всю эту траву от себя отбросил.

Разозлилась тогда девушка и руки наоборот вниз опустила, да пальцы растопырила. И в тот же миг из-под земли корни начали расти. Большие, длинные, страшные. Увидали все это местные тримы, да врассыпную из своей деревни побежали. А некоторые из них и кричали даже: «Вот уж так добрая!» Один только колдун не испугался. Он хлопнул громко в ладоши и от звука того корни, что были рядом с ним все на землю попадали, как подрубленные.

Совсем уже разозлилась девушка и стала руками своими

размахивать. И тогда яркие молнии в небе вспыхнули и дождь пошел, и очень сильный ветер поднялся. Да такой, что все кружился вихрем поблизости и на колдуна того наскакивал. И тяжело тогда стало колдуну, отчего он даже на одно колено опустился и голову наклонил. А девушка, когда это увидела, еще и смеяться стала. И от смеха того из земли всякие гады полезли: жуки, змеи и прочая нечисть. И разозлился тогда колдун и встал с одного колена, и вновь руки в стороны развел, и с большой силой хлопнул ими. Да так громко, что в горах камнепады начались и вдалеке несколько снежных лавин сошло. Но сгинули в тот же миг все гады противные, что из-под земли повылезли, и ветер тут же прекратился, и дождь. А девушка, как только это увидела, так просто в немом исступлении стала на колдуна того набрасываться. Но этим, конечно, ничего ему уже не сделала. Поскольку он выставил вперед свою руку колдовскую, о которую она несколько раз словно бы ударялась, хотя и не касалась ее вовсе. После чего отлетала назад и падала.

И так она вся тогда поранилась и платье сильно изодрала. Но наконец все же успокоилась. А как успокоилась, так и встала с земли и на глазах у нее были слезы, — уж слишком больно ей было. А потом подошла медленно к колдуну и тихо сказала ему на ухо:

— Аори, — после чего свечение вокруг нее вдруг исчезло.

И сразу после этого все вокруг стало прежним. Тримы, что разбежались из деревни, вернулись назад к себе домой, а погода стала ясной. Девушка же вместе с колдуном пошла к своему отцу.

— Это жених мой теперь, — сказала она ему, — и я теперь только с ним жить буду.

А отец ее и счастлив был, что дочка его хоть и не светилась больше совсем, но зато нормальной девушкой стала. И была потом у них свадьба веселая, потому что колдун тот очень шутить любил и местных тримов смешил сильно. А Стром с Таем на той свадьбе тоже присутствовали, потому что никто не забыл, что колдуна того молодого и сильного в их деревню именно они привели. А поэтому им первым почет и уважение.

8. Врун

Пес был замечательный. Его Мурену старший брат подарил. Он, когда узнал, что его младшой, как они его в семье называли, женится, так сразу к нему с подарком и пришел. «Вот, — говорит, — подарок тебе. Тебе и невесте твоей», — он с интересом посмотрел на Лою. Он, вообще, давно на нее заглядывался, но когда узнал, что его брат тоже ее любит, да и девушка ответила ему взаимностью, так сразу отступился и никаких активных действий более не предпринимал.

— А как нам звать-то его? — спросил Мурен.

— Да как хотите, — ответил ему старший брат с улыбкой, и попрощавшись, пошел назад к своему дому.

День свадьбы близился и Мурен со своей невестой тоже готовились. Запасались продуктами, гостей приглашали, да и сами планировали, как теперь жить будут. Собака же их на удивление умной и полезной оказалась. Во-первых, она попередушила в огороде всех полевых мышей, которые портили им урожай и даже кротов повыкопала. А во-вторых, она очень ревностно их дом охраняла. Пес этот с первого же дня, как только его во двор пустили, тут же обследовал всю территорию и стал считать ее своей абсолютной собственностью. Он даже во двор хозяйский вообще никого не пускал, если только по распоряжению Мурена. А на остальных всегда очень громко лаял. Он выкопал потом себе несколько ямок по разным углам участка, которые использовал как засады или пункты для наблюдения. И если какой-нибудь неизвестный трим заходил к ним во двор, то он неожиданно из этих ямок выпрыгивал и пугал гостя незваного очень сильно.

Вот только лаял он как-то странно и выл тоже. «Врун, врун», — словно бы говорил он, когда лаял, и «обману-у, надурю-ю», — когда выл. Это показалось его новым хозяевам несколько странным. Но они, чуть поразмыслив, решили так собаку и назвать: «Врун».

Помимо практической пользы, пес этот был еще очень ласковым. И когда Мурен подходил к нему, то так преданно смотрел ему в глаза, что у того просто слезы наворачивались. А хозяйку свою будущую, Лою, так вообще очень сильно любил. И когда она проходила мимо, то крутился возле нее виляя хвостом, словно даже и не зная куда бы себя деть.

И вот наконец подошел день свадьбы. Завтра все должно было случиться. Все приготовления были завершены и Мурен с Лоей снова простились и, как они думали, уже в последний раз.

Лоя собралась идти к себе домой, а Мурен у себя во дворе остался. Вот только странным было каким-то это прощание. И молодые даже сразу не поняли, в чем именно было дело. Но потом сообразили, что это их Врун куда-то запропал. Он обычно всегда выбегал из дома или из ямок своих выпрыгивал и провожал Лою веселым лаем и повизгиванием. Но сегодня его почему-то не было.

— Что-то мне все это не нравится, — сказал Мурен, — пойду-ка я его за домом поищу.

— И я тогда с тобой, — сказала Лоя, — мне этот пес тоже очень дорог и я не хочу чтобы накануне свадьбы с ним что-нибудь случилось.

Пошли они искать. Но ни за домом, ни в самом доме собаки не было. Тогда они вышли на улицу, тоже ничего. Пошли за околицу — а тримы, как и люди еще когда-то, вокруг своих поселений объездные дороги строили, для удобства чтоб, — и там никого.

— Уж не сбежал ли он совсем, — проговорил Мурен, — ведь посмотри, нигде нету.

— Да не мог он, — ответила ему Лоя задумавшись.

Вдруг, глядь, из-за пригорка, что находился неподалеку, два светящихся пятна показались, потом исчезли и чуть погодя появились снова. Но тримы эти не из пугливых были и сразу сообразили, что это зверь какой-то лесной на них оттуда выглядывает. И Мурен даже позвал: «Врун, Врун», — но услышал лишь приглушенное рычание. А еще через пару минут увидели они и несущуюся из-за пригорка серую тень, которая стремглав юркнула в их деревню и где-то между домов да заборов затерялась. Но они не пошли сразу в свою деревню, а решили посмотреть, что этот дикий зверь там за пригорком делал. Прошли они сначала по пшеничному полю, а затем и на пригорок поднялись. И тут уже точно вспомнили, что это было за место здесь такое, стародавнее. Никто, конечно, про него ничего не знал в точности, но рожь здесь тримы не сеяли, потому что запах там был какой-то очень странный и палки всякие перекрещенные, да еще и в землю вкопанные. Некоторые поговаривали, что палки эти — кресты, а место — кладбище. Но правда то была или нет, неизвестно.

Делать было совсем нечего, пришлось молодым возвращаться в деревню ни с чем. Во двор они к Мурену пришли, вдруг смотрят, а собака их тут как тут уже сидит. Уши поджала, хвостом виляет, радуется. Ну тогда Мурен с Лоей спокойно попрощались и по своим домам пошли. Но плохо спал в ту ночь Мурен. И все ему кресты деревянные снились, да поля гнилые, да

пес его еще, странный. Мурену даже показалось, что пес этот над ним как-то тихо посмеивался, да зло так, не подоброму. Но все когда-нибудь заканчивается. И та ночь наконец прошла. Вышел тогда Мурен на свое крыльцо, смотрит, а у его калитки, что к нему во двор вела, народ столпился. Стоят там тримы местные и о чем-то громко беседуют. Подошел он к ним и спрашивает:

— А чего это вы, гости дорогие, не заходите? Ведь сегодня свадьба у меня и я вам всем буду очень рад. Заходите быстрее, еды на всех хватит и выпивки. Да Лою мою еще позовите, ведь она теперь почти жена мне и я ее очень сильно люблю.

На это один из местных жителей вышел вперед и говорит:

— Да не можем мы зайти к тебе. У тебя тут словно стена невидимая. И так вдоль забора всего. Мы даже пробовали сзади дом обойти, но и там то же самое.

Не поверил им Мурен и сам решил попробовать. Да как ударится головой о что-то твердое. Да сильно так, что аж вскрикнул. А потом стал по участку своему ходить и везде руками стучать. Но нет, везде и вправду было одно и то же — словно стена невидимая огораживала теперь его участок. Так что ни сам он выйти с него не мог, ни с улицы к нему никто не мог зайти. Послали они за бабкой-ведуньей, чтобы она растолковала, что это за чудо здесь такое невидимое. Та быстро и пришла. Походила вокруг, походила, да как закричит:

— Что ж это вы, несчастные, здесь понаделали. Такое заклятье ведь никто теперь снять не сумеет. Это дух злой какой-то здесь у вас живет. Только ему такое под силу. А мне не снять заклятие. Ищите духа, уничтожьте его и сможет тогда ваш Мурен на улицу выйти. С тем и ушла.

А местные жители стали думать, где же им духа того найти. А тут еще и Лоя подошла, да как про все узнала, то такими слезами залилась, что тримы ее насилу успокоили. И не было в тот день уже никакой свадьбы, а только все и искали, где ж это дух злой у них тут поселился. Друг друга оглядывали, по домам своим смотрели и даже скотину проверили. Но нет, ничего не нашли. Вернулись они тогда к дому Мурена.

— Прости нас, братец Мурен, — говорят, — добрый ты трим. Но не можем мы тебе помочь. Все обыскали, да не нашли мы нигде духа злого. Может в твоем доме нечисть какая завелась?

— Да нет у меня здесь ничего особенного, — ответил им Мурен, — ни скотины, ни вещей новых. Все что есть, так это уже давно было. Правда, вот, собаку мне брат подарил. Так это же подарок на свадьбу.

Призадумались тримы. Да, видно ничего не поделаешь, и понурив головы, пошли по своим домам. Одна только Лоя

на месте осталась. Она долго потом еще у Мурена выспрашивала, не покупал ли он себе чего нового, может вещь какую или инструмент. Но нет, ничего не покупал. «А вот собака твоя, — Лоя тоже задумалась, — может она и не собака вовсе?»

— Да что ты, что ты, — замахал руками Мурен, — это же мне старший брат подарил, а он меня очень любит. Да вот и сам пес, ну скажи мне, разве может он быть злым?

И вправду, пес в тот момент так сильно хвостом завилял, да так посмотрел на девушку, что у той все сомнения сразу развеялись. И горько заплакала она и пошла назад к своему дому, потому что поняла, что свадьбы ей в тот день не видать. А Мурен хоть и не плакал совсем, но так опечалился, что сердце его не выдержало. Ведь он очень любил Лою и жить без нее не мог. Отчего лег прямо там у калитки на землю и умер.

А на следующий день стена та невидимая пропала, как будто ее и не было вовсе. И все тогда свободно прошли во двор к Мурену. Вот только поздно было уже и несчастному ничем помочь было уже нельзя. Поплакали, конечно, соседи повздыхали, да пошли и схоронили его. Что было делать. А Лоя, примерно через год, вышла замуж за старшего брата Мурена — Турена, который ее тоже очень сильно любил. Однако наказала ему, чтобы он пса того странного, что подарил своему младшому, прогнал. Потому что сама она в тот же день, повинуясь чутью своему женскому, прошла вокруг дома Мурена и наткнулась на те ямки, которые Врун выкопал. И нашла в тех ямках кости человеческие. Ей еще бабка когда-то давно про этих людей рассказывала, что они тут раньше все на земле жили, да потом отчего-то повымерли. Она даже спросила у Турена, откуда он взял собаку ту. Но тот как-то весь сразу замялся и ничего ей не смог толком сказать.

Однако собаку свою все же прогнал. Но Врун тот и вправду каким-то странным был. Он сначала долго не хотел уходить, а потом, хоть и убежал из деревни той и жил где-то поодаль, но каждую ночь к дому Турена возвращался и в окна к нему заглядывал.

9. Труба

Уж таким невероятно умным был этот трим, Ёр, что и сказать нельзя. И откуда только ум брал. Жил он в обыкновенной крестьянской семье. И родители у него были самые простые. И даже не учился он, вроде, нигде, а все равно здорово соображал. И это у него с самого детства еще повелось, когда другие тримы, его сверстники, играли себе беззаботно, на речке купались, да жизни радовались. Но он подрастал помаленьку, набирался знаний, пока не вырос в настоящего мудреца и умника. Все, буквально все жители той деревни всегда обо всем его спрашивали: кто о том, как им со своими близкими жить, если у них в семье вдруг что-то не ладилось, а кто даже и про то, когда рожь с ячменем сеять. И все-то хорошо знал их Ёр, и всегда дельные советы давал. Наконец он таким умным сделался, что даже местные девушки стороной обходить его стали, чтобы дурами не казаться. А то ведь он, так бывало, скажет им что-нибудь умное, а они только смотрят на него удивленно и ничего понять не могут, лишь смеются. Так он и жил в той деревне, пусть и без особой любви, но зато в большом почете и уважении.

И все-таки был у него один секрет. Да и не секрет даже, а так, секретик маленький. И это было его уединение. Он ведь так всегда и поступал: отправится куда-нибудь подальше в поле или в лес глухой зайдет, и думает себе. А как надумает что умное, так сразу в свою деревню и возвращался. Правда, когда задачка особенно трудная попадалась, он предпочитал в горы уходить и там в какой-нибудь пещере сидеть. Потому, что даже пение птиц или шум ветра ему в таких случаях мешали. И вот однажды он, совсем неожиданно, когда в очередной раз искал себе уединенное место, нашел старую сливную трубу. Она была не слишком широкой, такой, что еле пролезешь и была горизонтально вкопана в землю. «Надо же, какое интересное место, — сказал сам себе Ёр, — уж там-то мне точно никто мешать не будет». После чего заглянул сначала в саму трубу, а затем посмотрел, что было поверх нее.

Эта труба уходила куда-то вглубь широкой возвышенности, на которой, чуть поодаль, виднелся заброшенный старый город. Точнее, самые его окраины. И труба это уходила куда-то под него. «Попробовать что ли?» — подумал Ёр и засунул внутрь свою голову. А в трубе-то темно было и страшно. Но зато и невероятно тихо. Тогда он залез в нее по плечи, — тоже ничего, поместился вроде. Потом по пояс, а затем и весь целиком забрался.

«Вот уж точно, какое интересное место, — повторил он еще

раз про себя, — тут мне хорошо будет думать и совсем не помешает никто. Я ведь смогу здесь самые трудные задачи легко решить. Поскольку не видно ничего вокруг, одна темнота, так что я даже взглядом ни на что отвлекаться не буду». После чего и задумался. А как задумался, так сразу несколько трудных задач и решил, и еще на пару сложных вопросов ответил. Эти вопросы ему соседи примерно с неделю назад еще задавали, а он все никак не мог найти ответы на них. Наконец, уже под самый вечер, он, вполне довольный и гордый собой, вылез из той трубы и пошел назад в свою деревню. И был в тот день у местных тримов настоящий праздник, потому что они сразу и очень много чего узнали нового. Однако от Ёра они не отстали тогда и задали ему еще несколько новых вопросов, причем, куда более сложных, чем прежде. Но Ёр уже знал как поступить и на следующий день снова пошел к своей трубе.

И на этот раз ему пришлось залезть в нее еще глубже и дольше сидеть там, чтобы и на эти вопросы ответить. А как нашел он ответы на них, то теперь уже просто совершенно счастливый вернулся назад в свою деревню. И был в той деревне праздник еще пуще прежнего. Потому что тримы узнали ответы на такие вопросы, которые позволяли им теперь вообще не работать. Причем, кое-что из того, что они узнали их слегка напугало, а кое-что так и обрадовало. Поэтому веселились они тогда всю ночь. И Ёр был вместе со всеми, но немного в сторонке, конечно. Наконец, уже ближе к рассвету, они успокоились.

И вот наступил новый день, и вновь пришли местные жители к Ёру новые вопросы задавать. А тот, как только увидал их, так даже испугался.

— Да что ж это вы меня постоянно мучаете? — запричитал он в сердцах. — Не могу же я абсолютно все знать. Я даже и то, что вчера узнал, то ведь совсем не просто так. А очень долго думал. И мне теперь отдохнуть хочется. Ну пожалейте же вы меня наконец.

Но деревенские жители не стали его слушать, а просто наперебой стали новые вопросы задавать. А Ёр посмотрел на них, посмотрел, и так сказал:

— Ладно, найду я ответы на ваши вопросы. Но с этого дня, буду делать это только один раз в месяц. Мне тоже иногда отдыхать надо. И у меня другие важные дела есть, кроме как думать все время.

Местные жители послушали его, поговорили друг с другом и согласились. «Да, наверное и мудрецам нужен отдых, — решили они, — так что пусть себе отдыхает. А мы тем временем, будем ему новые вопросы сочинять». А как решили они, то сразу

и закивали головами. Да и не могли же они его заставить думать в конце концов. После чего повторили свои вопросы, что за минувшую ночь насочиняли и по домам пошли. Ёр же опять направился к своей трубе. И когда он подошел к ней, то ему отчего-то — и это первый раз за все время — совсем не захотелось в нее лезть. Но он сказал себе, что «надо» и, скрепя сердце, полез в темноту.

Полз он теперь очень долго. Так долго, что и сам потерял счет времени. Вот уже и час прошел, и два, а он все полз и полз дальше. Наконец он остановился. А как остановился, так сразу и нашел ответ на один из вопросов, которые тримы ему сегодня задавали. Тогда он снова пополз вперед. А та труба ржавая была и узкая. Такая, что ему даже опять стало страшно. Ведь из нее и деться-то было никуда. Слева и справа одни только стенки железные, да твердые такие, что кости болят. Наконец он остановился снова. И тут же решил новую задачу. А как решил ее, то захотел было назад повернуть, но вдруг почувствовал, что назад-то ползти намного труднее. Вся одежда наверх задирается и пузом ржавчину начинаешь цеплять. Да и вообще, ногами вперед ползти неудобно. «Что делать? — задумался Ёр, — ведь неизвестно же, что именно там впереди находится. А если вдруг стена какая или еще что. Ведь мне тогда совсем отсюда не вылезти». И так ему страшно сделалось, что он даже закричал. А как закричал, так сразу вдруг и успокоился. «А-а, будь что будет, — решил он наконец, — полезу дальше. Может, все же выберусь как-то наружу». И пополз.

И вот ползет Ёр все дальше и дальше, а в голове у него все будто проясняется. «Это ум мой, наверное, светлее делается, — подумал он. — Может еще чуть-чуть и я самым умным тримом на свете стану». Ну а раз так, то чего зря бояться. И пополз он вперед еще быстрее. Вот уже и тот день подошел к концу и ночь настала, а он все полз. Уже и все вопросы, которые тримы ему задавали были давно решены, а он никак не останавливался. Наконец он стал уставать. А как устал совсем, так просто опустил голову на руки и уснул. И снилось ему, что он самый умный трим на свете и что он абсолютно все и обо всем знает. И такой счастливый сон это был, что Ёр, прямо во сне, даже заулыбался.

Так прошло несколько часов. И когда на поверхности забрезжил ранний рассвет, то и Ёр открыл глаза. Он конечно света совсем не увидел, но как-то почувствовал, что время уже вставать. Вот только когда он проснулся, то почему-то вообще ничего не понял. Кто он и где находится. «Что это за место такое? Где я?» — задавал он себе теперь уже новые вопросы. Но как ни старался, так ничего вспомнить не сумел. Тогда он попытался

вспомнить, как попал сюда и тоже не смог. Тогда он попробовал подвигаться вправо и влево, — бесполезно. Назад пополз, — неудобно. Вперед, — ух, получилось. И пополз тогда Ёр вперед.

И долго он так еще полз, пока не увидел где-то далеко-далеко маленькую светлую точку. А как увидел ее, так и не смог больше от нее глаз оторвать. Уж такой красивой она ему показалась. Особенно посреди беспросветной темноты вокруг. И эта точка словно притягивала его к себе и манила, отчего он пополз еще быстрее прежнего. Поэтому не прошло и двух часов, как он вылез из той трубы, но уже, естественно, с другого ее конца. А как вылез, так просто и обомлел. Ведь вокруг него был чудесный мир, удивительный и яркий. Он был таким прекрасным, что Ёр невольно раскрыл рот от изумления. Но все же не стал около той трубы долго задерживаться, — она теперь ему просто ужасной показалась, — а пошел скорее прочь. И так он шел все дальше и дальше. Сначала по лесу, а потом по полю. Пока не набрел на другую деревню, чужую. И в той деревне его никто не знал, отчего местные жители принялись его расспрашивать, кто он и откуда. А Ёр на все вопросы только кивал головой в ответ и улыбался как дурачок. И местные жители так тогда и решили, что это именно дурачок и есть. Однако они не прогнали его прочь, а приняли к себе. И зажил там Ёр еще лучше прежнего. И пусть его новые соседи почти никогда его не слушали и не восхищались им совсем. Но зато любили совсем как родного.

А в старой деревне тримы, едва лишь прознали, что их мудрец куда-то запропал, так сразу кинулись его разыскивать. Но сколько не искали, так и не сумели нигде найти. Наконец кто-то из них вспомнил, что видел Ёра у той трубы ржавой. И пошли они тогда к ней. А как подошли, так сразу внутрь кричать громко стали. А кто-то даже и позвал: «Ёр, ты там?» И вдруг, из той трубы ржавой да темной голос раздался. Кто-то ответил им. А потом еще и еще. И все это были ответы на те вопросы, которые они своему Ёру задавали. Ух и испугались же они тогда и бросились бежать. Но потом все-таки подумали и вернулись. И вновь стали у трубы спрашивать. Но теперь уже труба молчала.

И так местные тримы ничего и не узнали бы, наверное, если бы один из них примерно через месяц к той трубе случайно не подошел и не спросил у нее что-то. И вновь услышал ответ, причем ответ правильный. И поняли тогда местные жители, что это их Ёр там все еще сидит и о чем-то очень серьезно думает. Но как и обещал когда-то прежде, всего лишь один раз в месяц на их вопросы отвечает.

10. Хорек-разделитель

— Какое замечательное у вас одеяло, — с чувством проговорил Ири, устраиваясь в постели. — И не сказать, чтобы легкое, но и не слишком тяжелое, как раз такое, как надо. И теплое очень, — он натянул одеяло на себя и поежился.

Он, на самом деле, ужасно устал сейчас и уснул бы, наверное, вообще под любым одеялом. Но все же спать под таким согревающим чудом было намного приятней. А ведь всего каких-нибудь двадцать минут назад он, весь промокший и замерзший, брел выбиваясь из последних сил, совсем не разбирая дороги. И все это были лишь лес да туман, да поле еще бурьяном поросшее. И вот уже за тем полем деревня. Совсем небольшая, но очень уютная. Где его в первый же дом к себе хозяева впустили, в котором пока еще горел свет. А потом хотели было и ужином накормить, но он сказал, что очень устал и утром поест. И вот теперь — постель. «Какое же это счастье спать вот так в тепле и уюте, да еще под таким замечательным одеялом», — невольно подумал Ири, быстро проваливаясь в глубокий и долгожданный сон.

И он уже спал давным-давно, как вдруг его что-то разбудило. Причем он сначала даже и не понял, чем это было вызвано. Однако, слегка приоткрыв глаза, увидел, что в его комнате, освещенной теперь лишь одним лунным светом, все было по-прежнему. Все тот же высокий шкаф, довольно обшарпанный, квадратный стол у окна, да два деревянных стула со спинкой. «Хотя нет, вот опять что-то», — подумал Ири, уловив некий неясный звук в углу комнаты. Звук этот был похож на легкий приглушенный скрип. Словно кто-то скрипел там половицами, неторопливо переминаясь с ноги на ногу. Ири пригляделся. «Да нет там ничего, — успокоил он сам себя. — Наверное дом такой, скрипит просто или ветер ночной шумит за окном». После чего попытался было снова уснуть. Однако проспал он теперь уже очень недолго, потому что на этот раз его кто-то толкнул. Мягко, но довольно настойчиво. Ири опять приоткрыл глаза. А когда сделал это, то буквально выпрыгнул из-под своего одеяла прочь, вскрикнув при этом от ужаса.

Он уже точно увидел, что под его одеялом теперь кто-то был. Да еще опять этот скрип, тихий, но очень неприятный. «Что это, — подумал Ири, — уж не крыса ли из подвала забралась в мою постель?» После чего огляделся вокруг и, заметив в углу деревянный черенок от лопаты, тихонько прокрался к нему. А затем взял его в руку, размахнулся и ударил им со всей силы

по тому месту, где что-то шевелилось. И тут уже раздался такой оглушительный писк, что Ири и сам чуть было не закричал. А потом, то ли со страха, то ли от волнения стал бить этим черенком по движущемуся бугорку. И это точно какой-то зверь находился там. Потому что он даже сумел прогрызть маленькую дырку в его одеяле, отчего Ири на мгновенье увидел и острые белые зубы, и совсем немного серую мордочку, по которой тут же и ударил своим орудием. Наконец, спустя несколько секунд отчаянной борьбы все стихло, а как стихло, так и сами хозяева прибежали к нему в комнату.

Хозяевами в этом доме были совсем молодые еще тримы: Румо — темноволосый курчавый парень и Оля — маленькая худая девушка с огромными серыми глазами. Они, как показалось тогда Ири, даже и не слишком-то удивились ночному происшествию, отчего и не задали своему гостю ни одного вопроса. Они только медленно прошли вглубь комнаты, подняли одеяло, где и увидели огромного, но уже мертвого хорька.

— Ах, так это всего лишь хорек, — вздохнул Ири с облегчением, — а то я уж невесть что подумал. Ну, что это крыса какая-нибудь забралась в мою постель или другое животное.

Однако, тут он вдруг осекся, потому что увидел, как хозяева дома крепко обнялись и, опустившись на колени, тихо заплакали. Это продолжалось несколько минут. Наконец они встали на ноги и, повернувшись к Ири, поклонились ему. А тот, совсем уже оторопев от всего увиденного, даже и не знал, что сказать. Наконец Румо сделал шаг вперед и заговорил первым:

— Мы благодарны тебе, о, счастливый незнакомец, за то, что ты избавил нас от этой напасти. И этот зверь, — он указал на мертвого хорька, — совсем не так безобиден, как кажется. Конечно, тебе очень помогло это одеяло, под которое он по неосторожности залез, да так и не сумел назад выбраться. Но все равно, то, что ты сделал — дело великое. И позволь нам за него тебя отблагодарить. Правда, все это лучше сделать завтра, а сегодня, раз уж спать нам, наверное, все равно не придется, мы расскажем тебе одну историю.

После этого Румо вместе с женой прошли в большую комнату, где и накрыли Ири на стол. А тот больше и не стал от еды отказываться, потому что от всего пережитого очень проголодался.

— Хорек этот, — начал Румо свой рассказ, — преследовал нас довольно давно. Еще с тех пор когда мы, то есть вся наша деревня в другом месте находилась. И место это было замечательным. Уж такой доброй земли как там, нам и не сыскать больше. А все

потому, что там низина была, а реку, которая ее весной заливала, мы платиной перегородили. Так что земля там была очень плодородная. И собирали мы на ней по несколько урожаев в год. Однако беда пришла откуда не ждали. Повадились к нам в огороды, да и в сараи, где мы держали кур, лазить хорьки. И много их так развелось, что спасу нет. Дня не проходило, чтобы они у кого-нибудь огород не разорили или не утащили курицу. Стали мы на них тогда капканы ставить, ловушки всякие, да собак еще и кошек завели. И переловили почти всех, за исключением лишь одного, особенного. И хорек этот действительно необычным был. Он даже потом к нам в деревню приходил и со старейшиной разговаривал. Но старейшина его слушать не стал и прочь от себя прогнал. Потому, что хорек этот тогда у него дань потребовал: две курицы в неделю и еще яиц много, и прочих припасов. Когда же он ушел, то буквально на следующий же день большая беда случилась. Он, как оказалось, подгрыз несколько опорных бревен в той самой плотине, что нашу речку перегораживала. И вся вода хлынула к нам в деревню. Мы, конечно, бежать. Да только и успели, что унести самое необходимое. Кто-то топор унес, кто-то деньги. А я, вот, одеяло. И даже скажу почему. Ведь одеяло это мне еще от мамы досталось, и бабка моя под ним тоже спала. А я уже после них. А еще, и это мне мама давно рассказывала, что одеяло это особенное, и что порвать его нельзя. Вот хочешь, я сейчас его принесу показать?

Ири кивнул. А Румо сходил в ту комнату, где на кровати лежал мертвый хорек и принес оттуда одеяло.

— Вот смотри, — продолжил он разговор, — видишь, ни одной дырочки. И даже следов от хорька не осталось. Вот какое одеяло, — он подошел к Оле и набросил ей одеяло на плечи.

— Да-а, странно, — согласился с ним Ири, — я ведь своими глазами видел, как этот хорек прогрыз его.

— Говорю же, одеяло особенное и если бы не оно, то даже и не знаю, что бы с нами самими стало. Но я продолжу. После того ужасного потопа все жители деревни разбрелись кто куда. Мы же с Олей побежали в лес. Там мы развели большой костер и, укутавшись в это вот самое одеяло, стали греться. А потом костер наш заметили и соседи. И вот так, уже очень скоро, все собрались вокруг нашего костра и стали думать, как нам быть дальше. И долго мы в тот день прикидывали так и сяк, пока не договорились держаться всем вместе и искать себе новое пристанище.

Хорек же тот противный так и не отстал от нас тогда. Видимо, мало ему показалось. Он все время появлялся словно из ниоткуда и все грыз. Вещи, одежду и даже соседей наших

кусал иногда. Единственное вот только, что он не мог прогрызть, так это лишь наше чудесное одеяло. Поэтому в сущности, оно и спасло нашу семью. Ведь под ним мы могли спать совершенно спокойно и ничего не опасаться. Наконец, отыскали мы себе новое место. Это вот самое. А потом и дома построили и огороды завели. Но хорек и здесь от нас не отстал и всякий раз приходил неизвестно откуда и все грыз. Да мы даже почти и привыкать к нему стали, хотя его писк, что он издавал по ночам, очень мешал нам нормально спать. Наконец мы все же не выдержали и пошли к старейшине узнать, почему этот хорек нас так преследует, ведь старейшина был единственным, кто с ним разговаривал. А старейшина долго не хотел нам отвечать, но потом все же признался, что хорек этот и не хорек вовсе, а все те хорьки, которых мы прежде переловили, но уже перерожденные в одном звере. И что он, зверь этот, поклялся нам отомстить за каждого своего убитого сородича. Призадумались мы. И решили изловить этого хорька. Но как ни старались, ничего не выходило. Потому что хорек этот теперь все наши ловушки знал, да и прочие хитрости тоже разведал. Ум-то у него был от всех его погибших сородичей. А раз так, то и поделать тут ничего было нельзя. И опечалились мы и решили, что вместе нам больше не жить. После чего и стали уходить один за одним из деревни.

— Ах, — произнес наконец Ири, — теперь я понимаю почему меня в первый же дом в вашей деревне впустили. Ведь этот дом теперь тут единственный обжитой остался, в остальных-то никто не живет?

— Все так, — грустно ответил Румо, — и мы с Олей совершенно одни здесь. Но даже и нас этот хорек хотел разделить, но у него ничего не выходило. Потому что мы вот под этим как раз одеялом спали и он пролезть к нам не мог. Но мы одеяло это под себя подтыкали. А ты, вот, видишь, не знал.

— А если бы он меня укусил? — спросил Ири нахмурясь.

— Нет, — ответил уверенно Румо, — он только жителей нашей деревни кусал, а ты для него чужой трим, поэтому он и не стал на тебя нападать. Но сейчас, — Румо посмотрел на своего гостя, — все кончено. Хорек погиб и мы можем жить совершенно спокойно. Да и соседи наши смогут наконец по своим домам вернутся. Тебе же за смелость твою и удачу позволь нам подарить это чудесное одеяло. И пусть оно служит тебе так же как и нам, и согревает не только тело уютной теплотой, но и душу приятными воспоминаниями.

После чего Румо вновь передал гостю свое одеяло и они спокойно отправились спать. И вновь Ири спал под этим

замечательным одеялом, не слишком холодным, но и не очень-то теплым, совсем не тяжелым, но и вовсе не легким. Да еще под таким, которое защищало его лучше всякой брони, потому что его совершенно невозможно было порвать.

11. Лакомый растлитель белок

Белки — интересные создания. Они никогда не пребывают в покое, если только не спят. И поэтому даже временное бездействие сказывается на их организме не лучшим образом. Но если белка по какой-либо причине начинает еще и лениться, то ей просто конец. И страдает при этом не только ее организм, но и психика. Потому что тогда она полностью перестает себя контролировать и превращается в жалкое подобие того пушистого и игривого зверька, каким была прежде. А значит та огромная, почти безразмерная чашеобразная емкость с арахисовым маслом, которое от долгого воздействия плюсовых температур еще и забродило, представляла для всего беличьего племени реальную и очень серьезную опасность.

Конечно, емкость эта изначально была накрыта прорезиненным брезентом. Но постепенно старый брезент истлел и рассыпался. А когда это произошло, так и сильнейший приторный запах распространился по всем близлежащим лесам. И хотя пахучая емкость находилась в давно покинутом старом городе, — а белки городов не любили — но тем не менее все они стали к этому городу спешно подтягиваться, а некоторые так еще и рассказывать своим сородичам, что обнаружили вкуснейшее лакомство в почти неограниченном количестве.

Со временем все больше и больше белок приходило к этой пахучей емкости. А некоторые так и уходить от нее не захотели, отчего и жили там постоянно, поедая арахисовое масло. В конце концов белки совсем обленились и попросту валялись там едва ли не тысячами, не в силах уже ни назад в лес уйти, ни чем-либо иным полезным заняться. Они разжирели и стали неповоротливыми. Однако от лакомства своего все равно отказаться не могли. Поскольку оно не только питательным было, но еще и пьянило слегка. Поэтому вот так, очень скоро, почти все окрестные белки перестали быть уже похожими на самих себя и превратились черт знает во что.

И все же не все белки подверглись тогда этому лакомому растлению. Был среди них один бельчонок, который не любил арахисового масла, отчего и не стал его есть. Он, правда, прибегал потом несколько раз к этой емкости и наблюдал за тем, что там происходило. И наконец-то понял, что случилась беда. Подошел он тогда к своим родителям, которые тоже там валялись. Но даже и они не захотели его слушать. А отец так еще и грозить начал, что накажет его. Но едва только поднялся на свои четыре лапы, как тут же и завалился на бок, и не смог

своего малыша догнать. Тогда бельчонок в самую чащу леса пошел к бабке своей. Она у него очень старая была и с палочкой ходила. А оттого жила в невысоком уютном дупле в огромном дубе. И когда бельчонок к ней пришел, то и сказал:

— А, бабушка старая, вставай скорей беда случилась!

После чего и рассказал ей в подробностях, что с остальными белками произошло. А бабка ему ответила:

— Молодец, внучок, что ты ко мне пришел. Пойдем скорей в этот заброшенный город, наших из беды выручать. Вот только старая я очень и ходить мне тяжело, так что долго нам с тобой туда идти придется.

— Ничего ничего, бабушка, — ответил ей бельчонок, — главное нам что-нибудь придумать. А времени у нас теперь предостаточно. Куда все эти бедолаги-то денутся, ведь они даже и подняться толком не могут.

И пошли они вместе в тот старый город. А как пришли, так и увидели все как есть. Сотни, если не тысячи белок валялись там вокруг пахучей емкости. И у всех у них были счастливые мордочки, а некоторые даже напевали что-то веселое, а другие насвистывали. Поглядела на все это бабка-бельчиха, покачала головой и говорит:

— Ах, все как ты и сказал, внучок, беда приключилась. И если этих объевшихся лодырей вдруг лисы или волки найдут, то несдобровать им. Съедят они их ни за что ни про что. Но как же нам им теперь помочь?

— Нужно всю эту емкость уничтожить, — предложил ей бельчонок, — потому, что уговоры на них, — он указал лапкой на сородичей, — не действуют.

И стали они думать. Сначала всю емкость вокруг обошли. Потом под низ залезть попробовали. Но емкость эта была наполовину вкопана в землю и у них ничего не получилось. Наконец бабка-бельчиха сказала:

— В таких местах почти всегда слив делают, чтобы удобней было жидкость выливать. И слив этот глубоко под землей. Поэтому придется нам с тобой подземный ход искать, чтобы пролезть туда. Да еще и вентиль особый открыть. Но может у нас и получится.

И пошли они подземный ход искать. Сначала нашли старый сливной колодец, что под железным люком был и через узкую щель в него пролезли. А дальше спустились глубоко под землю и по тоннелю темному пошли. И страшным был этот тоннель. Однако у белок зрение острое и они в темноте все хорошо видели. Наконец дошли они до большого просторного помещения. А потолок у того помещения как раз и был днищем

округлой емкости, что наверху находилась. И посреди этого потолка торчала труба чугунная, а у трубы вентиль. Вот только не это было самым главным. У той трубы ржавой, что почти до пола доставала, крысы сидели и сладкое масло, что из нее капало, слизывали. Ух и расстроились же бельчонок со своей бабкой. Видно, не удастся им тот вентиль особый открыть. Но наконец старая белка решилась.

— Ты, малыш, вперед иди вентиль открывай. А я этих крыс отвлеку. Расскажу им какую-нибудь историю. Да вот еще палку мою с собой прихвати. С ней вентиль легче повернуть будет.

— Но бабушка, — бельчонок едва не заплакал, — они же тебя съедят.

— Ничего, ничего, внучок, — ответила ему бабка-бельчиха, — что-нибудь придумаю.

И стала громко языком щелкать, чтобы крыс отвлечь. Подошел к ней тогда самый старый и главный крыс, посмотрел внимательно и говорит:

— Ты что это, белка, с ума сошла? Ты чего здесь щелкаешь?

— А это я вам сказку хочу рассказать, — ответила ему белка, дрожа от страха.

— Сказку? — удивился крыс, — ну что же, сказки это хорошо, сказки я люблю. Давай, говори тогда, а мы тебя послушаем.

И стала им белка разные сказки рассказывать. Про свою жизнь, да про чужую. Вот уже все крысы вокруг нее собрались и слушать стали. А бельчонок тем временем сбоку прокрался к вентилю, да вставил в него клюку бабкину и потянул. Но только совсем чуть-чуть вентиль ржавый с места сдвинул. Тогда он потянул сильней, — еще на пол оборота. И наконец со всей силы крутанул. Да так расстарался, что аж сам в противоположную сторону отлетел. Вентиль же тот открылся полностью и из него арахисовое масло потоком хлынуло. А крысы, которым сказки старой белки уже надоедать стали и они думали, как бы ее съесть, тут же кинулись к этому потоку и стали из него арахисовое масло подъедать. А некоторые, так и всей мордой в него влезли. Бельчонок же со своей бабкой быстро к выходу пошли и через все тот же железный колодец наружу выбрались.

А наверху тем временем творилось нечто невообразимое. Белки, едва лишь заметили, что их лакомство под землю уходит, как сразу кинулись к своей емкости и стали из нее арахисовое масло есть, кто сколько мог. А некоторые так в нее еще и попадали. Тогда они стали на помощь звать, и другие белки, хотя и с трудом, но их вытащили. А еще вокруг завязались драки разные. Но драки эти хотя и были отчаянными, однако совсем не были опасными и больше походили на мышиную возню. Кто-то

из белок громко кричал, что вот, мол, все, конец всей их жизни пришел и что им теперь лучше вовсе не жить, а кто-то горько плакал.

Посмотрела на все это старая белка, да только головой покачала:

— Смотри, внучок, — сказала она, — наши-то совсем из ума выжили. Как по своей верной погибели сокрушаются.

Так и продолжалась вся эта вакханалия почти до полуночи. Потому что масло то вязким было и вытекало снизу очень медленно. А наутро, когда белки, все уставшие и измазанные проснулись, то увидели, что емкость их теперь совсем пустая стоит. И только по стенкам ее масло еще чуть-чуть стекает. Кинулись они тогда оставшееся масло слизывать. Да так расстарались, что всю емкость до блеска языками вычистили. А как вычистили, так и успокоились. Ведь не было больше у них сладкого масла, а значит и драться, и кричать было не из-за чего.

Пошли тогда несчастные белки обратно в лес. В дома свои заброшенные в дуплах вернулись. И зажили там как прежде. Со временем вернулся к ним почти позабытый веселый их нрав. Вспомнили они даже как с ветки на ветку перепрыгивать и делать запасы на зиму. О той же емкости, что с питательным маслом была и рядом с которой они так долго жили, они теперь отчего-то даже и не вспоминали.

А старая белка со своим внучком в тот день еще у пахучей емкости остались, потому что от всех своих приключений устали сильно. И когда ближе к полудню из-за высоких домов выглянуло солнце, то и осветило оно эту емкость. А как осветило, так и тонкий луч света из нее пошел. Яркий и очень горячий. Ведь эта емкость полукруглой была и как вогнутое зеркало свет отражала. И попал этот луч на огромный дом, что стоял поблизости. И задымился тот дом и загорелся весь. И такой сильный пожар от него сделался, что во всех близлежащих лесах видно было. И видели этот огонь протрезвевшие белки, и радовались очень сильно. А чему и сами не знали.

12. Рукава

Фару был старым охотником. Ни один зверь или птица не могли от него уйти. Правда иногда Фару становилось скучно, и он словно бы начинал играть со своей добычей, в точности как кошка с мышью. Тогда он позволял зверю на некоторое время от него убежать и затаиться. А сам по следам или по каким-то иным, одному ему ведомым признакам, зверя этого вновь выслеживал. Поэтому не проходило и нескольких дней, как он пропавшего зверя опять настигал. Вот и сейчас, решив потренироваться, а быть может и попросту развеяться, он выслеживал огромного серого кабана, которого легко ранил еще пару дней тому назад. Однако кабан этот матерым оказался. Отчего в первый день довольно долго петлял среди камышей и кустарника, запутывая своего преследователя, а затем и вовсе в воду прыгнул, и поплыл к небольшому скалистому острову, что находился невдалеке от берега. Там кабан этот снова начал усиленно петлять после чего затерялся где-то в густых зарослях прибрежного можжевельника.

Фару вышел к воде. Он прекрасно видел, куда направился кабан, вот только добираться вплавь до этого острова ему совсем не хотелось. Поэтому он потратил еще около получаса и соорудил себе небольшой деревянный плотик, на котором и переправился на другую сторону. Там он словно охотничий пес снова отыскал кабаньи следы, и продолжил преследование. Вскоре он вышел на широкое пшеничное поле, которое начиналось сразу за прибрежным леском, опоясывавшим остров по периметру. А за ним увидел и деревню. В этой деревне жили тримы, которые занимались животноводством и земледелием. Вот только вид у них был довольно странный. И Фару даже сразу и не сообразил в чем именно там было дело. Да и сами местные жители все время очень пристально на него поглядывали. В особенности на его одежду.

Перебросившись парой слов с крестьянами и уточнив не видели ли они здесь кабана, Фару продолжил охоту. Вот только найти свою добычу в тот день ему так и не удалось, отчего он решил устроиться на ночлег прямо там, на острове. Он соорудил себе небольшой уютный шалаш из длинных сухих веток, что насобирал в прибрежном лесу и хвойного лапника, который посрезал с местных елок. После чего, улегшись на свой непромокаемый плащ, начал было уже засыпать, как вдруг услышал слабый, едва различимый шорох. Он открыл глаза. Но ничего не увидел. Тогда он вылез наружу и походил вокруг, —

тоже ничего. Решив, что все это ему лишь только почудилось, Фару залез назад и снова закрыл глаза. И почти тут же услышал протяжный и очень громкий треск. Словно кто-то рвал рядом с ним что-то, будто ткань какую-то. Фару опять буквально подпрыгнул на месте и, перезарядив ружье, мигом выскочил из своего шалаша. Он вновь обошел его, но и на этот раз ничего не увидел. Тогда он сел прямо там на землю и, решив более уже не спать, прислонился спиной к ближайшему дереву. Он буквально замер на месте, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг. Однако в ту ночь его более уже никто не побеспокоил.

Наутро поднявшись и собрав рюкзак, Фару хотел было уже отправиться дальше, как вдруг увидел, что у его охотничьего плаща были оторваны рукава. Вот прямо так с мясом. Будто кто-то с силой, причем не то чтобы именно срезал их, а просто вырвал. Фару уставился на свой плащ, а затем решил идти прямиком в фермерскую деревню. «Ведь никто из зверей не способен на такое, — пришел он к единственному в данной ситуации выводу, — а поскольку здесь кроме тех фермеров никого больше нет, то это явно кого-то из них работа». Однако, придя в деревню, он даже и не стал ни у кого ничего спрашивать, поскольку удивился так, что чуть было не онемел. И теперь уже он сам сразу понял, что ему вчера здесь показалось настолько странным: у всех местных жителей, буквально до единого, отсутствовали рукава. Причем, остальная их одежда была самой обыкновенной, но вот рукавов почему-то ни у кого не было. Заметив его недоумение, один из местных тримов спокойно подошел к нему и так сказал:

— Это давно уже началось. Еще задолго до нашего появления на острове. Ведь здесь прежде тюрьма была, где люди, — ты ведь слышал про древних людей? Так вот, эти самые люди здесь своих преступников держали. Ну и наказывали их, соответственно. Тут воры в основном находились и мошенники, это мы по их записям поняли. Так вот, эти самые люди в этой тюрьме своим преступникам… — трим на секунду замялся, — руки отрубали, чтобы они не крали больше.

— Варварство какое, — покачал головой Фару.

— Да, — согласился с ним трим. — Но вот в чем дело, эти преступники или наказанные, а точнее их призраки на этом острове до сих пор еще живут. И красть они даже после своей смерти не перестали. Видимо, все те жестокие наказания, которым они подвергались при жизни совсем не пошли им впрок. И эти призраки тут по ночам все еще часто ходят и все крадут, что плохо лежит. Однако, чтобы воровать им рукава нужны. Уж

даже не знаю зачем. Может быть они так себя успокаивают, ведь собственных-то рук у них нет, а возможно, еще для каких-нибудь целей.

— Да-а, — покачал головой Фару, — и как это вы не боитесь здесь постоянно жить?

— Да мы уже привыкли. К тому же, какой вред от всех этих воришек. Рукавов-то, как ты сам видишь, мы не носим. А если им и удается что-то украсть, так мы всегда знаем где нужно искать пропажу.

— И это где же? — уточнил Фару.

— А там в глубине острова. У них там как раз тюрьма и была, поэтому они все вещи туда и тащат. Да к тому же, — трим вздохнул, — место здесь больно уж хорошее. Земля вот, лес, море. Тут ведь и зверей много, и рыбы. Так что живем мы на острове в полном достатке. А то, что без рукавов ходим, так это все пустяки. Да так, кстати, и работать намного удобнее, не нужно ничего закатывать, — он улыбнулся.

— А можете вы и мне показать то место, куда эти ваши призраки вещи уносят, а то они у меня прошлой ночью тоже рукава от плаща оторвали.

— Да пожалуйста, — ответил ему местный трим, — тут ведь совсем недалеко. Остров-то этот очень маленький и здесь все близко находится.

После чего они вместе, и все еще продолжая беседу, направились к этой давно позаброшенной тюрьме. Идти там действительно было совсем недалеко. Поэтому очень скоро они, миновав покосившиеся железные ворота, приблизились к широкой тюремной площади. А там, как Фару и надеялся, лежали его рукава. И еще целая куча разных вещей, которые призраки, по всей видимости, утащили уже из деревни.

— Вот дают, — засмеялся местный трим, — уже наворовать успели. А ведь только всего одна неделя прошла с тех пор, как мы здесь в последний раз все проверяли.

После чего взял свои вещи, а Фару взял свои рукава и они собирались было уже уходить, как Фару вдруг спросил:

— А это что за домик, — он указал на некое прямоугольное строение в глубине территории, которое было каменным, а оттого сохранилось лучше других.

— Да я и не знаю, — ответил ему местный трим, — мы не заходили туда никогда. Да там крепкий замок на двери висит и решетка еще на окне. Так что туда не пролезешь.

— А мы попробуем, — уверенно произнес Фару.

После чего подошел к железной двери и ударил прикладом ружья по замку, что на ней висел. А замок этот настолько

проржавевшим оказался, что от одного удара буквально рассыпался. Они внутрь вошли. Но там и вправду ничего интересного не было. Одна только лестница, ведущая куда-то вниз, стул, стол, да разбросанные на полу бумаги. Они спустились вниз по лестнице. И вновь уткнулись в еще одну дверь, но на этот раз решетчатую. И тут уже сам местный трим проявил любопытство, отчего, сняв со стены ключ, открыл висячий замок и внутрь вошел.

Однако внутри, к их общему разочарованию, ничего интересного не было. Всего лишь еще одна пустая камера для заключенного. В которой находились полуистлевший матрас в углу, ржавые цепи, да запыленные доски и тряпки. Поэтому Фару и местный трим вздохнули с сожалением и поднялись наверх.

— Ну, прощай охотник, — сказал местный трим.

— И вам здравствовать, — коротко ответил ему Фару.

После чего они пожали друг другу руки и каждый пошел своей дорогой. Вернувшись в прибрежный лес, Фару подумал, что теперь уже окончательно потерял след своего кабана, а значит и далее продолжать охоту было бессмысленно. Но поскольку приближался вечер, то он решил переночевать на этом острове еще раз, чтобы не переправляться через пролив впотьмах. Отыскав свой шалаш, он теперь уже спрятал поглубже в рюкзак оторванные рукава, да и те, что были на его рубашке закатал повыше. «Пусть теперь только попробуют оторвать», — подумал он улыбнувшись и медленно погружаясь в глубокий и долгожданный сон. Ночью, правда, он вновь уловил некое негромкое шебуршание у своего рюкзака, да еще кто-то словно бы легонько дотронулся до его руки. Но Фару не обратил на это никакого внимания. «Что воришки, — подумал он прямо во сне, — не сидится вам спокойно». И вдруг этот некто, совершенно неожиданно и очень крепко вцепился ему руками прямо в горло. Фару попытался было тут же закричать, но не сумел. Тогда он изо всех сил рванулся в сторону и, перевернувшись через бок, откатился к дальней стене своего шалаша. А затем вскочил на ноги и буквально выпрыгнул наружу.

Он смотрел назад в темноту и никак не мог там ничего разглядеть. Но вот, совсем тихо в его шалаше словно бы зашевелилось что-то, а затем и два темных продолговатых пятна выплыли из него. Они повисли прямо в воздухе у входа на уровне его рук. Фару пригляделся и… обомлел, — это были его рукава. Они теперь не шевелились. Но затем снова, чуть приподнявшись, стали к нему приближаться. И тогда Фару уже не выдержал. Он схватил свое ружье, и что было сил пустился бежать прочь,

в сторону берега и пролива, что отделял этот остров от большой земли. Подбежав к воде, он увидел неподалеку свой примитивный плот. Взобравшись на который и чуть отплыв от берега, Фару немного успокоился и попытался сообразить, что же это такое только что было. Ведь его кто-то хотел убить, задушить, это он прекрасно помнил. И этот кто-то без сомнения был некий призрак, которого также, по всей видимости, в наказание за преступление лишили его рук. «Но, — у Фару в тот момент даже холодок пробежал по спине, — явно не за кражу». Так он и плыл до своего берега, стараясь не шуметь. А там, на краю леса, чуть подсвеченные взошедшей к тому времени луной, висели в воздухе совершенно неподвижные, черные и теперь уже смертельно опасные его рукава.

13. Сушь

Обжигающий воздух, потрескавшаяся земля, солома. Сухие деревья, опавшие листья и пыль. «Почему все так переменилось? Где наши плодородные, зеленеющие поля и заливные луга? Где богатые урожаи, которые мы могли собирать хоть по два раза в год. Почему вся деревня теперь совершенно опустела, а жители разбрелись неизвестно куда? Где все те задушевные долгие песни, которые мы могли петь иногда вплоть до самого утра? Где, где, где…» — все эти вопросы задавал себе старый Ору сидя на вершине холма, который возвышался посреди некогда обитаемой шумной деревни. А ведь это действительно были хорошие времена: радостные, суматошные, живые. А теперь все словно бы остановилось, истлело и высохло, потому что в их деревню неизвестно откуда пришла неумолимая и постоянная сушь.

Все началось уже очень давно и совсем незаметно. Так, что поначалу никто ничего и не понял. А ведь он, Ору, прекрасно запомнил тот первый день. Когда его дочь непривычно рано вернулась с поля домой и прямо с порога попросила попить. «Папа, — сказала она ему, — почему сегодня так жарко? Ну просто невероятно жарко. Даже Мирто ушел с поля, а ведь он из нас самый выносливый». А он даже и не нашелся, что ей на это ответить, а просто налил полную кружку воды, которую его дочь тут же и выпила. На следующий день все повторилось опять, хотя на улице и было, пожалуй, несколько легче. Ведь с раннего утра повсеместно выпала освежающая роса, а под вечер еще и плотный сырой туман окутал пологие низменности полей. Но вот на третий день все стало уже совсем плохо. И такого тримы ни из этой, ни из соседних деревень вообще никогда не видели.

Жара началась уже с самого утра. И он, Ору, тоже запомнил это. Когда выйдя из своего дома во двор, привычно поводил босой ногой по траве. Однако вместо ожидаемой прохлады неожиданно почувствовал, что чуть было не порезался. Тогда он внимательно посмотрел себе под ноги. Да, действительно, роса на траве была, кажется. Вот только с ней было явно что-то не так. Тогда он присел на корточки и пригляделся. Эти мелкие, поигрывающие на солнце капли, которые обычно скапливались на покатых зеленых травинках, все были теперь как будто бы неживые. Они уже не играли на солнце как прежде, а выглядели неприятно мутными, словно наполненными мелом. Ору дотронулся до одной такой росинки, отчего она, слегка закачавшись из стороны в сторону, тут же беззвучно лопнула. А вместо нее

на траве осталось лишь маленькое белое пятнышко. «Это еще что за фокусы, — сказал Ору сам себе, — они тут что, все теперь сухие что ли?» Он посмотрел вокруг. Да, по виду роса практически не изменилась. Но вот внутри у нее была явно пустота. Тогда он, все так же босиком пересек свой обширный двор и вышел на улицу. Однако на улице в такое раннее время никого из соседей конечно же не было, отчего он, печально вздохнув, вернулся назад к себе в дом. Дома в то жаркое утро было еще довольно прохладно, потому что дом Ору был деревянным и хорошо противостоял холоду зимой и жаре летом.

Ну вот наконец проснулась и его дочка, которая, также почувствовав нечто неладное, подошла к нему и, взяв за руку, шепотом спросила: «Папа, что происходит, почему везде так тихо?» Ору подумал было, что она хотела сказать «жарко», но, прислушавшись, понял, что она была права. Да, вокруг было действительно тихо, отчего он, все так же держа дочь за руку, вышел с ней прямо во двор. Потом посмотрел по сторонам, потом негромко свистнул и вновь посмотрел. Но нет, вокруг ничего не изменилось. «Странно, — сказал Ору сам себе, — ведь теперь и не так уж и рано, почему везде такая тишина?» Он посмотрел на дочь. Но та просто стояла рядом с ним и тоже оглядывалась по сторонам. «Папа, — сказала она наконец, — мне страшно. Почему нет соседей? И собак, и кошек тоже нет. Куры все куда-то исчезли? Где все? Неужели же они тоже ушли?»

Ору сел на крыльцо и задумался. Да, он помнил, конечно, что еще примерно с неделю назад уже испытывал нечто подобное. Когда ему показалось, что все вокруг стало пустым и ненужным. Что жизнь вот как-то так, совсем незаметно, покинула его самого. А сам он ничего с этим не в состоянии был поделать. И она тогда сказала: «Я ухожу». И все. Вот так все просто и ясно. Да, она уходила. И не куда-нибудь, не к кому-либо, а просто так, в никуда. От него подальше. Но ведь он так ее любил, он всегда любил ее… или это ему так казалось? Ору встал.

— Знаешь что, дочка, — обратился он к девочке, — пойдем-ка лучше домой. Даже если все и ушли из нашей деревни, то нам-то с тобой идти все равно некуда. Мы здесь жили и будем жить. И это наш дом. Поэтому… — он сделал приглашающий жест рукой.

Но дочь его отчего-то не послушала.

— Нет, — сказала она, — я останусь здесь, на улице. И пусть солнце иссушит мое тело, а жар испепелит душу, но я больше никогда не войду в твой дом.

— Но почему? — Ору, хотя это и могло показаться немного странным, совсем не испугался и даже ничего не почувствовал. —

Ведь тебя-то я всегда очень сильно любил. Уж этого ты не можешь отрицать.

— Нет, папа, — девочка посмотрела на него прямо и уверенно. — Ты никогда не любил нас. И мама моя поэтому отсюда ушла. Хотя она, на самом деле, очень любила тебя. И я тебя люблю. А ты нет.

— «Нет», — повторил Ору опять равнодушно, — но ведь я все делал для тебя. Ну скажи мне, какую из твоих просьб я не выполнил?

— Ни одной, — ответила ему девочка. — Ты всегда делал в точности все так, как мы с мамой тебя просили. Но ты не любил нас. И собаку свою, и деревню эту, и природу, что вокруг, и даже землю, на которой стоит твой дом. Поэтому все тебя и покинули. Потому что все они и все это, — девочка повела рукой, — на самом деле очень любило тебя и отдавало тебе себя полностью, без остатка. А ты пользовался.

— Но почему вы мне раньше об этом не сказали, — Ору задумался. — Быть может тогда проще было бы мне уйти из деревни?

— Нет, — опять повторила девочка, — ты бы не ушел. Ты слишком упрям и недоверчив, чтобы послушать кого-либо. Тебе и ветер об этом шептал, и дождь пел ночью, и я это очень хорошо слышала. Но ты остался глух к просьбам природы. А нас с мамой ты не послушал бы и подавно. И вот теперь ты получил именно то, что хотел: пустоту, тишину и сушь, которая тебе более всего по душе. Но, прощай, — девочка повернулась и прямо босиком вышла на дорожку, которая вела к уличной калитке, — мы никогда больше не увидимся.

На это Ору лишь слегка пожал плечами и прошел обратно к себе в дом. «Да, конечно, — подумал он, — жена, дочь, соседи… Какое это имеет значение? Главное, что он, Ору, остался таким же как прежде, не изменил себе. Вот ни на сколечко. И он все по-прежнему совершенно спокойный, умный и уверенный. А что может быть важнее этого?»

На следующий день, после того как хорошенько выспался, Ору пошел побродить по деревне. Солнце все так же пекло, но при этом ни туч, ни малейшего ветерка вокруг не было заметно. Земля начинала уже сильно трескаться, а трава по обочинам грунтовой дороги превращаться в идеально высушенное белесое сено. «И это даже совсем неплохо, — как-то расчетливо подумал Ору, — будет чем скотину кормить. Ах, да, — он почесал затылок, — скотины-то у меня теперь нет. Ну и пусть, если некого кормить, то и хлопот намного меньше». Он подошел к колодцу. В глубоком колодце, где-то на самом дне все

еще была вода. Ору опустил ведро, потом поднял его и напился. «Однако, — сказал он себе озабоченно, — этак мне и на несколько дней воды здесь не хватит. Колодец-то этот скоро высохнет». Тогда он пошел к центру деревни и поднялся на невысокий холм, что был там. Где стоя на самом солнцепеке, громко проговорил:

— Ветер, я обращаюсь к тебе. Принеси мне тучи полные живительной влаги, чтобы колодец мой не высох совсем.

После чего повернулся и, глядя на маленькую речушку, что текла вдалеке за полем, и которая теперь превратилась в узкий и мутный ручеек, заговорил опять:

— Вода, что течет в этой реке, не покидай меня. Ты всегда бескорыстно дарила мне свою прохладу и утоляла жажду даже в самые жаркие и засушливые дни. Не покидай меня, ты нужна мне.

После чего посмотрел наверх и обратился уже к Солнцу:

— Солнце, милое родное. Будь снисходительно ко мне. Не пеки ты так сильно. Ведь только ты одно теперь у меня осталось. Потому что ветер, похоже, покинул эти места, а вода покидает. И я просто не выдержу здесь один, с тобой наедине.

И Солнце ему ответило:

— Нет, Ору, я не покину тебя. Потому, что кроме меня у тебя никого больше нет и мне тебя жаль. Я знаю, что ни ветер, ни вода тебя больше не слышат. Потому, что ветра здесь нет, а вода скоро утечет. И только я одно хорошо понимаю тебя. Ведь я настолько же одиноко и мне также не нужен никто. А оттого мы всегда теперь будем вместе.

И сел Ору тогда на тот пологий холм и стал размышлять. «Отчего все стало таким? Где зеленеющие поля и заливные луга, где богатые урожаи? Где все соседи и отчего они покинули эту деревню? Коровы, свиньи, куры, где все? Моя семья, жена, дочь? И почему я ничего этого не знаю? Почему вокруг меня теперь уже так жарко, а я совсем этого не чувствую. Почему мне не хочется ни есть, ни спать? Пить почему не хочется? Да уж не умер ли я в самом деле?» Ору подвигал рукой. Потом встал и пошел обратно в свой дом. Лег спать. А на следующее утро вновь вышел на улицу и медленно двинулся по ней, даже не поднимая по пути невесомой пыли. Затем взобрался на тот самый холм и вновь стал размышлять. Но сколько не старался, так и не нашел он ответов на мучившие его вопросы.

Другие же тримы, и те что ушли из деревни, и прочие, которые жили поодаль, нередко видели этого блуждающего одинокого призрака из покинутой всеми деревни, который частенько сидел на холме и, подперев руками свою голову,

словно бы о чем-то размышлял. А вокруг него, тихо шипя и кружась, похрустывая сухими ветками словно соломой, переваливаясь с ноги на ногу, шагала спокойно и неторопливо сушь. И никто с ней поделать ничего не мог, потому что она была частью того призрака. Тем, что было когда-то внутри него, а теперь вырвалось наружу. А призраки, — и это все тримы очень хорошо знали, — не могли никогда умереть, потому что и так давным-давно уже умерли.

14. Цветение

Сохранившиеся города были прекрасны. Особенно без людей. Свободные улицы, широкие проспекты, гулкие пространства всевозможных помещений, лестницы и подъезды, крыши и фундаменты. Парки, в которых теперь уже никто не гулял, пруды с чистейшей питьевой водой, сады, пестрящие всевозможными цветами, за которыми давным-давно никто не ухаживал. Все это производило поистине неизгладимое впечатление. И стороннему наблюдателю могло бы даже показаться, что он попал в сказку. Поскольку все, что было создано для миллионов людей теперь принадлежало ему. Ему одному. И все это находилось теперь вокруг него, устремленное в стороны и ввысь, подчиненное выверенной долгими расчетами и изысканиями логике. Той мысли, имя которой — совершенство.

Стекло и бетон, железо и пластик, многие другие всевозможные материалы, сконфигурированные в причудливые и разнообразные формы. Наполненные светом и электричеством, снабженные кондиционированием и отоплением. С удобствами, о которых теперь никто и не мечтал, с украшениями, которые современному наблюдателю могли бы показаться излишними. Причем все это находилось сейчас в совершенно заброшенном состоянии, отчего и выглядело еще более манящим. Однако, с некоторых пор, едва лишь жившие здесь прежде люди все куда-то подевались, как сразу, причем в первый же день после этого в сумеречных глубинах опустошенных городов стало происходить нечто.

Разрушение началось у самого их основания, в сердцевине. Как у упавшего с дерева спелого яблока, которое внешне хотя и выглядит еще по-прежнему нормальным, однако в центре начинает незаметно гнить. Со временем это гниение распространяется на весь поврежденный плод. И вот, довольно скоро наступает момент, когда упавшее с дерева сгнившее яблоко уже попросту нельзя есть, а во внутренне истлевшем и проржавевшем у основания городе почти невозможно жить. Не многие бы решились тогда зайти в хоть какой-нибудь заброшенный город, поскольку там постоянно что-нибудь да происходило. То падали с большой высоты острые стекла, выдавленные из оконных рам непрекращающимися перепадами суточных температур, то проваливался грунт, подмытый дождевыми или талыми водами. Из самих зданий иногда выскакивали дикие животные, в том числе и весьма опасные, которые к тому времени уже повсеместно расселились

по заброшенным городам. Причем, поскольку они находились в постоянном поиске пропитания, то не брезговали вообще никакой добычей. Вы могли там встретить, например, тигра или медведя, а иногда и носорога, которые от полной своей вседозволенности наглели непомерно и делали вообще все, что им заблагорассудится.

Еще же в городах было очень много пыли. Причем не только от рассыпающихся бетона или асфальта, но и самого простого, органического происхождения. Точнее, это была пыльца всевозможных растений, которые к тому времени также заполонили все города. Пыльца эта была разных форм и размеров. Она была и довольно крупной, овально-зернистой. Но чаще всего мелкой, подобной муке. Была она и бесцветной, с приглушенным сероватым отливом, но также и ярких цветов. И тем не менее, одно особое качество весьма отличало ее ото всей той пыльцы, которая существовала когда-то еще при древних людях. И это странное свойство проявилось у новой пыльцы отчего-то именно в тот момент, когда из городов и исчезли их прежние обитатели. Причем, можно было подумать даже, что это таинственное свойство как раз и было непосредственной причиной их исчезновения. Но так ли это было или нет никто не знал в точности. Возможно, хотя это и не было известно наверняка, она была ядовитой, причем исключительно для людей. И еще, она почему-то светилась. Правда, свечение это стало заметным лишь по прошествии некоторого времени с момента опустошения городов. Сначала это был лишь очень легкий, флуоресцирующий свет. Потом уже более насыщенный, с переливами в различные цвета спектра. И наконец, довольно яркий. Конечно, свет этот более всего был заметен лишь по ночам. Когда города, практически полностью покрытые такой вот пыльцой, буквально сияли в темноте, становясь заметными за многие и многие десятки километров.

Зрелище это было поистине завораживающим. Когда переливающаяся всевозможными красками пыльца, делала заброшенные города почти живыми. Словно бы оттуда вовсе и не уходили люди, а пользуясь электрическим освещением, разукрашивали места своего обитания самыми невероятными видами подсветки. В таких городах по ночам можно было даже просто гулять. Поскольку там все было очень хорошо видно. Вот только одно обстоятельство, связанное именно с этой пыльцой, оставалось все же довольно непонятным. Пыльца эта отчего-то не распространялась за пределы городов или дорог их соединявших. И уж чем это было вызвано, сказать вообще не мог никто. Хотя однажды, кто-то из ученых тримов, увлекшись

изучением данной проблемы, предположил, что за пределами древних городов природа не была такой подавленной, а оттого и не столь остро реагировала на долгие годы своего уничтожения. Когда она, буквально как мощная огромная пружина, сдавленная человеческой цивилизацией до самой крайней степени, стала неумолимо разжиматься. Однако, все это была не более чем гипотеза, да к тому же еще и не подтвержденная никакими, хоть сколько-нибудь достоверными фактами.

Безусловно, всю эту светоносную пыльцу порождали и такие же светящиеся растения. А еще через какое-то время и насекомые, которые на этих растениях жили, также стали весьма отчетливо светиться. Но тем не менее дальше некоторых видов насекомых это странное направление эволюции почему-то не пошло, отчего ни птицы, прилетавшие в заброшенные города, ни животные, которые там постоянно обитали совсем не изменились. Да в противном случае они, наверное, и не смогли бы попросту выжить. Поскольку если бы хищники, например, или травоядные потеряли возможность оставаться незаметными, то одни поймать бы никого не смогли, а другие убежать или спрятаться.

Нужно также еще отметить, что за долгие годы такого беспризорного существования, покинутые города могли бы, наверное, и полностью разрушиться. Однако этого не произошло. Каким-то удивительным образом, но силы природы, изначально разрушавшие такие города, со временем стали их буквально поддерживать. Огромные деревья, выраставшие подле стен, не давали этим стенам падать или трескаться, а лианы, оплетавшие старые дома изнутри и плотный мох, покрывавший дырявые крыши, защищали их от действия эрозии. Ведь на самом-то деле растениям было намного удобнее существовать, опираясь на столь высокие конструкции, где не было почти никаких вредителей, да и свежего воздуха с водой было предостаточно. Вблизи же этих построек практически отсутствовало естественное гниение, а те биологические останки некогда исчезнувшей древней цивилизации прекрасно их еще и питали.

И таким вот неожиданным образом древние города постепенно превратились из бездушных, мертвых, закованных в бетон конгломераций в прекрасные, цветущие, светящиеся по ночам природные комплексы. В которых всем находилось место и всем было удобно жить. Даже тримы, которые изначально избегали заброшенных городов и категорически отказывались в них заходить, стали иногда сначала наблюдать за ними издалека, а затем, пусть и довольно редко, туда наведываться. Да признаться, им и было ради чего это делать. Поскольку в городах

они находили многое из того, чего сами никак не могли изготовить. Иногда они находили там вещи очень ценные и нужные, а иногда и совсем непонятные. Но все же, из-за огромного скопления всевозможных хищников, такие походы всегда представляли из себя предприятие весьма рискованное. Тем более, что некоторые из вернувшихся назад тримов, рассказывали своим сородичам истории о городах настолько странные и пугающие, что их и повторять-то потом решались не все. Кое-кто из таких путешественников приносил в свои поселения еще и светящиеся растения, чтобы те светили им по ночам. Однако такие растения в сельской местности отчего-то редко когда приживались. А те, что приживались, переставали через какое-то время светить.

Довольно часто в городах происходили разного рода катаклизмы. То вдруг раздавался оглушительный грохот из-за рухнувшего очередного небоскреба. То слышались мощные взрывы или вспыхивали пожары. А бывало и такое, что ни с того ни с сего начинала играть музыка. И тогда городские обитатели, переполошенные этими локальными событиями, начинали метаться по пустынным улицам вообще не разбирая дороги. О том, чтобы охотиться или, наоборот, прятаться, звери в тот момент уже и не помышляли. Отчего нередко случалось такое, что хищники и травоядные, спасаясь неизвестно от чего, бежали перемешанной шумящей толпой в одну сторону, или дрожа от парализующего страха, прижимались к какой-нибудь надежной преграде.

И все же, во время подобных происшествий интереснее всего было наблюдать за поведением насекомых. Особенно если что-нибудь подобное случалось по ночам. Ведь тогда заброшенные города буквально вспыхивали очень ярким светом и всевозможными красками, которые разносили во все стороны мириады и мириады этих крошечных созданий. Маленькие и большие жуки, которые как искорки от пылающего костра взмывали высоко в небо, странного вида и расцветки бабочки. Кузнечики и муравьи, световыми волнами выплескивавшиеся на окрестные территории. Все это создавало впечатление совершенно сказочное, футуристическое, нереальное. И стороннему наблюдателю могло бы даже вновь показаться, что он попал в сказку. Прекрасную, счастливую и добрую. Но тем не менее, подобные светопреставления не обманывали обитателей сельской местности. Поскольку они прекрасно знали, что все эти светоносные создания не являлись ни хорошими, ни плохими. А были очень чуждыми и совершенно непонятными. Ведь их голосов и поведения разобрать не мог никто.

Не понимали их ни обычные лесные насекомые, ни дикие животные, ни даже тримы. Которые считали, что все эти «светляки», как они называли всю эту светоносную братию, либо давным-давно уже опередили весь остальной мир в своем развитии, либо, напротив, безнадежно от него отстали. Но во всяком случае, все это было очень непонятно, тревожно и загадочно. А что может пугать сильнее непонятного? Да, пожалуй, что и ничего.

Вот так и существовали уже долгие столетия эти полуразрушенные, прекрасные, светящиеся древние города со своими странными обитателями и сельская местность. Немного неказистая на вид, но зато такая понятная и простая. И так же, как и тогда, во времена те далекие, когда еще существовала человеческая цивилизация, эти два мира очень сильно тянулись друг к другу, но при этом ни в коей мере не смешивались.

15. Танцы

— Это еще что такое? — недовольно прорычал старый волк, указывая на лист бумаги, прикрепленный к стене высотного дома.

— Так танцы, ваше Волчество, — услужливо ответил ему барсук, чуть присев на задние лапы.

Этот барсук везде сопровождал старого волка, главного волка в местной стае, когда тот совершал свои еженедельные обходы подконтрольной ему территории. Причем территория эта действительно была огромной. Такой, что обойти ее за один день было почти невозможно. Она охватывала практически весь заброшенный город целиком, а также некоторые его окрестности. Без разрешения этого волка, причем собственнолапного, здесь вообще ничего не происходило. По крайней мере, чего-то значительного. А тут вдруг какие-то танцы.

— Они там что, — вновь прорычал старый волк, — все с ума посходили что ли? Да кто бы они ни были: лисы, кабаны или даже медведи, но без моего дозволения никаких танцев им не видать.

После чего протянул лапу вперед и собирался было уже сорвать со стены листок, на котором были указаны дата и время мероприятия, как барсук вдруг пояснил:

— Зайцы, вашество. Это зайцы все устраивают. Они уже и с аппаратурой вопрос решили, и афиши везде порасклеили. Так что многие придут.

У волка аж челюсть отвисла.

— Кто? — переспросил он барсука, забыв уже и про сам лист, — зайцы? Ха-ха, — это он так засмеялся, — да я их всех съем. Вот так прямо приду на это их «мероприятие» и съем.

— Но, вашество, — попытался успокоить его барсук, — ведь мероприятие-то культурное. Как же можно?

— Мне все можно, — клацнул зубами старый волк. — Вот только когда все это будет? — тут он все же сорвал со стены листок и протянул барсуку.

А тому, ну что ему оставалось делать, лишь сообщить, что танцы будут уже сегодня вечером и начнутся сразу как только стемнеет.

— Ну вот и хорошо, — «ласково» проговорил старый волк, — я тогда своих родственников еще всех позову, пусть тоже потанцуют… — тут он на секунду прервался и тихо добавил, — на костях.

После чего парочка неспешно двинулась дальше. Причем старый волк все также шел впереди, а барсук, как верный

и услужливый помощник, за ним следом.

А в том самом доме — огромном небоскребе, уходящем в заоблачную высь, в котором зайцы собрались сегодня устраивать танцы, все шло своим чередом. Кто-то перепроверял провода, которые тянулись на чердак к установленному там генератору, кто-то постукивал лапкой по динамикам, проверяя не порванные ли они. А кто и делал запасы еды и напитков. Зайцы собирались устроить здесь в этот вечер нечто совершенно особенное, неслыханное никогда прежде в этом заброшенном старом городе. Поскольку сразу, едва лишь еще с неделю назад один из косых обнаружил на крыше этого дома акустическую систему, как многим из них пришла в голову мысль, — устроить тут настоящий праздник. «И пусть теперь все нас увидят, и узнают, что мы не только умеем следы запутывать», — говорили они тогда. Даже заячьим старейшинам идея понравилась. «Да-а, — соглашались они, — такого еще никто и никогда из зверей не делал. Уж хотя бы этим одним вы наше заячье племя прославите». На том и порешили. Да так увлеклись приготовлениями, что даже забыли проинформировать обо всем местные власти: лис, волков и медведей. Ну, волков прежде всего. Хотя и афиши по городу расклеили, и приглашения всем своим знакомым разослали. А вот про волков забыли. Что было делать?

Наконец назначенный день настал. Зайцы из тех, что посообразительней были, все еще раз перепроверили и даже на несколько секунд включили музыку. И такой громкой оказалась она, что они и сами ужасно испугались, а один из настройщиков прямо там на крыше небольшую лужу сделал. Ну да ничего, дело это было поправимое. Главное, что все прекрасно работало и оставалось только дождаться гостей и позднего вечера. Запасы еды и напитков были подняты наверх, а кое-что так и откупорено, и даже основательно опробовано. Поэтому, когда ближе к полуночи пыльца светоносных растений осветила люминесцентным светом заброшенный старый город, многие из зайцев были уже вполне сытыми, а некоторые так и пьяными в стельку.

Стали собираться гости. Это были, конечно, прежде всего такие же зайцы, только уже не городские, а деревенские. Были, однако, еще и барсуки, и белки, и еноты. Все они с интересом наблюдали за последними приготовлениями, а также с удовольствием поедали угощения, запивая все это спиртным. Еда предоставлялась на весьма необычных блюдах — огромных серебряных подносах. Выпивку же приносили в высоких стеклянных бокалах. Обслуживанием посетителей занимались в основном хорьки, которые, как оказалось, были намного ловчее

и проворнее зайцев.

И вот, когда публика была уже достаточно разогрета и сыта, и оставалось только включить музыку, на крышу этого высоченного заброшенного дома заявился старый волк. Откуда он там взялся никто не знал. Его даже никто и не заметил, когда он поднимался наверх. А поэтому его появление повергло всех: и самих организаторов, и посетителей в самый настоящий шок. Первым делом волк окинул всех каким-то расстроенным взглядом, потом выковырнул когтем что-то из зуба и, причмокнув языком, спросил:

— Так это, танцы, значится? — после чего очень грустно покачал головой и присел на задние лапы.

И только сейчас зайцы поняли, какую непростительнейшую ошибку совершили. Ведь они забыли проинформировать обо всем самого главного зверя в их городе. Их руководителя, вожака, старого волка. Отчего тут же попятились назад и, вздрагивая всем телом, выстроились в несколько рядов, прижавшись к бетонному бортику крыши небоскреба. Они уже ничего не могли говорить, потому что ясно поняли, что это был конец. Что это смерть за ними пришла, потому что бежать им было попросту некуда. А тут еще и другие волки, видимо, родственники этого главного, поднялись на крышу и совсем перегородили им путь к спасению. Причем волки эти уже не садились на задние лапы и не покачивали головами, делая вид, что они, ох как расстроены самоуправством зайцев. Они совсем не притворялись, отчего только зыркали глазами во все стороны и, в предвкушении скорой и обильной добычи, облизывались.

— Ну так что, — вновь переспросил старый волк, — у вас тут танцы, кажется? А кто разрешил? — тут его взгляд переменился и сделался очень злым, наверное даже еще более злым, чем у его сородичей.

И никто из зайцев не решился ему на это ответить. Лишь некоторые из них стали неспешно взбираться на бетонный бортик крыши, вознамерившись, очевидно, просто спрыгнуть вниз. Ведь такая смерть была куда менее болезненной, чем смерть от острых волчьих зубов и когтей. И, как это ни странно, но такое общее их движение неожиданно напугало волков. Потому что падалью они не питались, а если зайцы спрыгнут вниз, так значит и ужина им не видать. Заметил это и главный волк, отчего поднялся на все четыре лапы и примирительно произнес:

— Эй, эй, вы что, косые, чего испугались? Мы ведь только так, к вам в гости пришли музыку послушать. А вы что подумали? Мы без приглашения, конечно, но ведь… — тут он прокашлялся в лапу, — вы и без приглашения всех пускаете.

— Пускаем, — ответил ему один из зайцев.

И хотя он не был самым смелым из них, но возможно, ему просто надоело тогда бояться. А быть может он и перебрал немного лишнего.

— И даже если кто совсем без приглашения, — продолжил он уверенно, — то нам и все равно. Главное, чтобы зверь был хороший.

И такая смелая речь волкам даже понравилась, отчего они попросили этого зайца принести им закуски и выпивки, а затем и включить музыку. На что заяц лишь распорядительно хлопнул лапками и тут же, откуда ни возьмись, появились хорьки с блюдами и бокалами. Волки попробовали. Выпивка всем понравилась. На счет же закуски мнения разошлись.

— А теперь, — щелкнул когтями главный волк, — музыка!

И вот тут уже произошла никем, конечно, не предвиденная, но настоящая катастрофа. Или чудо, или то и другое, причем одновременно. Потому что и по ушам, и по шкурам, и даже по лапам всех присутствующих ударил такой оглушительный рев, что не то чтобы одна лужа на крыше появилась, а чуть ли не половина всех зайцев в обморок попадала. Кто-то из волков дико завыл, кто-то хотел было даже сброситься с крыши, но его удержали. Причем ловили его все те же самые зайцы, которые там у бетонного бортика стояли.

Наконец первый шок миновал и все расслышали музыку. Прекрасную, удивительную, заводную. Такую, что даже у самих волков в ритм ее стали подпрыгивать хвосты и подергиваться уши. А сам главный волк, взобравшись на спины двух своих сородичей, бешено прыгал прямо на них и все оглядывался по сторонам, наблюдая невероятное и фантастическое светопреставление, которое устроили перепуганные городские насекомые, взмывшие в воздух, да еще и подняв при этом огромные клубы светящейся пыльцы.

И долго потом из-за всей этой яркой подсветки, скользили по нижним кромкам облаков серые тени от вытянутых волчьих морд и развевающихся по ветру длинных заячьих ушей.

16. Смех в тьме

Никогда Орландо не забудет этот смех. Нет, никогда. Да и кто бы забыл? Когда его жена плакала, металась по дому, била посуду или портила мебель, это еще можно было как-то вынести. Но вот смех? «Брр, — Орландо поежился. — Нет уж, пусть лучше кто-нибудь другой теперь все это терпит. А с него довольно». И потом, эти сны, да еще у него самого. Ясно, что когда самый близкий тебе человек постепенно теряет рассудок, то и на тебя это тоже не может не действовать. А сны, что уж и говорить, в них как раз и отражались все его страхи и переживания. «Ведь как это она тогда явилась к нему в самый первый раз, — попытался он вспомнить, — просто возникла словно из ниоткуда, постояла молча и ушла». А затем снова и снова. И так до той самой ночи, когда она, ну прямо как прежде, совершенно нормальным языком объяснила ему, что и как нужно было делать. Орландо остановился.

Он теперь был уже два дня как в пути. Причем шел и сам не зная куда. Хотя, вроде, и зная, конечно, но при этом и без полной уверенности, что не бредит на этот раз сам. А ведь именно в ту, последнюю ночь, что он провел дома, жена явилась к нему снова во сне и очень подробно все рассказала. Как помочь ей, как спасти от все более прогрессирующего безумия. «Иди в заброшенный город, — сказала она ему, — найди там дом, он большой и желтый, не заблудишься. В нем есть подвал, а в подвале свеча. Принеси мне ее и мы опять с тобой будем вместе». После чего посмотрела на него как-то странно, и уже уходя добавила: «Только прошу, не ходи в тот подвал без света». И все. А что значит «без света», Орландо не понял. Он и так не пошел бы туда без огня, что там видно-то? Ведь все городские подвалы очень темные и опасные, и там полно крыс. Но отчего-то те, последние слова его жены Орландо немного обеспокоили. Отчего он и решил отправиться в дорогу, прихватив с собой не только провизию, но еще и ружье.

И вот вдалеке показался тот старый город. Как и все города того времени, он был давно заброшен и забыт, и обитали в нем только дикие животные. Но они в большинстве своем не были слишком опасными, тем более для вооруженного трима. К вечеру того же дня Орландо приблизился к окраинным домам. Как и полагал, идти ему тогда пришлось почти весь день, хотя расстояние и показалось ему сперва не слишком значительным. Однако Орландо знал, что такое открытые пространства и как они иногда скрадывают дистанцию. Поэтому совсем не удивившись

потраченному времени, решил остановиться на ночлег прямо в поле, неподалеку от городского шоссе. Да так намного и спокойней было. Ведь здесь ни один зверь не смог бы к нему подкрасться незаметно.

Ночь прошла тихо и без происшествий. Орландо прекрасно выспался, хотя во сне и вновь видел свою Грету. Однако теперь она ничего ему уже не говорила, а только как-то странно погрозила пальцем, словно предостерегая от чего-то и ушла. Орландо встал, разломал свой шалашик, который соорудил еще вчера вечером и направился прямиком в город. Вот только тот желтый дом, про который жена ему рассказывала, он искал довольно долго, несмотря даже на то, что город был совсем маленьким. Диких зверей ему не попадалось, поэтому он не истратил ни одного ружейного заряда. Теперь сам дом. Стены обшарпаны, окон нет и даже дверь чуть приоткрыта. А внутри? Тоже ничего. Пыль и мусор, да серый полумрак. Обломки старой мебели, тряпки, стекла, в общем все то, что обычно и встречается в таких вот домах. Но свечки почему-то нигде не было. «Наверное, она где-нибудь там, в глубине», — решил тогда Орландо и зажег свою свечу. Потом прошел вглубь этажа. Но и там свечки не оказалось. А была еще одна обшарпанная дверь и запыленная лестница, ведущая куда-то вниз. Орландо остановился. Вот ему отчего-то совсем не хотелось туда идти. Ведь, мало того, что из подвала довольно скверно пахло, так еще и неизвестно, кто мог во тьме прятаться. Медведь или волк. Да или просто кабан. А в таком ограниченном пространстве даже небольшой зверь мог больших бед понаделать. Но выбора, похоже, никакого не было. И Орландо, перезарядив ружье, потихоньку двинулся вниз по лестнице.

Под его ботинками скрипел сухой песок и осколки битого стекла. Но других звуков вокруг к счастью не было. Несколько раз он останавливался и прислушивался: нет, везде было все тихо. После чего продолжал неспешно спускаться. И вот наконец, сам подвал. А вокруг, — да, абсолютная темнота. И только маленькая свечка в руке у Орландо освещала неровным мерцающим светом узкое продолговатое помещение. Там, похоже, был какой-то длинный коридор со множеством дверей по бокам. За этими дверьми были видны комнаты, в которых находились проржавевшие кровати, истлевшие матрасы и прочие незамысловатые предметы. «Больница», — подумал про себя Орландо. Да и действительно, все что было сейчас вокруг него, более всего походило на заброшенную давным-давно клинику, в которой в незапамятные времена лечили людей. «Вот только от чего, интересно? — Орландо пнул ногой лежавший неподалеку

от него матрас, — кто ж теперь разберет».

Наконец он дошел, предварительно обойдя все комнаты, до дальнего конца коридора. И вновь, ничего. Орландо усмехнулся: «Ну поделом тебе, простофиля, будешь знать как снам верить. Экий ведь дурак, послушал жену, да еще и ненормальную, да еще и во сне. Хотя, — попытался он себя успокоить, — когда такая беда в доме, поверишь уже во все, что угодно».

И тут он неожиданно увидел ее. Совсем маленькую, такую же запыленную как и все вокруг, свечку. Она стояла на небольшой деревянной тумбочке в дальнем углу коридора, а оттого была почти незаметной. Ведь в такой непроглядной темноте не то чтобы какую-либо вещь, а и самого себя потерять было немудрено. Орландо протянул руку вперед и взял эту свечку. И тут же, видимо оттого, что слишком увлекся, выронил свою. Свечка его покатилась по полу и даже еще некоторое время светила мерцая, но вскоре окончательно погасла. И Орландо даже не испугался поначалу. А стал аккуратно, чтобы ненароком не оттолкнуть еще дальше, искать уже эту, свою свечу. Но сколько не водил руками по бетонному полу, так ничего и не обнаружил. «Что же мне, — подумал он, — может эту зажечь, что ли? Хотя нет, поберегу ее лучше для Греты, а то там вон какой маленький огарочек оставался». После чего полез в карман за спичками.

Однако в кармане, куда он их вроде как положил, спичек не оказалось. «Да что же это такое, — заругался на себя Орландо, — куда же я мог их деть-то?» Он полез в другой карман, затем в третий и, наконец, нашел. «Уф, — вздохнул он с облегчением, — как хорошо. А то я уж что-то беспокоиться начал». Орландо вытер пот со лба, прислонил ружье к ноге, вытащил из коробка спичку и зажег ее. И тут же, словно действительно обжегшись, невольно выбросил на пол. Летящая спичка, не успев еще как следует разгореться, прямо в воздухе с шипением погасла. А Орландо все так и стоял на месте как вкопанный. Он не в состоянии был теперь уже пошевелиться. И, как кажется, не дышал совсем, потому что точно увидел, что был в этом подвале не один.

Это был некто, очень похожий на трима, но явно не трим. Он стоял всего в нескольких шагах от Орландо в узком дверном проеме одной из пустующих комнат и смотрел куда-то вперед, в темноту. «Человек, — произнес про себя Орландо, — но откуда здесь и как?» Он не мог тогда понять. А человек этот, как казалось, и вовсе не заметил его присутствия. Он просто стоял на месте не двигаясь, и словно бы о чем-то размышлял. Впрочем, Орландо не успел его как следует рассмотреть. Уж слишком

быстро все произошло. Однако теперь, уже действительно сильно испугавшись, он тихонько приподнял свое ружье и начал медленно, боком проходить по направлению к лестнице. Спичек он зажигать не смел, а о своей потерянной свече забыл даже думать. Так он и шел просто на ощупь вдоль обшарпанной стены коридора, да еще и стараясь ступать как можно тише. Взведенное ружье свое он теперь постоянно держал на изготовке.

И тут кто-то неожиданно и очень легко дотронулся до его руки. Мягко, аккуратно и почти незаметно. Это была явно чья-то чужая рука, но почти невесомая. А затем послышался и голос. Но Орландо не смог разобрать слов. Во-первых, он не знал человеческого, а во-вторых, ему в тот момент было уже настолько страшно, что он едва сдерживался, чтобы не закричать. Но вот странная рука все так же неожиданно отпустила его, и на некоторое время как будто исчезла. И Орландо совсем уже было обрадовался, что избавился от этого жуткого преследователя, как вдруг, и прямо у его уха снова возник тот странный голос. И теперь уже этот голос что-то шептал ему. Ласковое, тихое, умиротворяющее. Отчего Орландо, и сам того не ожидая, вдруг как-то весь расслабился, напряжение его спало и он даже слегка улыбнулся.

«Вот уж глупость какая, — сказал он себе, — чего это я так испугался? Ну подвал, ну темный, ну человек даже в нем. Что ж тут такого? Не повод же это, чтобы кричать изо всех сил и метаться в темноте как сумасшедший…» И вот уже на этом, последнем слове у него будто пелена спала с глаз. «Да что же это я такое говорю, — подумал он, — ведь так и вправду, наверное, можно с ума здесь сойти. Да как же это? Бежать надо, бежать срочно. Но куда?» И тут он вдруг увидел слабый лучик света, который пробивался сквозь не до конца закрытую деревянную дверь подвала. Недолго думая, Орландо бросился вперед и вверх по лестнице, после чего и резко открыл входную дверь. И тут же яркий свет, слепящий и живой ударил ему прямо в глаза. Орландо зажмурился, а затем, прикрыв одной рукой лицо, быстро выбежал прочь из ненавистного дома.

Он долго потом смеялся, когда буквально вывалившись на улицу, валялся на земле в мягкой согревающей пыли под теплыми лучами полуденного солнца. А затем все-таки поднялся на ноги, отряхнулся и пошел скорее домой. И за плечом у него было все так и не разряженное его ружье, а в боковом кармане совсем малюсенькая свечка. Шел он теперь почти не останавливаясь. Все два дня. И хотя он привык к довольно долгим переходам, но все же, когда приблизился к своей деревне, то едва не падал с ног от усталости.

Ввалившись наконец в свой дом он сразу же столкнулся с Гретой, которая почему-то очень внимательно на него посмотрела, и почти, как ему тогда показалось, разумно. Потом вытащил из кармана найденную в подвале свечу, на которую его жена тут же буквально уставилась. Когда же он зажег ее, то в глазах Греты возникло сначала некое теплое мерцающее свечение, потом она закатила их наверх, оставив видимыми лишь одни белки. Когда же она вновь их опустила, то это были уже глаза его Греты. Той Греты, нормальной, не сумасшедшей, которую он когда-то прежде очень любил. И в этот момент Орландо просто не выдержал. Он и так-то всю дорогу назад с трудом сдерживался, давясь от радостного смеха. Что все-таки сумел раздобыть то, что искал. Теперь же он мог по-настоящему расслабиться. Отчего медленно и с наслаждением закрыл уставшие глаза и, постепенно погружаясь в приятную, но беспросветную темноту, тихо засмеялся. И долгим был этот смех, и счастливым. А может быть, то был всего лишь сон. Орландо не мог уже сказать наверняка.

Вот только не суждено ему было никогда проснуться. И не потому, что он умер в тот момент, а потому что так и продолжал всю оставшуюся жизнь смеяться, весело и беззаботно блуждая в абсолютной темноте.

17. Жасминовое чаепитие в послеполуденной тени

Легкий и приятный аромат, успокаивающий. Запах яблоневого цвета, коры и листьев, травы и свежести. Все это чувствовал сейчас старый Муршу, с интересом наблюдавший за странным и призрачным действом, которое неспешно разворачивалось прямо перед ним. А ведь совсем еще недавно он, такой уставший от утренней работы, пришел сюда, в тень единственного крупного дерева поблизости, чтобы немного передохнуть и переждать полдень. То есть самое пекло, когда в поле совсем работать было нельзя. И тут вдруг это чаепитие.

Он и сам тогда не заметил откуда здесь взялись этот длинный, накрытый скатертью стол и стулья. Эти люди, которых он никогда еще в жизни не видел. Эти яблони, которые все были в белом цвету. «Одна, две, десять, — Муршу все пытался их сосчитать, но сбивался со счета. — Да их тут целый сад, — сказал он себе наконец. — И кто, интересно знать, все эти странные люди, откуда они? Ведь сейчас в этом поле вообще никого не должно было быть». Да, он слышал, конечно, про древних людей, тех, которые жили когда-то на этой земле, но потом все куда-то исчезли. А теперь они опять находятся здесь и сразу несколько; странно.

Муршу, конечно, сразу тогда догадался, что просто еще спал в тот момент. Но как-то не решался это проверить. Отчего не стал: ни шлепать себя рукой по щекам, ни больно щипать за ногу. Поскольку то, что он видел, иначе, кроме как невероятным и удивительным чудом назвать было просто нельзя. А ведь сны далеко не всегда бывают приятными. И если тебе снится хороший и жизнерадостный сон, то зачем просыпаться? Не лучше ли подремать еще, чтобы вдоволь насладиться прекрасными, пусть и иллюзорными видами.

Тем временем люди уже налили в чашки свой чай и уселись за стол. Стол этот был довольно большим. Таким, что они сразу все за ним уместились. Там были и стройная женщина, и высокий мужчина, несколько маленьких и шаловливых детей. Кажется два мальчика и три девочки, Муршу все никак не мог их сосчитать, поскольку дети постоянно бегали вокруг стола друг за другом. Была даже какая-то приятная на вид худая старушонка в белом кружевном головном уборе. В общем, самая обыкновенная счастливая семья. Да и сам сад был, по всей видимости, их собственным, поскольку был огорожен невысоким забором,

а от стола и куда-то вдаль вела усаженная цветами извилистая земляная дорожка. Но вот самого дома почему-то нигде видно не было. «Наверное, я просто представить себе его не могу, — подумал Муршу прямо во сне, — а оттого и не вижу».

И люди уже приступили непосредственно к самому чаепитию, когда Муршу впервые подумал про время. А ведь действительно, ему, наверное, давно пора было возвращаться в поле, поскольку за него необходимой работы сделать не мог никто. «Интересно, — снова подумал он, — который сейчас час? И сколько я сплю?» После чего все-таки ущипнул себя несильно за руку. Но почему-то не проснулся. «Так, — сказал Муршу сам себе, — это не помогает. Но что же делать?» Тогда он встал и решил подойти к этой воображаемой компании. Но только лишь немного сдвинулся с места, как вдруг все пропало. И яблоневый сад, и стол, и люди со своим жасминовым чаем. Муршу огляделся. Да, теперь все было по-прежнему, в точности как и тогда, когда он еще только прилег здесь передохнуть. Вот то большое тенистое дерево, рядом с которым он устроился, вот даже его куртка, которую он снял с себя, чтобы удобнее было лежать. Да и вообще, все вокруг было абсолютно нормальным и обыкновенным. «Так что же это, — сказал он себе теперь уже вслух, — выходит, что я и не спал вовсе?» После чего сделал шаг назад и встал на свое прежнее место. И вновь перед ним возникли и тот яблоневый сад, и люди со своим жасминовым чаем, и даже запахи, которые окружали его со всех сторон, буквально наполняя чувством умиротворяющего и блаженного покоя.

И это было словно чудо. Когда ты из одной, привычной и простой жизни попадаешь в другой, удивительный мир. Пусть, возможно, и иллюзорный, но такой восхитительный и прекрасный. Когда время вокруг тебя словно бы останавливается и ты ничего уже не замечаешь, да и не хочешь замечать, кроме этой счастливой, удивительной картины. Муршу невольно ахнул. Он никогда еще не видел, конечно, ничего похожего и даже не слыхивал о подобных чудесах. Ведь все это выглядело как настоящий мираж в пустыне. Живой и манящий, от которого почти невозможно было избавиться. Но вокруг него сейчас была не пустыня, да и не было настолько жарко, чтобы в потоках разгоряченного воздуха могли возникать миражи. Но Муршу не стал слишком уж разбираться в деталях, а только вновь неторопливо сел на свою брезентовую куртку и продолжил спокойно наблюдать. Да он и не смог бы сейчас, наверное, поступить иначе, поскольку от всего увиденного впал в такое приятное оцепенение, и такая блаженная истома разлилась по всему его телу, что сопротивляться этому он был просто

не в состоянии.

Наконец чаепитие закончилось и люди стали убирать со стола. Они собрали чашки и блюдца, стряхнули крошки от съеденных пирожных и задвинули стулья под стол. И когда они собирались было уже уходить по своей земляной, усаженной цветами дорожке, как вдруг, неизвестно откуда подул легкий и приятный ветерок, отчего с яблонь стали осыпаться белые лепестки. И это было настолько похоже на снег, что Муршу даже не удержался и вытянул руку вперед, чтобы поймать несколько таких лепестков. Он старался теперь уже не сходить со своего места, чтобы видение вновь не пропало. И это ему удалось. Вот только лепестки эти, попав к нему на ладонь, почему-то очень быстро таяли, словно и вправду как обыкновенные, хотя и очень крупные снежинки.

И вот, наконец, ведение совсем пропало, так, как будто его и не было вовсе. Муршу вздохнул. «Да-а, — сказал он себе, — уж такого никто из наших точно никогда не видел. Пойду-ка я лучше сейчас в свою деревню и расскажу всем о том, что здесь произошло. Работа-то моя никуда от меня не денется». После чего поднял с земли свою куртку и хотел было ее уже надеть, как вдруг заметил, что она словно бы окаменела. Да и действительно, куртка его сейчас была такой, как будто ее сначала сильно намочили, а затем и заморозили. Муршу поглядел вниз. И внизу он увидел также нечто странное. Поскольку на том месте, где он только что сидел, вся земля была покрыта настоящим белым снегом. Зачерпнув небольшую горсть такого снега, Муршу стал смотреть, что будет. Да нет, — это был, по всей видимости, самый обыкновенный чуть подтаявший снег, который выпадал у них зимой. На ощупь он был очень холодным, а по мере того, как нагревался от тепла руки, таял. Так что очень скоро на ладони у Муршу осталась только маленькая прозрачная лужица чистой воды, которую он хотел было сначала попробовать на вкус, но потом вдруг отчего-то засомневался и выплеснул на землю.

Посмотрев еще раз по сторонам, Муршу пошел прямиком в свою деревню, где всем в подробностях все рассказал. Но ему никто не поверил. «Это ты на солнце перегрелся, — сказали ему соседи, — и тебе все привиделось». Даже его собственная жена сначала проворчала что-то невнятное, а потом еще и посмеиваться над ним стала. Тогда он отправился к бабке-ведунье, что у них на окраине деревни жила. Там он повторил свой рассказ, посетовав еще, что ему никто не верит. Однако старуха отнеслась к его словам неожиданно серьезно и даже попросила показать ей то место, где все произошло. Муршу охотно согласился. Когда же они пришли к тому дереву в поле,

день уже заканчивался и солнце клонилось к закату.

— Ну и где же это место? — спросила его бабка-ведунья, причем глаза ее в тот момент как-то странно блеснули.

— Да вот оно, — Муршу указал на примятую под деревом сухую траву. — Здесь я как раз дремал в прохладной тени, а вот те, как их, люди, вон там сидели. А вокруг них были яблоневые деревья и с этих деревьев падали лепестки, да таяли потом почему-то. И еще они все ушли вон туда… Да что с тобой?

В этот момент Муршу увидел, как старуха, буквально упав на колени, стала водить руками по траве в том месте, на которое он указал. Она словно бы искала там что-то, но никак не могла найти. Наконец она посмотрела на него. И вот уже от этого взгляда у Муршу буквально заныло сердце. Потому что такой беспредельной тоски, он никогда еще в жизни не видел. После чего старуха вновь повернулась к земле и продолжила поиски. Муршу тоже присел. Он никак не мог разобрать, чего это она там все искала, а спросить не решался. Так прошло еще несколько минут. Наконец Муршу не выдержал:

— Да что же ты там ищешь-то? — спросил он старуху.

А та вместо ответа лишь опустилась уже вся на траву и затихла. Муршу прислушался. Потом повторил свой вопрос. И вот уже после этого старуха наконец поднялась с земли и села.

— Я все тебе расскажу, — начала она и вправду чуть не плача, — что это было, и что, — тут она все-таки немного всхлипнула, — ты упустил. Ты ведь знаешь, наверное, что все мы меряем наше время, по своим часам, которые у нас есть. Но это только лишь наше время, механическое. Мы и меряем-то его лишь для того, чтобы удобнее было жить. Но у природы тоже есть свои часы. И эти часы тоже ходят. Никто не знает как они устроены и даже сколько времени показывают. Однако одно про них известно наверняка, — середину дня они показывают всегда. Вот именно это ты сегодня здесь и видел. А место, — да вот это самое место, на котором ты в тени сидел. Здесь и был природный полдень сегодняшнего дня. Его отметина. Как на циферблате на обыкновенных часах. И завтра он тоже будет где-то, но уже в другом месте, а может быть и в этом. Никто не знает в точности. Видение же твое — это видение абсолютного счастья, когда все совершенно забывают про время. А снег, — тут старуха вновь тяжело вздохнула, — само время, остановившееся ровно пополудни. Оно, конечно, потом опять оттаяло и вновь пошло. Но вот если бы ты сумел его выпить, то тоже бы забыл о нем. А поэтому оказался бы вне времени.

— Что это значит? — не понял Муршу.

— А то, что ты хотя и старый очень, но не умер бы

никогда, — ответила ему старуха и пошла назад в свою деревню.

И много раз приходил потом Муршу на это вот самое место, но так никогда и не видел более чудесного жасминового чаепития в послеполуденной тени.

18. Стук-стук-стук

Она всегда была почему-то одна. И трудно было понять причину этого. По внешности-то совсем ведь и не дурнушка, да и характер довольно общительный. Худая вот только очень, но разве же это большой недостаток? Наверное, так уж судьба несчастливо сложилась, что даже в своем доме одна. Другие тримы из той деревни весьма настороженно к ней относились, почти с недоверием. И даже родные мать с отцом, которые ну просто уж расстарались и дали ей такое красивое имя — Джулия, так и остались для нее словно чужими. При этом ни раз и она, и они пытались разрушить этот невидимый барьер, да только все без толку. Со временем отчуждение это дошло до того, что некоторые тримы поддразнивать ее стали, обзывая ходячим скелетом. А она и ответить им ничего не могла. А только лишь грустно вздыхала, да отводила глаза в сторону.

И вот наконец Джулия выросла. И хотя она к тому времени уже заметно похорошела, вот только природная худоба так и осталась при ней. А оттого все женихи из той деревни всё как-то обходили ее дом стороной. И сколько раз у нее уже начинало биться сердце, вот прямо так: стук-стук-стук, когда какой-нибудь молодой и красивый трим из тех, что жили поблизости, останавливался возле ее калитки, но так и не решался в нее войти. И простояв так с минуту-другую, уходил обратно прочь и никогда более назад уже не возвращался. Особенно нравился Джулии один парень. Красивый такой, высокий, умный, с изящными чертами лица и тонкими длинными пальцами. Точь в точь как она и мечтала. Но даже и с ним у нее отношения не заладились. Хотя парень этот и приходил к ним несколько раз в дом, и даже гулял с ней. А оттого тяжелым был этот разрыв, да и не разрыв даже, а так. Просто не пришел он однажды на свидание и все. И сколько девушка не ждала его, сколько не глядела на дорогу за забором, но так больше его и не видела.

Наконец Джулия не выдержала: «Не хочу больше с вами жить, — крикнула она вся в слезах отцу с матерью, — злые вы и соседи ваши тоже. А живу я здесь лишь потому, что вам стыдно меня совсем из деревни прогнать». И выскочила она за порог на улицу и побежала прямо через поле к соседнему лесу. Но страшным был этот лес, таинственным. И не потому даже, что в нем дикие звери водились, — кто их прежде не видывал — а потому, что в нем звуки странные слышались. Словно постукивание какое-то. Особенно ночью или вечером. Но то не дятлы простые были или еще какие лесные птицы, а что-то

иное, совсем непонятное. Наконец Джулия добежала до этого леса. Она, правда, остановилась сперва у самой его окраины, потому что побоялась дальше бежать, но наконец все же решилась. «Уж погибать, так где лучше-то?» — сказала она себе. Однако в лесу она поначалу ничего необычного не увидела. И только лишь когда стало совсем смеркаться, услышала эти странные звуки: стук-стук-стук. «Что это, — думала она, с опаской озираясь по сторонам, — что так стучать может? Ведь это же кто-то словно специально по стволам деревьев и веткам стучит. Но кто и зачем, ничего не понятно». Наконец в лесу стало очень темно, ни зги не видно. А стук тем временем лишь усиливался. Вот уже и справа от нее застучало что-то, и слева. А вот уже, ну совсем рядом, прямо над ухом, а вот… И тут Джулия потеряла сознание.

Она, конечно, ужасно боялась темноты в лесу. Однако то, что она в тот момент увидела, лишило ее последних остатков сил и смелости. И это был скелет. Белый, а в ночной темноте так еще и бледно-серый, который стоял рядом с ней и, словно улыбаясь своим страшным ртом, постукивал костяшками по стволу соседнего дерева. А Джулия даже и подумала сперва, что все это ей лишь только почудилось. Но страх ее был настолько сильным, что она тут же упала в обморок.

Пришла она в себя довольно нескоро. А открыв глаза, едва снова не потеряла сознание. Поскольку над ней, согнувшись в услужливой позе, стоял все тот же самый скелет, и держа в руках два огромных лопуха, махал ими на нее как опахалом. И более того, рядом с ним стояли еще два таких же скелета и очень внимательно ее разглядывали. Джулия невольно ахнула, а потом, и прямо как-то неожиданно для себя произнесла: «Я умерла?» Однако скелет ей на это ничего не ответил. Он, по всей видимости, совсем не мог говорить, а оттого, ну просто-таки заметался на месте. И эти метания показались Джулии даже забавными. Отчего она села и спросила еще раз: «Вы говорить не можете?» На это скелет тут же резко остановился и охотно закивал головой. Джулия улыбнулась. Потом встала, отряхнула с себя ветки и листья, которые к ней прилипли, причем скелеты даже пытались ей в этом помочь. Наконец, очистив платье, Джулия повернулась к первому скелету и произнесла: «Если вы говорить не можете, что очень жаль, конечно, то тогда показывайте мне, что нужно делать». На это первый скелет, чуть ли не подпрыгнув от радости, что его все-таки понимают, вытянул вперед свою белую костлявую руку и указал направление, куда нужно было идти. Джулия подчинилась.

Они прошли далеко вглубь этого леса, в самую

непроходимую его чащу. Причем первый скелет шел впереди, указывая направление, а два других по бокам, словно бы охраняя девушку. Еще же они, и все трое, помогали ей и предупреждали, указывая на разные ямы и кочки, которые встречались у них на пути. Наконец они остановились. Перед ними была теперь широкая лесная пустошь и пологий холм в центре нее. Однако не это привлекло внимание девушки. Поскольку она увидела на этом холме нечто такое, чего ни разу еще в жизни не видела и даже представить себе такого не могла. И это был замок. Красивый, величественный и древний. С четырьмя высокими зубчатыми башнями по углам, огромным центральным строением и даже с фиолетовыми флагами, которые будучи вышиты золотом, прекрасно были видны в неярком сиянии восходящей луны. Джулия невольно ахнула. Она в тот момент была настолько поражена увиденным, что даже сразу и не заметила, как очень длинная темная тень беззвучно отделилась от ворот этого замка и пошла ей навстречу. И когда эта тень к ней приблизилась, то Джулия разглядела, что это был высокий стройный юноша, худой и бледный. А быть может это сама восходящая луна так неровно освещала его лицо. И этот юноша взял ее под руку, и неспешно повел к прекрасному замку.

Они прошли по широким, истертым каменным ступеням. Потом миновали ворота, по дальним краям которых, изогнувшись в услужливых позах, стояли все те же белые скелеты, но уже одетые во фраки. Потом была небольшая колоннада с чудесным изразцовым потолком и в конце нее зал. Зал этот был довольно хорошо освещен, хотя и не слишком ярко. Ведь там были в основном парафиновые и сальные свечи, которых, правда, было невероятно много. Они были и в подсвечниках, и в серебряных канделябрах, и даже в огромных бронзовых люстрах под потолком. Наконец высокий юноша и Джулия подошли к двум роскошным позолоченным тронам, что стояли на возвышении у дальней стены этого зала и сели на них. Причем Джулия во время этого шествия, постоянно поглядывала на своего спутника, словно бы желая его о чем-то спросить. Но отчего-то не решалась. Когда же они устроились поудобней, юноша махнул своим шелковым платком, который достал из-за лацкана шитого серебром камзола и веселье началось. Это был, по всей видимости, бал или иное празднество, которого Джулия также никогда еще не видела. Однако вокруг нее все было таким невероятно красивым и столько платий и костюмов как-то неожиданно выступило из теней по краям зала, что она просто не выдержала:

— Что это? — спросила она дрожащим от волнения голосом,

обратившись к своему спутнику.

— Свадьба, — коротко ответил тот, приветливо улыбнувшись.

— Чья? — снова с трудом спросила Джулия, потому что в горле у нее в тот момент отчего-то пересохло.

— Наша, — сказал ей юноша и, неторопливо повернув голову, вновь приветливо улыбнулся.

И тогда уже Джулия смогла наконец рассмотреть его в подробностях, отчего невольно разрумянилась и едва не перестала дышать. Поскольку юноша был очень красивым. Он был именно таким, каким она только могла себе вообразить: с изящными чертами лица, темными вьющимися волосами и серыми, но невероятно умными глазами. Причем юноша также заметив это ее смущение, опустил и поднял веки, словно в знак запоздалого приветствия. Однако тут же встав со своего позолоченного трона, обратился уже непосредственно к публике. И в тот же миг торжественная музыка, которая до сих пор доносилась неизвестно откуда стихла, а в зале гулко зазвучал один только низкий и уверенный его голос.

— Это моя невеста, — провозгласил он величественно, — а в скорости и жена. Прошу вас всех ее любить и жаловать. Она теперь всегда будет жить в этом замке. И вы будете служить ей так же, как прежде служили мне. А сейчас, — он сделал паузу, — веселитесь, танцуйте, празднуйте наше счастье.

После чего подхватил Джулию под руки и закружил в прекрасном, изящном, по-настоящему королевском танце. Так что она совсем даже не заметила, как у нее закружилась голова и как она упала на руки своему возлюбленному. И как тот понес ее куда-то вдаль, и как за ними закрылись огромные, покрытые тяжелой позолотой массивные дубовые двери.

А наутро Джулия проснулась на том же самом холме посреди леса. И рядом с ней уже не было ни придворных, ни замка, ни прекрасного юноши. Однако она не опечалилась совсем, а только лишь слегка вздохнула и пошла через дремучий лес назад в свою деревню. Вот только та минувшая ночь не прошла для нее бесследно. Потому что ровно в положенный срок она родила мальчика. И мальчик этот был очень красивым. И худым, и с черными вьющимися волосами. И Джулия даже сама придумала ему имя: Себастьян де Орж. «Что за странное имя такое, — шептались между собой тримы, — никогда такого не слыхивали». Однако спорить с матерью все же не стали, поскольку и сами видели, что ребенок был очень необычным. Он, как это выяснилось уже очень скоро, был настолько умным, что даже местный старейшина частенько приходил к нему за советом. Да еще и властным. Причем все слушались его как-то сами, без

малейшего принуждения. Ведь стоило ему лишь что-либо сказать или даже просто указать рукой, как все его повеления тут же выполнялись.

Однако, когда он приказал местным тримам построить для него замок на холме в самой чаще того «постукивающего» леса, — все же призадумались. Но, потолковав между собой, пусть и нехотя, но согласились. И вот строительство началось. И долгим было оно. Причем Себастьян сам за всем следил и давал необходимые указания. Но даже при его чудесном руководстве потребовалось около десяти лет, чтобы завершить начатое. И это был точь в точь такой же замок, как и тот, что Джулия видела здесь в свою первую и единственную ночь. И даже флаги деревенские тримы вышили такие же золотые. Поэтому они с сыном по окончании строительства сразу в этот свой новый дом и переехали. Местные же тримы, не захотели в нем жить. Во-первых, потому что они все-таки побаивались этого постукивающего леса. А во-вторых, поскольку и в самом замке творились довольно-таки странные вещи. Ведь стоило им всем ночью в нем уснуть, как наутро все комнаты и залы, а их там было огромное множество, оказывались идеально прибраны и даже лужайка перед воротами пострижена и очищена от листьев. И только лишь ночной тиши, отчетливо, хотя и почти незаметно, раздавалось это совсем уже привычное, но все равно такое непонятное: стук-стук-стук.

19. Слезы пустыни

«Как жарко. Ну почему же так жарко, проклятое солнце», — шептал про себя Мару, в очередной раз увязая ногами в песке. Этот песок был похуже любой жары. Когда ты и идешь, и не идешь, вроде. Когда каждый шаг дается тебе с непередаваемым трудом. А потом ты вновь, немного оступившись, соскальзываешь назад и скатываешься вниз по склону бархана. «Пустыня, — что может быть прекраснее, но и ужаснее тебя?» — с тоскливой отрешенностью думал он. И сколько раз за время своего трехдневного путешествия он проклинал, а затем и восхищался этим местом. Сколько раз корил себя за то, что не послушал остальных торговцев и пошел напрямик. «Короткий путь, — Мару усмехнулся, — какой уж там короткий. Еще немного и он может стать длиной в мою жизнь». Он сел.

Это был совсем молодой еще трим. Выносливый и сильный. Но даже и ему этот путь давался с очень большим трудом. И потом, почему три дня? Ведь по его подсчетам он должен был пробыть в этой пустыне от силы день, ну, максимум два. Неужели же он заблудился? Да, похоже на то. Ничего вокруг. Одни лишь солнце, песок и ветер, от которого днем становилось еще жарче, а ночью холоднее. Мару стянул с себя мокрую рубашку и накинул на голову. И хотя солнце почти тут же стало печь его спину, но все-таки голова была намного важнее. Да пусть он хотя бы весь целиком обгорит, однако потерять сознание от жары означало верную и очень скорую смерть. Он потряс флягой. Да, там еще была вода, но на самом донышке. В точности столько, сколько могло бы ему хватить на один день. На сегодняшний день. А завтра смерть. И без шансов на спасение. А значит он просто обязан был найти сегодня выход отсюда, из этого бесконечного лабиринта холмов и впадин. Из этого песка, будь он трижды проклят.

Мару встал. Ему необходимо было сейчас куда-то идти. Вот только куда? Ни малейшего представления у него не было. Он пошел на юг, туда, куда примерно и шел все эти последние три дня. А, какая разница. Уж лучше хотя бы придерживаться одного направления, чтобы, по крайней мере, не ходить кругами.

И вдруг на склоне одного из барханов он увидел следы. А затем еще и что-то темное поднялось над белесым от жары песком и почти тут же исчезло. Мару заинтересовался. Ведь если это животное какое-нибудь, то оно могло привести его к воде.

Подойдя поближе, он увидел, что следы эти были оставлены

очень крупной ящерицей. Просто огромной. Две дорожки от когтистых лап и еще извилистый след посередине от хвоста не оставляли в этом никаких сомнений. Мару приободрился. Да, он знал, конечно, что ящерицы могут едва ли не целый месяц обходиться вообще без воды. Но все-таки и они тоже должны были время от времени пить. А значит это был шанс. Недолго думая, Мару пошел по следу. Поднявшись на вершину бархана, он увидел, что ящерица действительно была большой. Но и очень проворной к тому же, поскольку уже успела убежать вперед метров на триста. Мару прибавил шаг. Он опасался, что ветер вместе с песком совсем заметут след. И тогда ни воды, ни спасения ему не видать. Однако все получилось иначе. И хотя Мару, как ни старался, все-таки потерял наконец след, однако он обнаружил еще и нечто, что едва не поколебало его уверенности в здравости своего собственного рассудка.

Обойдя по извилистой впадине один из барханов, склон которого был слишком крутым, чтобы лезть на него, он неожиданно, и прямо в нескольких шагах от себя увидел девушку. Молодую, стройную и, главное, сидящую в темной прохладной тени. Девушка эта была одета в очень длинное легкое платье из какой-то светло-бирюзового цвета ткани. Мару поднял глаза. В верхней части бархана торчала наискось, но сильно выдаваясь вперед, широченная каменная глыба. Видимо, когда-то давно на этом месте находилась совсем небольшая скала, которую ни песок, ни ветер так и не смогли окончательно разрушить. Не помня себя от усталости, Мару буквально впрыгнул в тень. Он в тот момент даже и не слишком-то обратил внимание на саму девушку. Настолько ему было плохо. И только лишь через некоторое время слегка приподняв голову, неуверенно осмотрелся вокруг и сел. Он видел, что девушка была очень красивой. И даже не просто красивой, а какой-то странно красивой. Такой, что пару минут он просто не мог от нее глаз оторвать.

У нее были черные волосы, тонкие черты лица, изящная фигура и очень большие, зеленоватые с золотым ободком глаза. Мару невольно пододвинулся поближе и взял ее за руку.

— Кто вы, — обратился он к девушке, — и почему вы здесь? Ведь это же верная смерть находиться в этой пустыне в одиночку. Я сам тут… — он помолчал немного, но добавил, — едва не погиб.

— Не бойся, — ответила ему девушка каким-то странным, курлыкающим голосом, — ты не погибнешь теперь. Я помогу тебе. На вот, попей у меня из фляги.

Мару посмотрел на то, что девушка ему протянула. Это была

обыкновенная стеклянная фляга, которая висела у нее на шее на тонкой серебряной цепочке. Но она была такой маленькой, что Мару, который чуть было уже не обрадовался поначалу, почти со слезами на глазах произнес:

— Да что ты, милая девушка, этим я не напьюсь. Там ведь и одного глотка даже не будет.

Но девушка настояла на своем:

— Пей, — твердо сказала она, — это «слезы пустыни». Тебе и одной капли будет достаточно, чтобы напиться. А иначе ты погибнешь. Ты ведь не знаешь еще, но находишься при смерти и ты просто обязан сейчас немного попить. Другой же воды, — она повела рукой, — поблизости нет.

И Мару согласился было уже выпить, но девушка остановила его и тихо добавила:

— Но знай, что выпив сейчас, ты никогда уже не будешь прежним.

Но Мару ее больше не слушал. Он буквально вцепился пальцами в стеклянную флягу и прямо целиком опрокинул ее себе в рот. То, что он выпил, показалось ему сперва ядом. Потому что жидкость была настолько соленой, что Мару почувствовал, как у него буквально раздваивается язык. Но уже через несколько мгновений неожиданно убедился, что жажда его начала проходить и даже казавшийся до сих пор невыносимым жар пустыни совершенно перестал его мучить.

— Спасибо тебе, спасибо большое, — Мару обнял девушку и прижал к себе.

Но тут же резко отпрянул назад и уставился на нее в недоумении. Девушка была холодной. Такой холодной, как будто вода в горном ручье или снег зимой.

— Что с тобой, — недоуменно спросил Мару, — почему ты такая холодная?

Однако девушка ничего ему не ответила, а только лишь как-то странно щелкнула языком и негромко присвистнула.

— Что, что? — не понял Мару.

Девушка повторила. И на этот раз, как ни странно, он ее понял.

— Я люблю тебя, — тихо сказала девушка, — я полюбила тебя в первый же день, когда ты еще только появился в этой пустыне, а оттого я просто не могла дать тебе погибнуть. Но ты, — она посмотрела на него, — ты меня любишь?

— Очень люблю, — ответил ей Мару. — Я полюбил тебя сразу, как только увидал здесь. А теперь ты напоила меня и подарила мне новую жизнь. Я никогда с тобой не расстанусь.

— Ну а раз так, — щелкнула языком девушка, — тогда

побежали.

— Куда? — только и успел произнести Мару, как девушка выпрыгнула из тени и, обратившись в очень большую серо-зеленую ящерицу, побежала вверх по склону бархана.

Мару последовал за ней. Он и сам тогда не заметил, как вместо рук и ног у него появились лапы, сзади вырос хвост, морда вытянулась, а все тело покрылось жесткой темной чешуей. Да ему в тот момент было и не до этого. Ведь теперь он бежал и не чувствовал усталости. Щелкая и посвистывая, он говорил со своей любимой и прекрасно ее понимал. И пустыня уже не казалась ему таким ужасным и невыносимым местом, а напротив, местом прекрасным и удивительным. Таким, в котором он хотел бы прожить всю свою жизнь.

Так они и жили вместе в этой пустыне, счастливые и свободные. И солнце согревало их днем, а ночью светили звезды. Они не ведали ни страха, ни голода, ни жажды. Они любили друг друга и никто в целом мире не был им больше нужен. Вот только иногда, хотя и очень редко Мару вспоминал о своей деревне. О городе, куда так и не дошел и о тримах, которые сочли его, по всей видимости, погибшим. Несколько раз он спрашивал у своей невесты, можно ли ему сбегать в город, но всякий раз ответом на это было лишь ее долгое молчание. А Мару не решался настаивать. Наконец, после очередной такой просьбы она спросила:

— Милый мой, неужели же тебе со мной так плохо? И зачем тебе все эти города и деревни. Разве ты не счастлив здесь?

— Я очень счастлив, — ответил ей Мару, — я так счастлив как никогда еще не был. Но я все-таки должен хоть одним глазком посмотреть на свою прежнюю жизнь.

— Хорошо, — ответила ему девушка-ящерица, — но только в последний раз.

Тут она щелкнула языком, свистнула и побежала изо всех сил в неком, только ей одной известном направлении. Мару побежал следом. Они неслись как ветер, шаг в шаг, тень в тень. Они бежали так быстро, что даже Мару стал очень сильно уставать. Наконец, спустя часов двадцать непрерывной гонки они остановились.

— Вон твой город, — свистнула ему девушка-ящерица, — видишь развалины. Неужели же это и есть то, о чем ты все это время мечтал?

А Мару, увидав до боли знакомый пейзаж, буквально лишился дара речи. Он не мог больше уже ни говорить, ни даже щелкать языком. Он лишь в немой тоске переводил взгляд со своей невесты на этот заброшенный город. И тогда она все

поняла.

— Хорошо, — сказала она тихо, — иди туда. Но… — она повернула морду чуть в сторону, — ты не можешь вернуться назад в таком виде.

— Но что же делать? — спросил у нее Мару уже на прежнем своем языке.

— Укуси меня, — сказала ему девушка-ящерица, — сделай мне больно. И пусть это будет твоя плата за то, что я спасла тебе жизнь. Но зато ты сможешь вернуться к своим.

И Мару укусил. Он вонзил свои острые длинные зубы в переднюю лапу ящерицы, отчего из нее тут же пошла кровь. И едва эта кровь попала к нему в рот, как он снова принял свой прежний облик. Ящерица же даже не сдвинулась с места. Вот только стояла она теперь на трех лапах, а четвертую, больную, держала на весу. И из глаз ее прямо в ту фляжку, что висела у нее на шее капали слезы. Самые соленые слезы в этом мире, слезы пустыни. Мару же напротив радостно засмеялся и побежал, даже не оборачиваясь, со склона бархана прямо по направлению к городу.

20. Стрела и роза

— Что-то я не пойму, — неуверенно проговорил один из тримов, вглядываясь в туманную даль, — это бежит там кто-то что ли?

— Да нет, — ответил ему второй приложив руку ко лбу и глядя примерно в ту же сторону, — это тебе показалось. Хотя нет, погоди, — он прислушался, — вот сейчас, кажется, кто-то громко кричит или зовет, не разберу.

— И кричит, и зовет, — вскоре уточнил третий. — А еще за ним кто-то гонится. Вон видите, большое темное пятно. Это, наверное, кто-то из леса того: может зверь какой, а может другой трим.

Так и стояли эти трое в поле, совершенно забыв про свои дела и внимательно наблюдая за происходящим. Минут через пять, когда все стало уже хорошо видно, они поняли, что это действительно кто-то что есть мочи бежит в их сторону, а за ним самим гонится здоровенный зверь, — то ли медведь, то ли волк. Едва помня себя от испуга, все трое бросились в свою деревню. Благо, она находилась неподалеку. И там они подняли такую невообразимую панику, что когда погоня приблизилась к окраинным домам, то уже почти все мужское население деревни поджидало дикого зверя во всеоружии. Кто-то был с вилами, кто-то с палками, а кто и с ружьями, которых было, правда, всего два или три.

Наконец, преследуемый трим вбежал в их деревню. И каково же было удивление ее жителей, когда они увидели, что это была девочка. Совсем маленькая еще, лет семи-восьми. Она очень ловко уворачивалась от лап медведя, который, судя по всему, уже устал за ней гоняться и просто механически делал выпады вперед, пытаясь хоть как-то ее зацепить. Но девочка все время уворачивалась. И вот медведь, видимо уже отчаявшись поймать такую быструю и верткую добычу, схватил зубами ее рюкзак, который девочка держала в своей руке. Тримы закричали:

— Бросай его, бросай сейчас же! Пусть подавится, беги скорее к нам.

Но девочка не уступала. Она вцепилась в свой рюкзак обеими руками и никак не хотела его отдавать. Наконец медведь зарычал уже по-настоящему и, не выпуская из зубов добычи, размахнулся одной лапой. Но тут раздалось несколько быстрых громких выстрелов и он, изобразив на своей морде нечто похожее на удивление, рухнул как подкошенный.

Тримы осторожно подошли к зверю. Он не шевелился. Лишь

тонкая струйка крови медленно стекала у него из-под левого уха. «Ух ты, — зашептались они между собой, — кто же это так попал-то точно?» А, впрочем, какая была разница, главное, что девочка была спасена, хотя и лежала сейчас без сознания. Причем рюкзак свой, она все по-прежнему крепко сжимала обеими руками.

— Надо бы ее в дом отнести, — сказал кто-то. — Что же она здесь у нас на земле лежит? Это не дело. Вдруг еще простудится.

Вперед вышла тетушка Молли. Очень худая и довольно пожилая уже женщина. Ее дом стоял неподалеку и она, конечно, все прекрасно видела.

— Я ее к себе заберу, — сказала она. — У меня и кровать мягкая есть и обед уже готов. Да и травками ее полечу, если вдруг понадобиться.

Остальные тримы с ней согласились. Эту тетушку они давно знали. Так же как и то, что она хотя и строгая была, но при этом очень заботливая и справедливая. Сами они не раз к ней за всякими лечебными травами обращались, когда болели. Поэтому тут же взяли девочку и отнесли ее вместе с рюкзаком прямо к ней в дом. Там они положили ребенка на постель, а сами пошли прочь, живо обсуждая только что увиденное. Тетушка же сначала осмотрела ребенка и, убедившись, что никаких серьезных повреждений на нем нет, накрыла одеялом и пошла на кухню разогревать обед. Наконец девочка очнулась.

— Меня зовут Виши, — представилась она тетушке, когда, немного прихрамывая, подошла к ней. — И я охотница. Я белок бью и зайцев. А на кабанов пока не хожу, потому что они опасные и сильно ранить могут.

Тетушка едва свой черпак не уронила, которым мешала суп.

— А-ах, — произнесла она, с испугом оглянувшись на девочку, — такая маленькая и уже охотница? Да как же ты не боишься?

— Я ничего не боюсь, — ответила ей Виши, — и лес — мой дом.

— А где же твои родители? — спросила ее тетушка, — ведь не могут же они тебя одну в лес пускать. Я бы вот ни за что не отпустила, — она вытерла руки о фартук.

— У меня нет родителей, — ответила ей девочка. — Я не знаю где они. Но у меня много друзей среди охотников. И все они очень хорошо меня знают и помогают даже иногда. Хотя до славы величайшей охотницы мне пока еще далеко.

— Это кого же? — осведомилась тетушка, вернувшись к своему супу.

— Тао Вири, — произнесла девочка с почтением. — Вот уж это была охотница. Все ее признавали. Никто не мог как она

метко стрелять из лука, метать ножи и дротики. Она никогда не пользовалась ружьями, потому что от них много шума. И все охотники, с кем я разговаривала, отзывались о ней с большим уважением. Но когда-нибудь я стану как она, — глаза девочки блеснули, — и тоже буду бить белок и зайцев не портя их шкурки.

— Ну, хватит об этом, — мягко прервала ее тетушка, наливая в тарелку суп. — На вот, поешь лучше. А то медведь этот злой, вон как тебя загонял.

— Он не загонял меня, — почти грозно ответила девочка. — Просто у меня ножа с собой не было, а то бы я ему показала!

— Ладно, ладно, — согласилась с ней тетушка, видя что с ребенком сейчас лучше не спорить. — Ты, давай, суп лучше ешь, а там на плите еще картошка с грибами и пироги. А мне надо в огороде цветы полить. Так что я пойду пока.

После чего сняла с себя фартук и вышла вон из дома. А Виши, после того как доела обед, тоже за ней последовала. Она нашла тетушку позади дома в небольшом красивом саду, который девочке сразу очень сильно понравился. И хотя особого разнообразия в нем не было, поскольку там росли лишь одни грушевые деревья, а из цветов только розы, но Виши все же наконец не выдержала и произнесла:

— Мне очень нравится ваш сад. В особенности эти цветы. Как они называются?

— Это розы, Виши, розовые кусты. Да ты что, даже этого не знаешь?

— Да знаю, наверное, вот теперь, кажется, вспомнила. Такие кусты я много раз в лесу видела, просто название как-то не нужно было. И я даже знаю, что они с шипами и что их лучше обходить.

Она еще раз посмотрела на эти колючие кусты, запах которых показался ей отчего-то немного странным, а потом пошла помогать тетушке с поливом. Ближе к вечеру, когда стало холодать, они вернулись назад в теплый дом, и Молли еще раз накормила девочку. И хотела было уже идти расстилать ей постель, но Виши категорично заявила, что спать она здесь не собирается, а вернется опять в свой лес.

— Да куда же ты пойдешь-то? — вновь запричитала тетушка. — Ведь скоро вечер уже и на улице совсем стемнеет.

Но девочка была непреклонна. Она вежливо поблагодарила хозяйку за столь теплый прием, потом взяла свой прокусанный в нескольких местах походный рюкзак и пошла спокойно прочь. Правда, когда она вышла уже за калитку, то отчего-то остановилась вдруг, подумала и вернулась назад, но не в сам дом, а в сад, что был позади него. Там она вновь подошла к тем розовым кустам, на которые обратила внимание еще днем и стала

их разглядывать. Нет, с ними явно было что-то не так. Виши осторожно прошла меж кустов. А потом опустилась на землю и… чуть было не вскрикнула. Она схватилась за колено, из которого теперь почему-то текла кровь и стала искать, обо что же такое она могла здесь порезаться. И вдруг, словно бы некий голубоватый отблеск мелькнул среди стеблей куста, а затем снова пропал. Виши осторожно протянула руку вперед и что-то нащупала. Это было нечто железное, острое и очень холодное. Этот предмет словно специально был спрятан здесь да еще и слегка присыпан землей. Она осторожно потянула предмет на себя и вытащила из темноты довольно длинный, но удивительно легкий нож. Это был метательный нож, изумительной, почти непостижимой работы. Открыв в удивлении рот, Виши стала разглядывать предмет. И то что она на нем увидела, заставило ее все-таки вскрикнуть. Это было клеймо. Гравировка, нанесенная на лезвие ножа с одной стороны: перекрещенные стрела и роза.

Не в силах более сдерживаться, девочка прошла прямо с этим ножом назад к входной двери дома. И там, совсем уже не сутулясь и без своей постоянной приветливой улыбки, стояла все та же тетушка. Но какая же разительная перемена произошла с ней. И если бы не ее прежняя одежда, то Виши, наверное, ее бы даже и не узнала.

— Тао Вири, — произнесла девочка сбивающимся от волнения голосом, — это вы. Я знала, я почему-то сразу это поняла, как только оказалась в вашем доме.

— Ты узнала меня? — спросила «тетушка» совсем уже незнакомым голосом.

— Нет, — ответила девочка, — но я почувствовала, что здесь что-то не так. Тут словно железом все пахнет, даже розы.

— Прекрасно, — ответила ей Тао Вири все тем же своим новым голосом и жестом приглашая Виши войти. — Чутье, это самое главное, что должно быть у настоящего охотника. А также руки, — она дотронулась до кисти девочки, — и легкость, и смелость.

— Я счастлива… — начала было Виши, но «тетушка» прервала ее.

— Сколько лет я пыталась найти себе ученика, но все без толку. У мальчишек руки не так устроены. Они слишком грубые и неловкие. Да и сами они топают как слоны. А девочки почти все трусихи.

— Простите, — все никак не могла прийти в себя Виши, — а сегодняшнего медведя, это тоже вы убили?

— Конечно же я. Нашим недотепам в слона бы попасть с десяти шагов, куда уж там медведю в ухо.

— Но ведь я так испугалась его, — честно призналась Виши, немного понурив голову и едва не плача.

— Нет, не испугалась, — ответила ей Тао Вири улыбнувшись. — Рюкзак-то свой ты так ему и не отдала.

На следующий день местные тримы обнаружили дом тетушки Молли пустым. А еще она оставила им записку, в которой разрешала жить в этом доме всем кто только пожелает. Поэтому ее дом ни одного дня не пустовал. Вот только никто из местных тримов так и не учуял в нем того особого легкого запаха, который почувствовала тогда Виши. Запаха холодной, твердой, закаленной стали.

21. Здесь, кажется, был мост

— Ты нужна мне, — тихо сказал Фим, нежно прижимая Оли к себе. — Я жить без тебя не могу. А ты, ты меня любишь?

— Конечно, — едва слышно ответила ему Оли, немного привстав на цыпочки. — Я тоже тебя люблю и никогда не забуду…

Она произнесла эти свои слова как-то не вполне осознанно и даже не до конца понимая, что именно говорит. Но Фим заметил некоторую несуразность последней ее фразы, отчего и переспросил:

— Что значит, «не забуду»? Оли, ведь мы никогда с тобой не расстанемся. Как же ты можешь забыть обо мне, если мы видимся каждый день.

— Прости меня, — шепнула ему девушка на ухо, — у меня как-то само собой вырвалось. Я не знаю.

— Это не важно, — ответил ей Фим улыбнувшись, — главное, что ты все-таки меня любишь, кажется.

Эти двое тримов стояли обнявшись у бортика очень длинного железного моста, переброшенного между сторонами глубокого песчаного каньона, промытого здесь в незапамятные времена талой водой. Причем сам этот мост был тоже довольно старым. И построили его явно люди. А отчего он до сих пор не проржавел и не разрушился, этого никто не знал. Да и не интересовало это никого. Главное, что мост этот существовал и по нему можно было ходить. Чем, собственно, местные тримы и занимались, частенько перебираясь с одного берега каньона на другой. Ведь там как раз и находились обе их небольшие деревни. Одна с одной стороны, другая с противоположной. Жили эти деревни вполне себе мирно и даже нередко помогали друг другу. И при уборке урожая, и при постройке новых домов, и при прочих менее важных оказиях.

Вот только в последнее время, что-то, почти неуловимое стало происходить в их, едва ли не идиллических отношениях. Что-то, связанное именно с этим мостом. То ли тримы с правого берега не уступили на нем дорогу своим соседям, то ли уже эти соседи что-то там недостаточно вежливо ответили тем тримам. Никто не помнил в точности. Но вот так, совсем незаметно, они перестали ходить друг к другу в гости и уж тем более помогать. Единственным более или менее светлым пятном среди всех этих плотных и все более сгущающихся облаков пересудов и недоверия были отношения Оли и Фима, которые, ну прямо как нарочно, именно тогда и познакомились. Однако их никто не осуждал и уж

тем более не препятствовал их отношениям, поскольку отчужденность между двумя деревнями не была особенно сильной. Родители Оли, правда, не вполне одобряли ее выбор, но при этом никогда и не спорили с дочерью, здраво рассуждая, что ведь это именно ей предстоит жить со своим избранником, а значит ей и решать с кем встречаться. Фиму же вообще никто запретить ничего не мог, поскольку жил он совершенно один.

Наконец, хотя и с некоторым трудом простившись, молодые тримы пошли по своим домам. Вот только не знали они, что встретиться им теперь будет суждено еще очень нескоро. Поскольку той же ночью и, как казалось, ни с того ни с сего, над этим каньоном разразилась такая ужасная буря, какой в этих краях еще никто и никогда не видывал. Старый железный мост гудел словно терпящий бедствие гигантский корабль и скрипел как якорная цепь. Порывы ветра сдували с него ошметками облупившуюся краску и ржавчину. Дождь же заливал его нескончаемыми потоками бурлящей воды. И вот, когда буря была уже в полном разгаре, сверкнули яркие изломанные молнии и ударил гром. А потом еще и еще. Пока, по случайному стечению обстоятельств, сразу две или три молнии, причем одновременно, не ударили в этот мост с разных сторон. Отчего он сначала засветился каким-то тусклым зеленоватым свечением, а затем и исчез совсем. Да так, словно его здесь никогда и не было.

И каково же было удивление тримов из противоположных деревень, когда утром следующего дня они подошли к песчаному каньону и не увидели своего моста. Они, конечно, сразу стали тогда смотреть вниз, надеясь обнаружить там его железные обломки. Однако и внизу ничего не увидели. «Вот уж чудеса какие, — стали они говорить друг другу, — никогда ни о чем подобном не слыхивали». Но что было делать. Повздыхали они, конечно, попричитали, да и пошли по своим домам. Одни только Фим с Оли остались на противоположных берегах, не в силах вот так в одночасье расстаться. Над ними светило теперь яркое солнце, а вокруг распростерся удивительный живописный пейзаж. Но что было проку ото всей этой красоты. Ведь каньон, который их разделял, был невероятно глубоким и очень длинным, и чтобы добраться теперь друг до друга им пришлось бы сначала идти целый день в одну сторону, а затем, по другому берегу, в противоположную. А ночевать где, и как? Ведь отношения-то у их соседей к тому времени совершенно разладились.

Но все было не так уж и плохо. Как ни удивительно, но тримы из противоположных деревень после исчезновения моста, стали, пусть и не сразу, но немного лучше относиться друг к другу, словно бы соскучившись. Они посылали воздушных змеев

с одного берега каньона на другой и почтовых голубей. И даже начинали подумывать о постройке нового моста. Вот только Оли с Фимом от этого было нисколько не легче. Ведь просто так стоять вдалеке друг от друга им было очень тяжело. А обходиться без теплых слов и объятий просто невыносимо. Отчего они, чтобы не мучиться зря, стали немного реже приходить к каньону. Если сначала они виделись чуть ли не каждый день, то потом уже раз в два дня, а затем и раз в неделю. Был даже однажды такой период, когда Фим совсем запропал, чуть ли не на целый месяц. И Оли сильно затосковала. Но когда он наконец появился опять, то куда-то запропастилась уже сама Оли. В результате же они решили написать друг другу подробные письма и отправить их при помощи почтовых голубей.

Выяснилось, что за время своего отсутствия Фим нашел себе другую девушку, а Оли, хотя и не в первом письме, но тоже призналась, что у нее есть теперь новый парень. И вот так в одночасье, они решили совсем прервать свои отношения. Правда, насколько долго продлится это «совсем», они еще не знали тогда, поскольку буквально через неделю снова пришли к разделявшему их песчаному каньону. Обменявшись корреспонденцией, они выяснили, что оба попали в очень неприятную ситуацию. Парень Оли совсем ей не подходил, а девушка Фима, просто использовала того, чтобы возбудить ревность в другом триме, которого на самом деле любила. Поэтому Оли с Фимом снова остались одни, отчего тут же почувствовали ну просто непреодолимую тягу друг к другу. Они с отчаяния даже хотели было прыгнуть в этот каньон, чтобы разом со всем покончить. Однако провидение распорядилось их судьбами иначе.

Подойдя к краю обрыва, они вдруг, причем не то чтобы именно увидели, а услышали некий странный, едва различимый гул. И этот гул был очень похож на звук, который издавал находившийся здесь прежде железный мост, когда дул сильный ветер. И тогда Фим осторожно, чтобы не оступиться, приблизился к тому месту где начинался пропавший мост и вытянул вперед свою ногу. После чего резко ее отдернул назад и тут же стал писать Оли письмо, в котором сообщил, что мост, где они так часто раньше встречались, никуда не исчез, а попросту стал невидимым. И когда девушка прочла это письмо, то уже просто не смогла устоять на месте и, не помня себя от радости, побежала, как казалось, прямо по воздуху вперед, а Фим побежал ей навстречу. И вот так, даже не понимая в точности, что собственно происходит, они очутились снова вместе. И счастью их не было предела. Отчего они еще долго стояли на месте без

движения, не в силах ни произнести ни единого слова, ни разорвать своих крепких объятий. Наконец Оли сказала:

— Я не хочу больше расставаться с тобой. И никому не позволю нас разлучить. Пусть все теперь будет как есть. И пусть эта тайна так ею и останется. Мы не скажем никому про этот чудесный мост. А встречаться будем лишь ночью, чтобы никто нас не увидел. Когда же мы поженимся, тогда будет уже и все равно.

— Я не понимаю зачем такая секретность, — ответил ей Фим совершенно счастливый, — но пусть будет по-твоему. Про мост же этот невидимый я тоже тогда никому не скажу.

И все же, загадка удивительного моста не давала ему покоя. Причем несколько раз он даже пытался использовать какой-нибудь инструмент, чтобы понять, что же с ним такое произошло. Оли же, со своей стороны, никогда не одобряла этого его любопытства и всякий раз упрекала за то, что он подвергал опасности их отношения. Наконец, в одну из ночных встреч Фим принес на невидимый мост молоток и зубило. Он приставил острое зубило к железному бортику моста и занес молоток для удара. Девушка же едва не взмолилась, глядя на то, что задумал ее возлюбленный.

— Не надо Фим, — почти закричала она, — оставь все как есть. Я чувствую, хотя и не могу точно объяснить, что случится нечто ужасное. Не бей.

— Да не могу я так больше, — Фим указал молотком на невидимый мост, — это будто не настоящее всё. А вокруг? — он посмотрел по сторонам. — Вечные темень и мрак. Соседи про нас ничего не знают. И мы с тобой словно одни в этом мире, а встречи наши похожи на сон, который может исчезнуть в любой момент. Да, — мы теперь счастливы с тобой и любим друг друга, и я даже нисколько больше не сомневаюсь в этом. Но я хочу знать.

После чего ударил что было силы молотком по зубилу и тут же: и сам он, и Оли напрочь лишились чувств. Потому что все близлежащие окрестности сотряс такой оглушительный грохот, похожий на громовой раскат, и такие искры посыпались в разные стороны, что можно было подумать, что в этот мост и вправду опять ударила молния. От чего он, как обычно, загудел своим низким скрипучим басом, потом стал полупрозрачным, потом почти фиолетовым, а затем и видимым. Таким, как был прежде.

Оли же с Фимом, как ни удивительно, почти не пострадали от этого странного катаклизма физически, хотя их одежда и обувь немного обгорели. Вот только память их в той ее части, что

касалась их отношений, исчезла почти совсем. От этого они еще долго и, ничего уже не понимая, смотрели друг на друга, а потом встали, отряхнулись и пошли по своим домам. И только спустя целый месяц и также, не вполне осознавая, что собственно происходит, пришли на середину этого моста, где, по сути, заново и познакомились. Им отчего-то теперь казалось, что они уже где-то встречались прежде, однако не в силах ничего толком вспомнить, все списали на удивительную красоту окружавшего их величественного пейзажа. И они больше уже никогда не расставались и даже не ссорились, хотя и не любили друг друга по-настоящему никогда.

Местные же тримы на следующее утро, обнаружив свой пропавший мост на прежнем месте, восприняли это почему-то почти спокойно и зажили как в былые времена, наведываясь друг к другу в гости иногда и даже помогая время от времени.

22. Без тени

— Слушай, а как ты хотел? — обратился голос к Тою, когда тот, едва проснувшись, уставился все в тот же серый потолок, который наблюдал здесь уже почти полтора месяца. — Ведь тебя предупреждали, разве нет?

— Предупреждали, — хмуро ответил Тою, — но кто же знал?

— «Знал»? — повторил за ним тихий голос. — Так ты думал, что тебя обманывают, когда говорили, что заходить сюда нельзя, и что ты никогда не сможешь выбраться наружу? Я, как посмотрю, ты сам привык всех обманывать, а оттого даже чистую правду принял за ложь.

— Не знаю я, — неуверенно пробормотал Тою поднимаясь.

Однако полностью подняться он не сумел. Потому что помещение, в котором он находился было очень низким. Низким и темным. В нем почти всегда царили зыбкий полумрак и неимоверная тишина. Такая, что Тою мог слышать не только все шорохи вокруг, но и как дышал он сам, и как билось его сердце. То чуть тише, а иногда чуть громче. И все же, когда вокруг него начинали собираться тени, а затем и тянуть к нему свои длинные серые руки, сердце его готово было просто выпрыгнуть из груди. И эти тени были словно бы живые. Они перемещались по его комнате и по другим комнатам вокруг, и даже по коридорам, которые эти комнаты соединяли. Вот только в овальный зал, где находилось главное сокровище они не заходили. А если даже и отваживались на это, то все время двигались вдоль дальних стен, не в силах почему-то сделать шаг на середину.

Собственно, из-за этого сокровища Тою и очутился здесь, в этом давно позабытом и позаброшенном тайном месте. В бесконечном лабиринте из коридоров и комнат, которым не было конца. И все бы, наверное, было совсем уже скверно, если бы не та примитивная старая лампа, которую он нашел здесь в свой первый же день. Лампа эта была керосиновая, однако прекрасно работала и на машинном масле, изрядные запасы которого Тою также здесь нашел. Еще же он обнаружил здесь запасы плотно упакованных пшеничных сухарей, а также воду, которая просачивалась прямо через бетонный потолок одной из удаленных комнат.

И все же не то обстоятельство, что он не в состоянии был выбраться наружу, и даже не та тоскливая жизнь впроголодь, которой он жил здесь уже почти полтора месяца, были самым худшем в его положении. Было тут еще и нечто, что поначалу едва не свело Тою с ума. И это были тени. Странные, шепчущие,

тянущие к нему свои длинные жадные руки. Эти тени пришли к нему в первую же ночь, что он провел здесь и дотронулись до него. Причем Тою прекрасно помнил это прикосновение: мягкое, невесомое, но одновременно и такое, что буквально заставило его сжаться в комок. Потому что он сразу тогда понял, — эти тени его не выпустят. Не выпустят отсюда никогда. И даже если он когда-нибудь и сможет отыскать тот тайный путь наверх, то они помешают ему. В точности, как и говорил когда-то тихий голос, который предостерегал его от спуска вниз. И вот теперь этот голос, спустя почти два месяца, снова был с ним. Он говорил с ним, рассуждал и, как казалось, даже слушал. Причем не так, как эти тени. Он совсем не угрожал ему и не пытался напугать. Он лишь иногда спокойно задавал свои вопросы, а иногда и отвечал на них.

— Но знай же тогда, — продолжил голос уже серьезно, — что если ты так и будешь хитрить и притворяться, то ты, конечно же, останешься со своим сокровищем. И оно будет твоим, и твоим навсегда. Но только лишь по той причине, что ты никогда уже не сможешь выбраться наверх.

— Вот так все просто? — вдруг оживился Тою, у которого последние слова голоса пробудили некоторую надежду. — То есть я не должен ни хитрить, ни притворяться? И тогда я смогу наконец-то выбраться отсюда? А тени?

— Они тебе ничего не сделают, — продолжил голос на этот раз спокойно. — Однако малейшая ложь или притворство будут стоить тебе свободы. И ты сразу же окажешься в этой, самой удаленной и низкой комнате. И я даже не знаю, смогу ли тебе когда-нибудь еще раз помочь.

— А если я испугаюсь? — спросил Тою задумчиво. — Ведь они иногда очень сильно меня пугают, едва ли не до полусмерти. Как тогда быть, тоже не притворяться?

— Ты должен побороть свой страх. Просто скажи себе честно, что ты боишься и что тебе нужно с этим бороться. И тогда ты, пусть сначала и медленно, но сможешь продолжить свой путь наверх.

— Понятно, — ответил Тою тяжело вздохнув. — И как же жаль, что я не послушал тебя в прошлый раз. Но теперь у меня, похоже, и выбора никакого нет. Или свобода, или медленная смерть здесь, среди теней, ужаса и мрака.

Он насколько мог распрямил наконец свою спину, взял керосиновую лампу и сказал:

— Все, голос, я готов идти. Указывай мне путь.

— Нет, не так все просто, — ответил ему голос. — Путь из подземелья ты должен найти сам. У меня нет власти

направлять тебя. Но я могу подсказать, где взять того особого масла, которым ты должен наполнить свою лампу, чтобы она не отбрасывала теней. Это очень важно, потому что иначе, никакие честность или смелость тебе не помогут.

Тою внутренне поежился и едва ли не содрогнулся от этих слов, потому что точно понял, что его путь наверх будет очень нелегким. И все же он не стал тогда медлить. А взяв свою лампу, пошел туда, куда направил его голос: в комнату, где стояли большие железные бочки.

— Вот та, последняя бочка с левого ряда, — указал ему голос, — в ней ты найдешь то особое масло. Но будь осторожен, не пролей его, потому что в бочке его осталось очень немного.

Тою послушно исполнил все, что сказал ему голос, а потом, уже впотьмах собрав свою лампу, снова зажег ее. И тут же он услышал некое неясное шебуршание со всех сторон. Это были явно серые тени, которые, испугавшись очень яркого света, просто-таки позабивались в разные углы и щели в соседних комнатах и коридорах. Тою вышел из комнаты с бочками. Осветил коридор. Подумал. И пошел туда, куда ему больше всего захотелось. Он не знал отчего выбрал это направление. Но его словно тянуло туда. В сторону, куда он еще ни разу не ходил.

Шел он медленно и спокойно. Осматривался иногда по сторонам и снова думал. Пару раз ему казалось даже, что он потерял направление, однако, проанализировав свои чувства, опять выбирал новый путь, иногда совсем неожиданный. Подчас ему становилось страшно. Этот страх закрадывался ему, как казалось, в самое сердце. Отчего он останавливался, но, вспоминая наставления голоса, вскоре опять начинал двигаться дальше. Смотрел он и на себя, а точнее себе под ноги. И, как это ни странно, не видел под собой никакой тени. Поскольку тот свет, что шел сейчас от его лампы, словно бы проходил сквозь него, не встречая по пути никакого сопротивления. Наконец Тою дошел до просторного помещения, высокого и широкого, где вновь остановился. Из этого помещения выходило множество разных коридоров, перед каждым из которых была деревянная дверь. Некоторые из этих дверей были полуоткрыты, некоторые закрыты, а иные и вовсе заперты. «Куда идти?» — подумал Тою, после чего снова стал пытаться понять, что подсказывал ему внутренний голос. Однако на этот раз его голос молчал, впрочем, как и все остальные его чувства, за исключением лишь одного зрения. Причем, что странно, это действительно было очень необычное место: серое, унылое, пугающе спокойное. И едва лишь он все это осознал, как тут же услышал другой голос: тихий, шипящий и до боли знакомый.

— Тебе плохо здесь? — шептала ему явно какая-то тень, притаившаяся в одном из коридоров, уходящих в темноту. — Подумай, ведь ты теперь самый богатый трим на земле. Помнишь сокровище? Так вот, ни у кого на свете такого нет. И ты можешь сделать с ним все, что пожелаешь. Ты можешь полмира себе с ним купить. Ты можешь есть самую вкусную еду, самые красивые девушки будут почитать за счастье быть с тобой. Оставив же все это, ты сделаешь глупость, которой не совершил бы даже самый последний дурак.

— Но ведь я не в состоянии им воспользоваться, — вполне разумно ответил Тою.

— Ах-х, — с явным удовольствием прошипела тень, которой очень понравилось, что Тою вступил с ней в дискуссию. — Ты сможешь, ты обязательно сможешь им воспользоваться. Нужно только погасить тот свет, что ты сейчас держишь в своей руке. И опрокинуть все бочки с маслом. Тогда, и только тогда ты станешь по-настоящему умным тримом и ничто более не сможет тебя отвлекать от разумных мыслей. Твой свет лишь ослепляет тебя. Он ведет тебя к нищете и забвению. Ты никому не будешь нужен наверху без своего богатства. Ты станешь таким же как все остальные. Разве ты этого хочешь?

Тою задумался. А и вправду, зачем он тогда лез сюда, если так и не добыл сокровища. Зачем рисковал? Ведь не для того же, чтобы вернуться назад с пустыми руками. Нет, он, конечно, набил себе полные карманы драгоценными камнями, какие только сумел в них запихнуть. Но все равно, основная-то часть сокровища оставалась там, в темноте.

— Да-а, — вновь прошипела ему серая тень, — ты правильно рассуждаешь. Зачем тебе все это. Чтобы вновь слушать тех дураков, которые будут тебе говорить что делать? Чтобы навек потерять свободу, которую дают только деньги?

— Да, да, — обрадовался Тою, повторяя слова тени, — и еще потерять свою любимую, на которой я так и не смогу жениться, потому что у меня ничего нет!

— Все правильно, — вздохнула с облегчением серая тень, которая теперь уже подошла к Тою и протянула свои длинные руки к его лампе. — Ты действительно мудрый трим и твое место, конечно же, здесь. Отдай мне ее.

И Тою собирался было уже отдать свою лампу в руки тени, как вдруг увидел, что под ним самим опять появилась серая тень. И даже не совсем так. Эта тень на полу словно бы заползла на него самого, отчего его ноги теперь уже сами стали похожими на тень. Они были серыми и плоскими. И это так его напугало, что он невольно вскрикнул от ужаса и отпрыгнул назад. А затем,

уже просто не в силах сдержаться, вытащил драгоценные камни, которые все еще находились в его карманах и швырнул в темноту. И тут же пугающая тень под ним бесследно исчезла, а шипящий, вкрадчивый и лживый голос пропал. И Тою теперь уже точно знал куда идти, он почувствовал это. И он тогда верно выбрал нужную дверь, за которой оказалась узкая и прямая лестница наверх.

23. Музыка над городом

Дор всегда любил музыку, даже когда еще совсем маленьким был. Причем ему и мать, и отец много раз говорили, что он слишком уж увлекался игрой на разного рода инструментах. Ведь и на флейте он играл, и на ксилофоне, и даже на гитаре, которую сам для себя и смастерил. Вот уже детство его закончилось и юность прошла, а он все никак не мог отойти от музыки. И до такой степени она ему нравилась, что никакие силы, как казалось, не могли отвадить его от этого, не слишком практичного увлечения. Впрочем, какая там у него могла быть музыка, — лишь та, что он сам себе сочинял, да другая, которую местные тримы исполняли. Вот, собственно, и все. Однако Дор все же слышал, — доходили до него такие слухи — что в городах, где когда-то прежде жили люди, можно было и совсем другую музыку себе найти. Настоящую и невероятно красивую. Вот и решился он наконец.

— Пойду-ка я в заброшенный город, — сказал он жене, — хочу попробовать там настоящую музыку себе поискать. А то наша, все, что-то не та. И чувствую я, что музыка может намного лучше быть, да вот ни у самого никак не выходит сочинить, ни наши деревенские исполнить не могут.

— Да куда же ты пойдешь? — запричитала его жена. — Ведь в городе опасно. И было бы дело какое, чтобы так рисковать, а то из-за какой-то там музыки. Не пущу я тебя.

Однако Дор не послушал свою жену и, несмотря на все ее уговоры, отправился на следующий же день в заброшенный город. Идти ему, правда, довольно долго пришлось, потому что деревня его в очень уединенной местности находилась. Поэтому и через бескрайние поля пришлось ему идти и через дремучие леса. И несколько раз даже защищался он в лесу, когда на него дикие звери нападали. А однажды спасался бегством. Но все-таки дошел он наконец до города. А как дошел, так сразу и понял, что это именно то место, что ему надобно. Ведь тот город очень большим был и с очень высокими зданиями, особенно ближе к центру. А значит там обязательно должны были где-нибудь отыскаться и инструменты особые, и записи магнитные или хотя бы ноты.

Недолго думая, Дор вошел в город. И буквально сразу же ему улыбнулась удача. В одном из магазинов почти на самой окраине он нашел небольшой деревянный проигрыватель. Да и не какой-нибудь, а механический. Этот, как на нем было написано: «граммофон», Дор взял с собой. Также прихватил он еще и несколько виниловых пластинок, которые отыскал неподалеку.

Ему просто очень захотелось, если уж и слушать хорошую музыку, то в каком-нибудь особом месте. А что может быть лучше крыши небоскреба. Где с разных сторон открывался прекраснейший панорамный вид, который так гармонировал с любой, даже самой замечательной мелодией. Вот Дор и решил залезть на крышу такого небоскреба и уже там, устроившись поудобней, насладиться своей музыкой в полной мере.

Дойдя до центра города, он выбрал один очень высокий небоскреб и стал на него подниматься. Вот только подъем этот довольно трудным был, и когда Дор наконец добрался до крыши, то с него самого семь потов сошло. Но и на крыше у него не сразу все заладилось. Потому что там дул настолько сильный ветер, что музыки своей Дор почти не услышал. Пришлось ему возвращаться на этаж назад и тащить оттуда деревянный шкаф, в который он патефон свой и поместил. Открыв же дверцы шкафа, он соорудил себе таким образом некое подобие акустической системы (а он в таких вещах хорошо разбирался, поскольку сам музыкальные инструменты делал). И вот так, развалившись в удобном матерчатом кресле, которое притащил оттуда же, Дор наконец включил свою музыку. И такой красивой оказалась она, что он невольно закрыл глаза и стал буквально растворяться в невыразимом блаженстве, что сразу накрыло его с головой целиком.

Несколько раз он поднимался с кресла, чтобы завести патефон или переменить пластинку. И в этих перерывах Дор невольно оглядывался вокруг. Да, признаться, там и было на что посмотреть. Невыразимой красоты, широченный, изумительный пейзаж открывался с крыши этого небоскреба. И сам город, и окрестности его были видны. Все это было так величественно и прекрасно, что Дор всякий раз невольно начинал напевать про себя какую-нибудь мелодию из тех, что только что слышал. Так прошел тот замечательный день и наступил уже вечер, когда Дор, преисполненный блаженной неги, вдруг почувствовал, что не только лишь одна его душа, но и само тело его вдруг стало немного покачиваться, словно бы вознамерившись воспарить в удивительную, неведомую высь. Через некоторое время странное чувство повторилось опять и тогда Дор открыл глаза.

То, что он в тот момент увидел его несколько озадачило. Соседний с ним небоскреб отчего-то, причем не в фантазии даже, а на самом деле, слегка покачивался. То чуть вправо смещался, то влево. Дор встал, подошел к краю крыши и… обомлел от ужаса. Как оказалось, это его собственный небоскреб медленно раскачивался из стороны в сторону, грозя в любой момент обрушиться вниз. Совсем уже позабыв про свои дела, Дор стал

искать путь к спасению. Ведь спускаться по лестнице было очень долго и он мог не успеть. И нашел, — длинный стальной трос покрытый пластиковой обмоткой, к которому крепились какие-то толстые перекрученные кабели. Этот трос шел от его небоскреба до крыши соседнего. Недолго думая, ведь медлить было совсем нельзя, Дор забрался на этот трос. Вот только высота, которую он теперь уже совсем по-иному под собой ощутил, показалась ему настолько огромной, что он просто вцепился в этот трос и замер на месте в оцепенении.

И он непременно погиб бы тогда, если бы не его деревянный шкаф с патефоном внутри. Ведь музыка оттуда все еще продолжала доноситься и была она все так же хороша. И Дор из-за всего этого, немного отвлекшись от бездонной пропасти внизу, и словно бы заново расслышав чудесную мелодию, вдруг почувствовал все те же легкость и умиротворение, которые испытывал, когда спокойно сидел в своем удобном кресле на крыше. Отчего наконец-то немного сдвинулся с места и пополз, пусть и очень медленно, но спокойно к соседнему небоскребу.

Полз он, как ему тогда показалось, целую вечность. Вот уже и руки его начали саднить, и ноги под коленками болели, а он все никак не видел спасительного бортика соседнего небоскреба. Он только старался не отвлекаться от музыки, отчего и слушал ее, ловя каждый звук и буквально впитывая всем сердцем. Да у него, на самом деле, и выбора никакого не было. Ведь если бы он вновь начал думать о высоте, то от страха непременно бы остановился, что означало для него очень скорую и неминуемую смерть. И вдруг та музыка, которая его так вдохновляла и поддерживала, пропала. То ли завод у старого патефона закончился, то ли пластинку нужно было перевернуть, неизвестно. Но в наступившей тишине, прерываемой лишь шумом ветра, Дор все же остановился на месте и буквально ощутил, как страх, холодный и безжалостный, снова стал закрадываться к нему в душу. Отчего он, боясь даже пошевелиться, в неописуемом ужасе вцепился изо всех сил в стальной трос и замер на месте без движения. Ему уже совсем не на что было надеяться. И ничто, как казалось, не могло ему теперь помочь.

И тогда Дор, сам даже не до конца понимая, что, собственно, делает, буквально насильно открыл глаза и посмотрел вокруг. Возможно, в последний раз в своей жизни. И он вновь увидел изумительной красоты окружавший его пейзаж и вновь стал насвистывать чудесную мелодию. И он сам тогда не заметил, как продолжил свой путь. И как добрался до спасительного бетонного бортика, а затем и залез на него. Вот только как падал его

небоскреб, на котором он прежде сидел, он видел очень хорошо. Потому что не заметить такого грандиозного падения было попросту невозможно. Когда здание в очередной раз накренилось сначала в одну сторону, а затем пошло назад и, достигнув ровно вертикального положения, начало складываться как карточный домик. Натянутый трос, по которому Дор добрался до этой крыши, конечно же лопнул как паутинка, а та крыша, на которой он так приятно провел весь этот день медленно и, словно бы нехотя, плавно ушла куда-то вниз.

Проводив взглядом рухнувшую громаду и подивившись гигантским клубам пыли вздыбленным ею, Дор поднял свои глаза и… вновь обомлел. Его шкаф, который он притащил еще днем на крышу, вместе со стоявшим в нем патефоном неподвижно висел в воздухе. И это Дора уже по-настоящему поразило, потому что таких невероятных чудес он никогда еще в своей жизни не видел. И он даже перестал тогда насвистывать ту чудесную мелодию, которая буквально засела у него голове, и даже рот открыл от изумления. И в тот же миг его музыкальный шкаф вместе со своим содержимым рухнул стремительно вниз. Дор еще некоторое время смотрел в темную пропасть, куда упал этот шкаф, все пытаясь понять, что же с ним такое удивительное произошло. Но так и не найдя никакого ответа, решил побыстрей спускаться и с этой крыши, на всякий случай.

Однако спуститься ему сразу было не суждено. Поскольку на первом же этаже, мимо которого он шел, Дор обнаружил такое огромное количество пластинок, кассет и еще каких-то блестящих дисков, что у него просто дух захватило. А кроме того на этом этаже была еще аппаратура. Много. И чего там только не было. Всевозможные устройства, какие-то лампочки и провода. Был даже какой-то агрегат, видимо резервного энергоснабжения, от которого пахло саляркой и машинным маслом, Дор не разобрал. Однако, когда он, немного покопавшись, включил этот агрегат, а затем и некое другое устройство, которое привлекло его внимание разноцветными огоньками и индикаторами, то услышал такую потрясающую музыку, которой и вообразить-то себе даже не мог.

Эта музыка была настолько мощной и красивой, что Дор вновь, как и совсем недавно, стал напевать ее сначала про себя, а затем и насвистывать. И вот тут уже произошло нечто такое, что буквально заставило Дора и испугаться, и едва ли не напрочь лишиться чувств. Потому что прямо там, на его этаже, он услышал цокот лошадиных копыт. А затем и прекрасный черный конь появился в дверях его помещения. Но мало того, на этом коне находилась всадница, — прекрасная молодая женщина

облаченная в удивительные сверкающие доспехи. И в руке у нее был пылающий меч, а на голове изящный, украшенный пышными перьями золотой шлем.

И эта всадница даже не посмотрела тогда на Дора. Она лишь пришпорила своего коня, отчего тот, разбив передними копытами огромное окно, выскочил прямо наружу. А затем — тут уж Дор и вправду подумал, что лишился рассудка — полетел. Да, — этот конь был с крыльями, отчего и умел летать. А всадница, немного привстав в тугих стременах, размахивала теперь своим огненным мечом, который разрезал ночную тьму словно горящий факел.

Не помня себя от потрясения, и все еще продолжая насвистывать поразившую его мелодию, Дор выбежал на крышу этого небоскреба. Вот только не увидел он уже ни всадницы, ни ее коня, поскольку они, по всей видимости, теперь высоко поднялись в небо и скрылись где-то среди собравшихся дождевых облаков. И только невероятное голубое сияние, похожее на полярное, которое подсветило небо и над самим городом, и над его окрестностями отдаленно напоминало о том, что здесь только что произошло.

24. Каменная рука

— О-о, это очень старая история, — с явной неохотой отозвался Джу на очередной вопрос своего собеседника. — Я как-нибудь в другой раз ее расскажу. А пока, ешьте вот лучше печеную картошку, она по-моему уже готова.

После чего протянул другому триму, который сидел рядом с ним изрядно закопченный шампур, на котором дымясь, красовались несколько крупных картофелин. Тот послушно принял еду и, посыпая картошку солью, принялся уплетать лакомство. Во время этой трапезы он несколько раз поглядывал на Джу, словно беззвучно прося его о чем-то. Наконец тот все же не выдержал и произнес:

— Ладно, если уж вы так хотите, расскажу я про свою руку. Но предупреждаю сразу, история эта длинная, поэтому я буду кое-что и пропускать. Да и не помню я уже многого, ведь сколько времени с тех пор прошло.

После чего поудобней устроился возле костра, окинул взглядом окружавший их сумеречный лесной пейзаж и начал:

— Был я тогда еще совсем молодым парнем. Хотя даже и в то время частенько подрабатывал проводником. Ведь этих обширных лесов кроме меня никто так хорошо не знал. А я и родился здесь, и вырос, да и вообще, — он мечтательно вздохнул, — чувствую их почти что нутром. Ну вот, представьте себе, я даже словно бы всякий раз знаю, в какую сторону идти. И мне ни звезд, ни солнца для этого не нужно. Вот и тогда я провожал одного торговца пряностями, который шел из одного крупного города в другой. Идти там было всего ничего, лишь несколько дней. Да мы и добрались бы легко, наверное, если бы не землетрясение. И оно началось так внезапно, буквально на ровном месте, что мы даже сначала ничего и не поняли. Но потом мой торговец настолько перепугался, что пустился бежать со всех ног. А я и не сумел его догнать даже, хотя и бежал за ним следом довольно долго. Но наконец, потеряв его уже окончательно и остановившись, неожиданно заметил на земле нечто странное.

Мне вдруг показалось, что земля, на которую я тогда смотрел, пытаясь отдышаться, начала буквально уходить у меня из под ног. Я пригляделся. И увидел камни. И эти камни, самые обыкновенные на вид простые камни, словно бы ползли по земле, и все в одну сторону. Остальные же предметы: ветки, листья и корни оставались на прежнем месте. Я подивился такому чуду и взял один из этих камней. И представьте себе, — Джу посмотрел на своего собеседника, — это была черепаха. Самая

обыкновенная, нормальная черепаха, но только с панцирем словно бы из этого камня сделанным. И более того, когда я эту черепаху поднял, то она вместо нормального движения лапами и головой, вдруг эту голову ко мне повернула, посмотрела на меня и проговорила: «Поставь на прежнее место, а то укушу». Я засмеялся: «Да как же ты меня укусишь, у тебя и зубов-то нормальных нет». «И секрет не расскажу», — продолжила черепаха. Я заинтересовался и спросил, что это за секрет такой. «А секрет очень простой, — ответила черепаха, — я могу научить тебя ходить быстрее, чем ты на самом деле можешь». Я не понял. Но все же опустил черепаху на землю и стал наблюдать. А она вновь и даже еще быстрее поползла, причем в том же направлении, что и прежде. Я, естественно, за ней. Но вот что любопытно, — Джу поворошил палкой тлеющие угольки костра, — никак не мог ее догнать. Я уже почти и бежал за ней, но черепаха все время меня обгоняла. Наконец я остановился и посмотрел, куда это она так спешила. И это была гора или вулкан. Видимо, как раз из-за него и произошло все то мощное землетрясение, которое так напугало моего торговца. Потому что из жерла этого вулкана вверх поднимались довольно плотные клубы серого пара. Я продолжил погоню.

И прошло уже, наверное, часа два или три, когда я, совершенно измученный и грязный, поскольку несколько раз по дороге падал, приблизился к жерлу этого вулкана. И там я вновь увидел свою черепаху. Она, похоже, ожидала меня на вершине, поскольку не спрыгнула в жерло, как остальные ее сородичи (а их было довольно много вокруг), а просто сидела на камнях и внимательно на меня смотрела. «Что это за чудо такое, — невольно подумал я, — и откуда здесь все эти черепахи. И почему они прыгают вниз?» Однако черепаха разрешила за меня сразу все мои вопросы. Она сказала: «Сейчас идет каменный отлив. Ну, то есть такое явление, которое иногда бывает перед извержением вулкана. Примерно как в океане. Когда вода уходит от берега, чтобы затем еще сильнее на него нахлынуть. Теперь же центральная часть вулкана уходит глубоко под землю, после чего останется там еще некоторое время. А мы, — тут черепаха повернула голову вправо и влево, видимо, указывая на своих сородичей, — должны вернуться назад, в то место, где живут наши родители: большие каменные черепахи. Они очень старые и живут очень долго. Но потомство свое оставляют вылупляться на поверхности земли. Но, впрочем, я не об этом. Так вот, я обещала тебе, что научу ходить быстрее чем ты сам сейчас можешь, так слушай же. Никакого фокуса здесь нет, просто я могу, пусть и очень медленно, но переползать

не только относительно земли, но и относительно того места, где должна была бы находиться. Да, да, и именно так. Ведь в любой момент времени я, строго говоря, неподвижна. И неподвижность эта на самом деле существует, а не только кажется. Вот только увидеть ее ты просто так не сможешь, а сможешь лишь спустившись глубоко под землю и окунувшись в ее океан. Он там внизу. Конечно, сначала ты будешь видеть только струи пара и камни, но потом увидишь и истинную неподвижность. Всю полностью и целиком. И когда ты окунешься в ее океан, то сможешь перемещаться намного быстрее чем сейчас, потому что будешь оказываться впереди себя самого. То есть в том месте, где оказался бы через несколько секунд. И так постоянно. И тебя тогда тоже никто не сможет догнать и ходить тебе будет намного легче. Так что, — идешь ты за мной?» — черепаха внимательно на меня посмотрела. А я, — ну что мне оставалось, конечно же согласился.

И вот мы спустились вниз, на самое дно жерла вулкана. Оно, как и уверяла меня черепаха, действительно уходило все глубже под землю. А вокруг меня было еще много таких же каменных черепах, которые на меня с большим интересом смотрели. И кроме того там был клубящийся дым или пар, вдыхая который, я словно бы в нем растворялся и переставал видеть привычный свой мир. Вот, — и на самом деле, я словно бы услышал отдаленный шум или плеск прибрежных волн, а вот и сами волны: теплые, приятные, успокаивающие. И потом сквозь этот уже, едва ли не сон наяву, я вновь услышал голос своей черепахи: «Там на глубине есть черные базальтовые острова, — сказала она тихо, — и они очень глубоко. Но ты найди их, потому что на них растут песчаные водоросли. Тебе обязательно нужно будет, когда ты вынырнешь на поверхность, эти водоросли съесть, а иначе ты сам окаменеешь и так и останешься навсегда под землей. И неподвижность станет твоей судьбой». А более я ничего уже не услышал.

Поэтому вместо ответа и не теряя уже ни секунды времени, нырнул как можно глубже в ту светло-зеленую «воду», в которой очутился, и стал любоваться открывшимся мне удивительным миром. А там было все. И странные, неземного вида рыбы, словно бы застывшие на одном месте, и те же самые, но уже огромные черепахи, которые тоже не двигались. А еще звезды и Солнце, и темный космос. Словно бы некая, бесконечно долгая земная память была заключена в этом странном и таинственном месте. И еще там было много чего интересного, о чем я и подумать никогда прежде не мог. Там было столько чудес, столько красоты и величия, что я, невольно залюбовавшись всем

этим, даже сразу и не заметил, что меня кто-то негромко звал. Но потом, посмотрев назад, я вновь обомлел от изумления. Передо мной, совсем рядом и также под этой светло-зеленой водой находилась девушка. Причем она была настолько хороша, что я и слова вымолвить поначалу не смог. А она засмеялась мне прямо в лицо и спросила, зачем я там находился. Я ответил. А она сказала, что эти базальтовые острова не слишком глубоко и что она мне их сейчас покажет.

И потом я долго плыл за этой девушкой, опускаясь все глубже в пучину неподвижности. И вскоре действительно увидел один из таких островов, а на нем и нужные мне водоросли. Я стал их собирать. А девушка плавала вокруг меня неподалеку и очень внимательно на меня смотрела. Наконец я не выдержал и спросил: «Скажи мне, милая девушка, — обратился я к ней, — а зачем ты сама сюда спустилась? Тебя что, тоже привела в этот океан черепаха с каменным панцирем?» На это она мне ответила: «Я спустилась сюда, чтобы стать красивее и моложе. Ведь этот неподвижный мир делает всех намного более привлекательными и юными. У меня есть жених там наверху в деревне, но он меня совсем не любит. Поэтому я и попросила одного шамана из соседнего селения отправить меня сюда. А он исполнил. Я тогда в одну очень глубокую пещеру зашла. В ней было много белого дыма и пара, а затем я очутилась здесь. В неподвижности. Но ведь я все равно по-прежнему жива и двигаюсь, и даже сделалась, смотри, какой красивой!» Тут девушка засмеялась и повернулась вокруг, словно демонстрируя насколько хороша. Я подтвердил, что она действительно теперь настоящая красавица с сапфирового цвета глазами и рубиновыми волосами, и что вполне может возвращаться к своему жениху. А она со мной согласилась, после чего мы вместе с ней поплыли назад к поверхности.

И прошло, наверное, еще часа два или три, прежде чем я, выбравшись из океана на какой-то плоский косой камень, торчащий откуда-то сбоку, принялся поедать свои водоросли. Кое-как, одной рукой держась за этот камень, второй я запихивал в рот эти песчаные водоросли, которые были на вкус почти как морской песок. Наконец, покончив с этим, я попытался определить, куда нам нужно было идти. «Так куда же нам теперь идти?» — спросил я девушку. Но она почему-то ничего мне не ответила. Я обернулся. Девушка, как оказалось, все еще находилась под водой и смотрела то вправо, то влево, совершенно не видя ни меня, ни моего камня. И тут я все понял. Тот шаман, который отправил ее сюда, наверное, ничего ей не сказал о тех водорослях, которые ей нужно было съесть.

А оттого она никогда не смогла бы выбраться наверх к своему жениху, как бы ни старалась. И мне стало ее жаль. Так жаль, что у меня самого буквально заныло сердце.

И тогда я опустил насколько мог глубоко свою руку под воду, схватил девушку за шиворот и одним рывком выдернул ее из океана неподвижности. А она только стояла теперь возле меня, и все еще ничего не понимая, в изумлении озиралась по сторонам. Но самое плохое началось уже потом. Когда мы вместе пошли, причем действительно уже как-то непривычно быстро, по узкому проходу, который вывел нас на прежнее, глубоко теперь опустившееся дно жерла вулкана. Сначала девушка сама заметила нечто неладное, потому что все время пыталась активно двигаться, но это у нее плохо выходило. А затем и я, когда попробовал пошевелить своей рукой. И эта рука словно бы одеревенела совсем и абсолютно не хотела меня слушаться. Я подумал, что нужно было еще съесть тех водорослей, что я насобирал на базальтовом острове. Но их оказалось так мало, что хватило только ей. Да, — мне пришлось пожертвовать своей рукой, чтобы девушка, которую я спас не окаменела.

И вот, — Джу грустно улыбнулся своему собеседнику, показывая свою окаменевшую руку, — так я и вожу теперь разных путников через этот лес, очень легко и быстро, как ты знаешь. А девушка, наверное, вернулась к своему жениху. И хотел бы я посмотреть на того трима, который бы ее сейчас не полюбил.

25. Маленький быстрый мотоцикл

— Нет, эта пуговица не интересная, — грустно произнес серый крот обращаясь к жуку. — Я совсем ее не чувствую. Ни тепла, ни внутренних вибраций, ничего. Наверное ее давно сюда выбросили, — он поводил усатой мордой по сторонам.

Там, вокруг них, справа и слева, ограниченное спереди деревней, а сзади темным дремучим лесом, простираясь огромное бугристое поле, поросшее зеленой травой. Однако впечатление это было обманчивым. Поскольку под этим полем находилась еще более крупная свалка, в незапамятные времена разбитая здесь древними людьми, а теперь из-за вековых наслоений и плотной растительности, ставшая почти незаметной. И только лишь эта странная парочка, состоявшая из время от времени жужжащего майского жука и не в меру любопытного серого крота, который ничегошеньки не видел, все еще интересовалась этим местом.

Они, как казалось, там что-то разыскивали, складывая предметы, которые находили в две отдельные кучи. Одну большую, для «мертвых вещей», как называл их серый крот, а другую — совсем маленькую, для «живых». Каким образом он это делал и по какому признаку различал, никто не смог бы сказать. Жук же наблюдал за всем внимательно и, поскольку крот был совсем слепым, описывал ему внешний вид того, что тот выкапывал. Иногда жук улетал, чтобы, как он говорил: проконсультироваться. И эта «консультация» заключалась в том, что он несся в соседнюю деревню и читал там огромную энциклопедию, услужливо предоставляемую ему одной маленькой девочкой, которая в этой деревне жила. Потом он возвращался назад и рассказывал кроту, не только о внешнем виде найденных последним вещей, но и о их названиях, и предназначении.

Так они и промышляли на этой свалке уже довольно давно, с того самого дня, когда впервые встретились. Крот тогда сразу сказал жуку, что именно он ищет, а жук заинтересовался. «Живые вещи», это было что-то новенькое. Крот еще всякий раз повторял ему, что вещам хозяева нужны не меньше, чем хозяевам вещи. И что они вот так, покинутые и заброшенные, страдают очень сильно и в конце концов погибают. Они тогда становятся мертвыми и холодными, пояснил жук, и из них уходит вся жизнь. Но если какая-либо вещь находит себе нового хозяина, то она сразу преображается. И не только лишь внешне, поскольку хозяин приводит ее в порядок, но и внутренне, потому что она чувствует свою надобность и что она в этом мире не одна.

Наконец, копаясь таким образом в земле, перемешанной еще со всевозможным хламом, крот нашел нечто необычное. И это был руль от маленького мотоцикла. Хотя, они конечно еще не знали тогда, что именно нашли. Но, слетав на консультацию, жук сообщил кроту, что это в точности руль и был. А еще через некоторое время, к ним подошла и сама девочка, владелица той обширной энциклопедии, из которой жук черпал всю информацию. Ее почему-то очень заинтересовала последняя находка странной парочки, отчего она и решила сама понаблюдать за раскопками.

Крот копал дальше. И вот из земли было уже извлечено одно колесо старого мотоцикла, а затем и второе. И наконец, сама рама с сиденьем. Крот заявил:

— Эта вещь — лучшее из того, что мы здесь выкапывали. А поэтому мы просто обязаны ее восстановить. Я конечно, не могу пока сказать, что с ней будет, когда мы ее соберем. Но кто знает, возможно она и оживет, если мы ее очистим и отремонтируем.

Так и сделали. Все трое, подобрав выкопанные детали, отправились во двор девочки, которая жила совсем одна, и принялись чинить игрушку. Сначала они обратились, конечно, к энциклопедии, чтобы понять, что и к чему нужно было крепить. А затем приступили к самому делу. И вот, буквально через пару часов, мотоцикл был восстановлен. Это был простой, очень старый игрушечный мотоцикл, размером не более двадцати сантиметров в длину. Но все же довольно красивый. Хромированный руль, крашеная синей краской рама с сиденьем и довольно потертые колеса, которые были отчего-то светло-зеленого цвета. Все это производило впечатление довольно изящной и явно дорогой игрушки. Но что самое интересное, мотоцикл этот был электрическим и имел хотя и маленький, но довольно емкий аккумулятор в форме вытянутого бензобака. Троица быстро разобралась, что к чему и поставила мотоцикл на зарядку. Когда же и с этим делом было покончено, кроту, как нашедшему мотоцикл, было предоставлено право опробовать его первым. Тот сказал:

— Да я и рад бы, конечно, но ведь я ничегошеньки не вижу.

— Это не беда, — ответил ему майский жук, — я буду лететь рядом с тобой и говорить куда ехать.

Так и поступили. И вот, счастливый серый крот, а рядом с ним постоянно жужжащий теперь майский жук катались по двору девочки на мотоцикле под восторженные рукоплескания и смех последней. Наконец тот день закончился. И крот с жуком поставили мотоцикл в небольшой ангар, который тут же быстро и смастерили. После чего, условившись вернуться к своему

развлечению уже завтра, отправились спокойно по своим домам. Однако на утро, когда в условленный час снова встретились, девочки во дворе дома они не обнаружили.

— Странно, — удивился майский жук, — она же вчера обещалась прийти и сказала, что сама поставит мотоцикл на зарядку.

Они пошли в дом посмотреть. И нашли там ребенка лежащим в постели. Жук подлетел к девочке первым.

— Слушай, — сказал он кроту, — да она пока спит еще. И, — он потрогал лапкой ее лоб, — горячая такая. Уж не случилось ли с ней чего?

И тогда они уже вместе полезли, но не на кровать, а на письменный стол, чтобы поискать в энциклопедии, что же такое с ней могло произойти. И нашли. Оказалось, что девочка действительно заболела. А еще, что ей срочно нужны были лекарства, а то она могла вообще никогда не выздороветь.

— Мы должны отправиться в город, — сказал майский жук. — Только там я видел такие лекарства. Они в старой аптеке, что на самой окраине. Но до туда добираться далеко и просто так ты туда не доползешь. А я не смогу эти лекарства принести. У меня лапки слабые.

— А мы тогда на мотоцикле поедем, — предложил ему крот. — Ну, как вчера по огороду ездили. Я лекарства на багажник погружу, а ты будешь меня направлять. Я, правда, не знаю, сколько там заряда осталось, но будем надеяться, что достаточно.

— Ага, — согласился с ним жук, — хорошая идея. А то я просто не могу спокойно смотреть, как она, — он указал лапкой на девочку, — мучается.

И вот они вдвоем, зарядив еще, на всякий случай, свой мотоцикл, отправились в город. Жук эту дорогу хорошо знал, потому что уже не раз летал туда. Крот же внимательно его слушал и выполнял все его указания. Сначала они ехали по проселочной дороге, мимо деревни, в которой жила девочка. Чем вызвали изрядную долю насмешек у местных жителей, которые им вдогонку даже еще что-то кричали. Потом спустились к реке и поехали вдоль нее. Потом был мост, очень старый и полуразрушенный. Здесь жук сказал кроту сбавить скорость, потому что в том месте можно было легко ошибиться и упасть в реку. А затем, по уже совершенно прямой и асфальтированной дороге, понеслись на полном ходу к городу.

Там они быстро нашли нужную аптеку, а в ней и лекарства, название которых жук также подсмотрел в энциклопедии. И крот уже сам тогда полез за этими лекарствами, и даже, рискуя упасть,

взобрался на очень высокую полку, на которой эти лекарства лежали. Жук же сначала направлял его, а затем ждал около мотоцикла. И когда крот уже вернулся к нему и крепил лекарства к багажнику, сказал:

— Ты знаешь, а мне вот теперь кажется, что я и сам могу отличать «живые» вещи от «неживых». Я тут пока тебя ждал, все на мотоцикл смотрел и заметил, что он, пусть совсем и немного, но подергивал своими зелеными колесами, а еще, чуть заметно мигал включенной передней фарой.

На это крот ничего ему не ответил, потому что очень спешил. Он просто залез на мотоцикл и включил единственную переднюю передачу. И на этот раз мотоцикл загудел уже совсем не так, как положено. Он, то ли работал немного тише, то ли вибрация от него стала слабее, но когда крот с жуком подъехали к тому мосту через реку, он совсем перестал тянуть. Отчего, хотя все еще и работая, остановился на месте как вкопанный.

— Ой-ей-ей, — запричитал майский жук, — это у него заряд, наверное, кончился. Как же мы теперь до дома-то доедем? Бедная девочка, ведь она же теперь погибнет.

— Да погоди ты отчаиваться, — ответил ему крот, — может он еще и заработает, а может кто-нибудь другой нам поможет.

— Никто нам не поможет, — теперь уже едва не проплакал майский жук. — А наоборот, скоро сильный дождь, наверное, будет. И все тримы по своим домам разошлись. Вон, — он указал лапкой на небо, — туча какая огромная. Как бы нам самим с тобой теперь не погибнуть…

Однако он не успел тогда договорить, потому что сильнейший порыв ветра отбросил его сначала в сторону, а затем быстро закружил вращающимся вихрем и унес куда-то прочь. А крота, который так и сидел на мотоцикле, понес к опасному мосту. Но крот отчего-то не упал с него в воду. А напротив, все дырки и щели очень ловко объехал, после чего понесся вдоль берега реки, а затем уже и по проселочной дороге к дому девочки.

И он успел тогда вовремя. Потому что ей хотя и стало хуже за время их отсутствия, но все-таки, не слишком. Когда же он сделал все, что требовалось, и дал ребенку нужное количество лекарства, крот вылез во двор дома и сел там передохнуть. К нему подлетел его приятель, майский жук, который сумел наконец-то выбраться из воздушного водоворота и, едва переводя дыхание, спросил:

— Да как же ты доехал до дома без меня, ведь я же совсем тобой не управлял?

— Как не управлял, — не понял серый крот, — а кто же мне жужжал все это время? Да так, что я чуть было не оглох.

— Так это же не я, — жук аж присел на задние лапки от удивления, — это… — он посмотрел на мотоцикл, но не нашелся что сказать.

А сам мотоцикл, в тот момент все еще заведенный, действительно слегка подергивал своими зелеными колесами и почти незаметно мигал включенной передней фарой.

26. Помню… с облаками

«Что за удивительный корабль, — думал про себя Мит, пока драил палубу, — причем с виду-то неказистый такой, а скорость развивает бешеную. Вон он как прямо волну разрезает, — он осторожно выглянул за борт. — Да еще и название такое чудное — Зовущий».

И действительно, корабль, на котором сейчас работал Мит был весьма необычным. По виду, так простой трехмачтовый парусник, но скоростной, конечно. Корвет или клипер, кто сейчас разберет, особенно после переделки. Однако изначальных качеств совсем не утративший, а напротив, после модернизации ставший еще более быстрым. Да и капитан его — старый бородатый моряк, загорелый как смоль и буквально просоленный насквозь, ведь он же буквально жил морем, а на сушу выходил лишь для того, чтобы выгрузить товар или получить новую его партию. К тому же работа на этом корабле была делом весьма престижным и далеко не всякий матрос мог на это рассчитывать. Во-первых, потому, что здесь платили больше чем где-либо. А во-вторых, слава. Ведь этот корабль был почти знаменитым. Все его знали, и прежде всего потому, что он быстрее остальных любой груз доставлял, а еще никогда не попадал в ураганы.

В этом была, прежде всего, заслуга самого капитана, конечно, который словно бы носом чуял какой курс выбирать. Но ведь остальные капитаны не могли так же как он, хотя не меньше времени проводили на своих посудинах. Причем Мит уже и сам не раз задавался подобным вопросом, да и у других моряков выспрашивал: в чем секрет, почему их корабль такой, ну просто невероятно везучий. Ведь едва лишь хоть где-нибудь возникал шторм или ураган, как их капитан уже словно заранее все знал и, естественно, прокладывал такой курс, какой требовалось. Но Миту на его вопросы никто, конечно, ответить не мог. Матросы только недоуменно пожимали плечами да посмеивались. Ну хорошо нам всем на этом корабле служить, словно бы говорили они, так чего тебе еще-то надо.

Вот и сейчас Мит уже в который раз внимательно разглядывал свой корабль и вновь удивлялся его скоростным качествам. А заодно драил палубу, с рвением и азартом возя шваброй туда и сюда. Пару раз ему пришлось, по просьбе самого капитана, заглянуть даже в его каюту и убираться уже там. И в общем-то, в этой каюте все было так же, как и во всех прочих капитанских каютах, в которых Миту уже приходилось бывать. За исключением, пожалуй, лишь одной необычной детали.

Большой груды увесистых булыжников в самом дальнем ее углу. И эта груда ну никак не гармонировала с остальным, в общем-то, образцово показательным убранством всего помещения. Но Мит и об этих камнях спрашивал уже. И матросы, несколько замявшись, все-таки ответили ему, что по их мнению, эти камни как раз и были причиной их удивительного везения. И что капитан каким-то образом, именно по ним и предсказывал погоду. Однако, все это слишком уж походило на нелепые выдумки и суеверный бред. Отчего Мит отмахнулся от таких объяснений и именно тогда, кстати, и решил разузнать обо всем сам.

Буквально на следующий же день, разделавшись со своими обязанностями, он специально проследил за капитаном. И когда тот находился где-то на носу корабля, отдавая распоряжения, незаметно проскользнул в его каюту. Там он первым делом решил осмотреть все те же большие увесистые камни, которые все так и лежали в дальнем углу у окна. Но нет, это были на вид самые простые, обыкновенные округлые камни, которые ничем не отличались от других таких же, валявшихся на побережье. Тогда Мит начал рыться в разного рода судоходных бумагах, которые в беспорядке лежали на капитанском столе. Но и в них не нашел ничего примечательного. Тогда он решил рискнуть уже всем и даже своей службой на этом корабле, отчего забрался в платяной шкаф, что стоял неподалеку от входной двери и уже там, затаившись среди офицерских плащей и камзолов, затих.

И прошло, наверное, еще часа два или три, и было уже довольно поздно, когда он услышал наконец уверенные и громкие шаги капитана, возвращавшегося в свою каюту. А еще через некоторое время капитан, по всей видимости, стянул свои тяжелые кожаные сапоги, а сам завалился на дубовую кровать, которая под ним отчетливо заскрипела. И Мит начинал потихоньку подумывать, что зря, наверное, затеял всю эту авантюру со слежкой, как вдруг, уже ближе к полуночи, капитан отчего-то поднялся со своей скрипучей кровати и настежь распахнул одно из боковых поворотных окон. Мит же осторожно, чтобы его не заметили, наблюдал за ним через узкую щель между дверцами платяного шкафа. Тем временем капитан подошел к огромной куче округлых камней в углу, взял один из них, что потяжелее, приблизился к распахнутому настеж окну и, постояв так некоторое время… выпрыгнул наружу. Мит и сам не смог тогда понять как все-таки сдержался и не вскрикнул, ведь капитан-то обрек себя на верную гибель. Но все-таки, и теперь ничего не опасаясь, он выскочил из своего платяного шкафа и выглянул в окно. Однако там почти ничего уже не было видно:

одни лишь облака, подгоняемые очень сильным порывистым ветром, черный океан, да молодую луну, освещавшую неровным белесым светом весь этот жутковатый ночной пейзаж.

И вдруг, причем совсем неожиданно, и прямо вверх из под воды, как иногда это делают рыбы, вылетело нечто. Мит не понял в точности, что именно. А затем и стало хаотично метаться по небу словно бесплотная невесомая тень, иногда залетая в облака, а иногда опускаясь почти до гребней волн. Мит пригляделся и, — просто-таки раскрыл рот от изумления. Это был их капитан. Он, словно неведомая, огромная морская птица скользил сейчас по воздуху. Причем перемещался он невероятно быстро. А затем, в добавок ко всему, еще и завыл. И это был ужасно странный вой, тоскливый, отрешенный. Как будто кто-то звал кого-то или тягостно стонал. Мит вздрогнул. «Уж не по этой ли как раз причине так и назвали наш корабль — Зовущий», — подумал он, пытаясь все же осознать увиденное.

Наконец невиданная тень проделала еще один изломанный пируэт над кораблем, а затем, и прямо со всего размаха, влетела во все еще распахнутое настежь боковое окно каюты. Причем Мит и сам едва успел тогда отскочить в сторону, потому что тень его явно не видела. Подойдя к кровати, он обнаружил на ней все того же своего капитана, который лежал теперь на ней весь мокрый. А еще капитан негромко повторял одну непонятную фразу: «Помню… с облаками, помню… с облаками». И все. Ясно было, что капитан находился в бессознательном состоянии. Не зная что и делать, Мит прошел к умывальнику, который находился около окна, и намочил под ним платок, чтобы положить его на лоб страждущему. Однако, когда он повернулся, то увидел, что капитан уже пришел в себя и, чуть привстав на локте, смотрел на своего гостя очень внимательно, при этом хмуро насупив брови.

— Теперь ты знаешь мой секрет, — произнес капитан с явной угрозой, — а оттого покинешь мой корабль. Я высажу тебя на берег в первом же порту, где мы причалим. Но чтобы ты не чувствовал себя обиженным, выплачу все жалованье за несколько недель вперед. И еще, — он заговорил немного тише, — расскажу тебе свою историю. Но это вовсе не потому, что ты меня так ловко выследил. А просто мне необходимо это сделать. Иначе я и сам не выдержу, и попросту сойду с ума.

После этого капитан тяжело вздохнул, немного приподнялся на кровати и, накинув на себя тряпичное, но очень толстое одеяло, приступил к короткому рассказу.

— Я тонул тогда, — начал он безо всякого вступления, — как и вся моя команда. В ту ночь мы огибали острый мыс, за которым

находилась наша бухта. Причем там близко было все. И мы прекрасно видели и свет от маяка, и даже бегавших по берегу людей. Но, не судьба. Корабль наш налетел бортом на рифы, отчего стал медленно тонуть. И множество водоворотов было там. И от уходившего в пучину корабля, и от прибрежных переменчивых течений. Поэтому спастись из нас не мог никто. И вот, простившись было с жизнью, и очутившись под водой, я вдруг увидел серого дельфина. Я знал, что эти странные зверюги действительно спасают моряков, выталкивая их носом на поверхность. Но в тот раз все случилось по-иному. Дельфин сначала глянул на меня, потом негромко свистнул, и заговорил. «Я подскажу тебе как выбраться отсюда, — сказал он чуть пощелкивая, — но времени в обрез. Ты должен отсчитать свой возраст так, чтоб пропустить одно число — тот год, когда впервые вышел в море. И ты тогда сам станешь легче перышка и океан сам вытолкнет тебя. А в воздухе, на высоте, у тебя останется так много времени, как долго ты находишься внизу. Но в это время ты не должен думать. Поскольку мысли над водой вернут твой прежний вес и ты мгновенно рухнешь вниз». И все. Дельфин неторопливо повернулся, махнул мне на прощание своим раздвоенным хвостом и скрылся где-то в глубине.

Я сам не мог тогда понять, как выбрался на берег. Поскольку после разговора с тем дельфином и до своего чудесного спасения не помнил вовсе ничего. И только через несколько часов я начал вспоминать. И это было что-то, — капитан опять вздохнул. — Я вспомнил как поднялся над водой. Я вспомнил ветер, небо и луну. Про темные и кучевые облака. И эти облака как будто разговаривали в небе. Они там перешептывались тихо, а некоторые обращались и ко мне. А я их слушал. И столько всего удивительного услышал я от них ту ночь, что даже передать нельзя. И о штормах, и волнах, и о ветре. А также, — океане. О его извилистых течениях и невероятной глубине, о силе и спокойствии. Некоторые из них шептали, где скоро будет буря, а другие говорили, где вновь случится штиль. Одно большое облако шепнуло мне случайно, что видело как мой корабль тонул и как он налетел на рифы. А еще оно тогда сказало, что все погибшие матросы принадлежат теперь воде и океану, а сами тучи их прекрасно слышат.

В этот момент Мит все же не выдержал и спросил:

— Слышат голоса, но как такое возможно? Ведь они же все умерли.

А капитан посмотрел на него как-то странно и продолжил:

— Да, умерли, утонули. И океан теперь их могила. Они все принадлежат теперь ему. А оттого, он знает. Он все про них знает.

А тучи? Ну откуда же они берутся, если не из океана. А значит они тоже про них знают и тоже рассказывают. Вот только их никто не слышит и не понимает. А я все слышал, но ничего не мог сказать. И как бы я хотел тогда задать всего один, но самый важный для себя вопрос: «Что с моей командой, может быть хоть кто-то уцелел? Или же все в ту ночь погибли?» Но нет, я мог лишь только вспоминать. И все.

Ну а теперь, — капитан отбросил в сторону одеяло, — пора прощаться. И очень прошу тебя, прояви учтивость, не беспокой понапрасну память погибших, и не рассказывай никому об этой истории. Ведь океан знает и тучи помнят, а ветер рассказывает.

Но Миту и не надо было ничего объяснять. Поскольку он и без предупреждения прекрасно все понял. Что столкнулся с силами настолько могущественными, что даже сама мысль о том, чтобы встать у них на пути, приводила его в настоящий ужас. А оттого он никому тогда не рассказал. Хотя еще в течение целого месяца находился на этом корабле. И только лишь изредка по ночам, когда слышал далекое то ли завывание, то ли печальный призыв, с тревогой вспоминал об услышанной странной истории.

27. Сидящие

Трава в поле была высокой. И это несмотря даже на то, что в этом году было очень мало дождей. Двое мальчишек примерно одного роста, но только разной комплекции, прокладывали свой путь через эту траву, буквально утопая в ней с головой. Иногда, чтобы сориентироваться, один из них, что был покрепче подпрыгивал вверх. И за время прыжка умудрялся окинуть взглядом все поле. После этого он обычно корректировал направление, куда им нужно было идти, и оба мальчика, немного повернув в ту или иную сторону, продолжали двигаться дальше.

— Я не знаю точно, — прервал наконец затянувшееся молчание коренастый мальчик, — когда мы с тобой до туда дойдем. Я просто и сам там был всего-лишь один только раз, да и то мимоходом. Мы тогда с отцом из леса домой возвращались, и я заметил как раз то сияние.

— Сияние, — повторил за ним задумчиво худощавый мальчик, — это, конечно, для нас хорошо, поскольку свет виден издалека. И нам не придется здесь слишком долго блуждать.

— Это еще как сказать, — ответил его компаньон, раздвигая палкой, что была при нем высокую траву. — Тут дело в том еще, что сияние это очень слабое, а оттого заметно только в темноте. Но я помню то место, куда нам надо идти, а поэтому мы с тобой не заблудимся.

Худощавый мальчик на это ничего не сказал, а только вздохнул еще один раз по своей, очевидно, укоренившейся уже привычке, и проследовал за своим приятелем. Поле, по которому они теперь шли, хотя и показалось им сначала весьма нешироким, на самом деле было ну просто бескрайним. В особенности, если брать то направление, которого они придерживались. Поэтому прошло не менее двух или трех часов, и на западе солнце окрасилось уже в красно-оранжевый цвет, когда молодые тримы подошли наконец к краю этого поля.

Немало уставши, они присели передохнуть, а заодно и подкрепиться немного. У них, как это обычно и бывало, из съестного оказались лишь остатки той еды, которую они сумели утащить с обеденного стола. Причем они не раз уже так делали, отправляясь в какое-нибудь длительное путешествие. Иногда, конечно, они прихватывали с собой еще что-нибудь и с огорода. Но на этот раз, опасаясь внимательного взгляда родителей, которые словно бы носом чуяли, что их чада замышляют очередную авантюру, не стали ничего рвать.

— Я тебе вот что скажу, — произнес коренастый мальчик,

которого звали Тим, — все это, — он указал на далекий горизонт, окрашенный теперь уже пурпурным и розовым, — ни с чем другим сравнить нельзя. И пусть меня даже наругают завтра сильно, однако я все равно буду вот так убегать на природу и исследовать ее.

— Дело это, конечно, хорошее, — деловито ответил ему его приятель, имени которого почти никто не знал, а именовали его лишь по кличке: Спица. — Однако нам с тобой сейчас, я думаю, стоит больше заботиться о том сиянии, про которое ты говорил. И чтобы в сумерках, которые уже вот-вот наступят, мы с тобой его не пропустили. Поскольку в этом случае, нам никакое сияние уже не поможет.

— Ерунда, — ответил ему Тим, засовывая очередной кусок пирога себе в рот, — мы его в любом случае найдем. Потому что именно по этому краю поля мы с отцом как раз и шли тогда из леса.

Молодые тримы не стали слишком углубляться на этот раз в тему беседы. А просто начали периодически подниматься с земли и смотреть по сторонам, в надежде в сгущающихся сумерках обнаружить таинственное сияние. Наконец худощавому мальчику все это надоело и он пошел посмотреть, что было вокруг них. Однако, не пройдя и сотни шагов, он окликнул своего приятеля и подозвал жестом к себе.

То что он увидел тогда не было чем-то примечательным. Это была всего-лишь обитая железом деревянная дверь, которая находилась в самом конце сухого оврага, опаясывавшего огромное поле. Причем в этом месте овраг углублялся, а оттого и дверь, которая была высотой примерно метра два, полностью уместилась в нем не будучи заметной с поверхности. Наконец Тим подошел к нему. Мальчики еще некоторое время смотрели в задумчивости на обитую железом таинственную дверь, словно даже и не зная, что им теперь делать. И все же первым пришел в себя Спица, который молча, и не глядя на своего друга, взял увесистый округлый камень, что лежал неподалеку и, подойдя к таинственной двери, ударил им по железному замку. Замок, на который была закрыта дверь, был очень старым, а оттого даже от этого, далеко не самого сильного удара, буквально рассыпался на части. И все же мальчишкам пришлось немало потрудиться еще, чтобы открыть проржавевшую дверь.

Она, очевидно из-за того, что была слишком долго закрыта, перво-наперво совершенно не хотела им поддаваться. И только когда мальчики соорудили себе из толстой палки и все того же камня некое подобие рычага, поддалась наконец, и с совершенно невероятным и пронзительным скрипом открылась. То, что

мальчишки увидели за скрипучей дверью никак нельзя было назвать иначе, кроме как кромешной и совершенно черной пустотой. И хорошо еще, что Тим, зная уже, что им придется блуждать впотьмах, прихватил с собой фонарик. Однако, когда он его включил уже, его неожиданно остановил Спица, который потянул его за рукав, шепча при этом:

— Смотри, смотри, вон, кажется, то самое наше сияние, — он указал куда-то в сторону близлежащего перелеска. — Я вижу его, хотя и не слишком отчетливо.

А Тиму, ну что ему оставалось делать, лишь только подчиниться настойчивому жесту приятеля, который все с большей силой тянул его в другую сторону и, вглядевшись в сгущающиеся сумерки вечера, согласиться с ним. Что да, мол, это оно самое сияние и есть.

После того как выбрались изо рва, мальчишки подошли к сиянию, которое, как они сразу же увидели, не было бесформенным, а представляло из себя большой, флуоресцирующий купол. Этот купол очень медленно и почти незаметно для глаза переливался различными оттенками синего и фиолетового цвета. И если сравнить его с чем-то из обыкновенного, привычного нам мира, то был похож на переливающийся только лишь двумя цветами радуги огромный надувшийся пузырь на воде.

Мальчики прошли сквозь него. Потом постояли внутри, обсуждая, что же это такое могло бы быть. Но так и не придя к единому мнению, решили остановиться на той мысли, что это какое-то загадочное природное явление. Осмотрев светящийся купол с разных сторон, они хотели было уже повернуть по направлению к дому, когда Спица вдруг вспомнил про ту железную дверь и о проходе за ней.

— Слушай, Тим, — сказал он отчего-то шепотом, — а пошли все же посмотрим, что там находится. Вдруг мы найдем что-нибудь ценное. Ведь ту дверь не открывали уже очень давно, а значит все, что там находилось внутри осталось нетронутым.

А Тим и не собирался нисколько спорить с приятелем, поскольку и сам хотел исследовать тот подземный и темный проход. Спустившись вниз все в тот же ров, приятели осторожно прошли за открытую дверь и погрузились в кромешную тьму. Луч фонарика, который был в руках у Тима, неровным светом освещал запыленные стенки прохода, который оказался отчего-то каменным. Пройдя так, причем стараясь ступать как можно тише и глядя себе под ноги, метров двести, приятели вдруг вышли в огромный и, очевидно, идеально круглый бетонный зал, дальней стенки которого даже в луче фонарика они не могли как

следует рассмотреть.

Испугавшись сначала, они все же не повернули назад, хотя на мгновение Спица и дернулся в сторону каменного прохода. Но Тим, удержал его на месте, прошептав прямо в ухо: «Не бойся, здесь нет ничего особенного. Обычный зал, каких очень много под землей, и который когда-то построили люди». И только лишь Спица, да и сам Тим, если уж говорить откровенно, успокоились, как луч их фонарика вдруг высветил из темноты какую-то серую, неподвижную и явно сидящую фигуру.

Приятели на этот раз уже так испугались, что тут же хотели бежать, но в этот момент все помещение, причем целиком, осветилось достаточно ярким флюоресцирующим светом. Мальчики не могли уже просто бежать. Причем не от страха даже, а от какого-то внутреннего оцепенения, которое перемешивалось с любопытством. Они оглянулись назад и, посмотрев в сторону зала, увидели опять синеватую полусферу, очень похожую на ту, что видели наверху, однако теперь уже перевернутую. Можно было подумать даже, и эта мысль пришла им обоим в голову, что это была все та же сфера, что на поверхности, но только-лишь нижняя ее часть.

Посмотрели они и на то, что находилось в бетонном зале и было теперь уже хорошо освещено. А были это, прежде всего, все те же фигуры, но только в количестве двадцати или тридцати штук, очень похожие друг на друга, одну из которых они увидели еще в свете фонарика. И эти фигуры сидели вокруг светящейся полусферы, не обращая на них никакого внимания. При том, что глаза у них у всех были открыты.

Удивившись немало тому, что здесь находилось, приятели разом подумали: «Да как же они все тут сидят вот так взаперти и не выходят наружу?» Причем, то ли эта мысль столь отчетливо отразилась у них на лицах, то ли эти странные фигуры обладали телепатическими способностями, однако почти сразу после этого, причем оба мальчика услышали беззвучный, но вполне ясный ответ:

— Мы очень давно здесь сидим, — сказал кто-то монотонно, — уже не одну сотню лет. Ведь в центре этого зала есть специальное отверстие, через которое сюда поступает особый пар. Вдыхая его мы можем утолять не только жажду, но и голод. И более того, вдыхая постоянно этот пар, мы никогда не старимся.

— Как интересно, — произнес теперь уже вслух оторопевший Тим, — так значит вы бессмертные?

— О, да, — ответил ему кто-то другой все так же монотонно. — И мы счастливейшие существа на всей Земле,

поскольку видим все и знаем. Для этого нам служит фиолетовая сфера, которую вы видите здесь. Другая же ее часть находится на поверхности, и переносит к нам сюда все знания, которые на ней накапливаются. Мы знаем, например, кто вы и откуда к нам пришли. А также знаем все о тех местах, которые находятся отсюда далеко. Мы видим их и созерцаем беспрестанно. А кроме этого накапливаем глубокую и непередаваемую мудрость.

— Но как же вы вот так сидите здесь все время неподвижно? — спросил теперь уже Спица, который немного осмелел. — Ведь это совершенно невозможно так сидеть.

— Мы должны это делать, — ответил ему монотонный голос. — Поскольку только не двигаясь совсем, можем видеть этот мир не размытым. И стоит нам хоть ненамного сдвинуться с места, как тут же картинка на сфере станет неразборчивой, и мы не увидим больше ничего.

— Как жаль, — снова произнес Спица, из любопытства подойдя к светящейся сфере и дотронувшись до нее.

И в этот момент он вдруг почувствовал себя настолько странно, а только что заданный им вопрос показался ему таким глупым, что даже тихо хмыкнул. И вместо ожидания ответа, сам вдруг произнес:

— Да-а, — сказал он тихим шепотом, — теперь я понимаю вас, — он окинул взглядом сидящих. — И я даже хочу остаться с вами здесь. Причем навсегда. Ведь это именно то знание, к которому я всю жизнь стремился, и которого самостоятельно никогда бы не достиг.

И вот тут уже, причем по-настоящему испугавшись за своего друга, к нему буквально подскочил Тим.

— Да что ты, что ты такое говоришь вообще? — произнес он едва ли не с ужасом. — Да ты посмотри только на эти фигуры, — он повел рукой. — Ведь это кошмар какой-то так жить. И так жить нельзя. Ведь у них и глаза неподвижные, и руки, и лица. Они словно каменные изваяния здесь, которые никогда больше не выйдут наружу. И разве это жизнь вообще? Да лучше сразу умереть, чем вот так сидеть здесь в подземном зале. Ты вспомни про своих родителей, которые тебя так любят, вспомни про сестру, с которой вы недавно помирились. Да вспомни хотя бы про свою собаку, Дружка, который тебя сейчас, наверное, ждет.

И именно упоминание собаки, как ни странно, подействовало в тот момент на Спицу, который оторвал свои руки от прекрасной сферы и, словно очнувшись от приятного сна, посмотрел вокруг.

— Да, да, — произнес он теперь уже громко, — моя собака. Ведь она же будет скучать без меня. И будет искать везде. А если не найдет, то может, наверное, даже погибнуть.

И он окинул теперь уже новым взглядом сидящие вокруг прекрасной сферы неподвижные фигуры, после чего потянул своего приятеля за рукав, давая тому понять, что хочет идти к выходу.

Мальчишки вернулись домой еще затемно той же ночью. И конечно же получили хороший нагоняй за то, что ушли так далеко без спроса. Вот только Спица, когда его ругали, не отнекивался совсем, и не оправдывался по своей привычке. А отчего-то плакал. И это — чего его родители никак не могли понять — были слезы радости, невероятного счастья, что он вернулся домой к семье, и избежал, наверное, самой страшной участи, которая могла бы его постигнуть.

28. Механическое ничто

Праздник сбора урожая удался на славу. И все, кто пришел на него остались довольны. Там были тримы не только из той деревни, которая праздновала, но и из других, окрестных деревень. Были даже два трима из совершенно неизвестной области, названия которой никто и никогда не слыхивал. Пляски, песни и веселье перехлестывали через край. Причем все продолжалось не только днем, но и ночью. Пиво текло рекой. Ром, эль и другие напитки поглощались в количествах неисчислимых. Мяса же, картошки и свежеиспеченного хлеба было более чем достаточно. Два трима, один местный, одетый в грубый рабочий комбинезон, а другой, по всей видимости, пришлый, изрядно захмелевшие уже или просто подуставшие от бесконечных плясок и веселья, разговорились.

— Все это чудо какое-то, — сказал пришлый трим, вытирая рукавом пивную пену со рта. — Я уже два дня тут, а праздник все никак не кончается. Можно подумать даже, что в этой деревне вообще никто не работает.

— А что нам еще делать-то? — спокойно ответил ему местный трим. — Урожай давно собран, поэтому нам только веселье теперь и остается. И кроме того, — он отхлебнул еще пива, — здесь ведь действительно никто особо себя не утруждает. Но ты, как я погляжу, — он посмотрел на собеседника, — вообще ничего о нас не знаешь. Так слушай же. Хотя, нет, — он вдруг встал, — пойдем-ка лучше ко мне в дом, я там тебе все покажу.

Пьяная парочка поднялась с бревна, на котором до сих пор сидела, и кое-как, покачиваясь из стороны в сторону, направилась к дому местного трима. Там он представился гостю:

— Химей, меня зовут Химей, местный кузнец, — тут он икнул и добавил, — в прошлом. А сейчас я настоящий инженер. И все это, как ты выразился, «чудо», дело моих рук.

— Как так? — не понял пришлый трим.

— А так, — ответил ему Химей. — Ведь в этой деревне все хотя и отмечают праздник сбора урожая, но на самом-то деле почти никто не работает. А все потому, что я книги нашел. Еще три года назад это было. Я тогда в городе жил. Не долго, конечно. Так вот, там-то я эти книги по аграрной механике, как ее еще люди называли, и обнаружил. И знаешь, что я тебе скажу, — Химей покачал головой, — это было что-то. Люди эти большие мастера были и много чего интересного придумали. И сеялки там разные и молотилки. И даже картофелекопалки. Так что теперь у нас на полях одни только машины и работают. Нет, я конечно,

немного модернизировал их, ну, чтобы управлять постоянно не надо было. Но во всем остальном, они теперь сами. Наше же дело, только включать их по утрам и выключать вечером. Да еще бензином заправлять и маслом смазывать.

— Ух ты, — удивился пришлый трим, — как здорово. А можешь ты и меня научить такие машины строить?

— Да запросто, — ответил ему Химей. — Вон, видишь, полка с толстыми книгами. Так вот, там у меня все эти книги по аграрной механике и стоят. Ты их бери и читай. А я, если что непонятно будет, тебе объясню.

На это пришлый трим, несмотря на то, что все еще был в сильном подпитии, подошел к указанной полке и стал читать книги. Читал он их, конечно, не так как раньше люди делали. А просто водя по ним своими пальцами. Наконец он закончил с первой.

— Слушай, — сказал он, — здорово. Теперь я у нас в деревне тоже такую машину построю. Но только сейчас поздно уже, может лучше спать пойдем, а остальные книги я завтра с утра почитаю, когда голова посвежее будет.

— Да, конечно, иди, — ответил ему Химей. — Хочешь, можешь даже у меня оставаться на ночь. Вон там в дальней комнате кровать свободная есть, там и ложись.

Пришлый трим поблагодарил Химея за гостеприимство и пошел в ту комнату. По дороге он разглядывал всякие картины, что висели на стенах дома, да какие-то схемы и чертежи. Особенно бросился ему в глаза один, то ли чертеж, то ли формула. И пришлый трим все никак не мог это понять. Отчего подошел к схеме, что была в красивой деревянной раме и спросил у хозяина. Однако тот слегка замялся и хотел было уйти от ответа. Но пришлый трим проявил настойчивость.

— Ладно, — согласился с ним Химей, — расскажу я тебе об этой формуле. Но только ты все равно в ней ничего не сможешь понять. И это не потому что ты глупый такой или мало чего знаешь, нет. Я и сам, признаться, совсем ее понять не могу.

На это пришлый трим, то ли спьяну, то ли от некоторой обиды на хозяина, взял и провел пальцем по листу с формулой. А Химей хотел было его остановить, но не успел. Он лишь успел подхватить пришлого трима под руки, когда тот начал падать, после чего буквально отволок того в соседнюю комнату, где и положил на кровать. И только лишь примерно через полчаса, пришлый трим наконец пришел в себя и уставился на Химея в недоумении. А тот даже и вопросов дожидаться не стал, а сразу приступил к рассказу.

— Эта формула, — начал он, — особая. И произвела ее, то есть вычислила, одна машина. Одна из тех, что я сконструировал. Вот только машина эта не совсем обычной была. Я ведь, ну примерно как и многие другие тогда, задумался как-то, а вот было бы здорово, если бы машины вообще сами все делали. И пололи грядки, и убирали урожай, и даже сами себя постоянно обслуживали. Заправлялись чтоб, чинились и улучшали свои механизмы. И долго я бился над этой задачей. Но все же управился. Машина, которая абсолютно сама все делала, была наконец построена. И очень красивой получилась она и ладной. Такой, что даже я сам ею залюбовался.

Но прошел день, а за ним и два, и начал я замечать, что машина моя меняться стала. Она теперь работала намного быстрее и более качественно. Некоторые агрегаты и механизмы она сама себе поменяла, а иные и модернизировала. Работать она теперь стала за две, а вскоре и за три машины. Но и на этом не остановилась. Многое она в себе упростила и сделала более эффективным. А затем, в один прекрасный день… — Химей отчего-то вздохнул, — и запела. Да-да запела. И это было такое прекрасное пение, которого я никогда в своей жизни не слыхивал. Еще примерно через неделю она рисовать начала. А затем и книжки писать. Да вот, кстати, все эти картины, что у меня на стенах висят — ее, если можно так сказать, рук дело.

И с каждым днем она все более и более сложную работу выполняла. Хотя сама и упрощалась при этом. У нее сначала было очень много разных узлов и деталей. А под конец, — Химей опять вздохнул, — всего две шестеренки. Да, — он глянул на пришлого трима, — всего две. Они и сейчас еще работают и что-то там делают, правда, я не знаю, что именно. А как, — это уж ты у меня даже и не спрашивай.

— А где теперь эта машина? — заинтересованно спросил пришлый трим, который к тому времени уже совершенно протрезвел.

— Да там, на пригорке, — ответил ему Химей, махнув рукой. — Но прошу тебя, не уговаривай ты меня, чтобы я тебе ее показал. Потому что я даже смотреть на нее теперь не могу.

— Почему это? — не понял пришлый трим.

— Да потому… а впрочем, — Химей встал, — если хочешь, то иди туда и смотри на нее сам. Я же тебя в сторонке подожду.

И вот они пошли вместе к той машине. Подойдя к холму, Химей, как и говорил, остановился, а пришлый трим пошел вперед. Там он увидел две небольшого размера блестящие шестеренки, которые медленно вращались прямо в воздухе, цепляясь одна за другую зубьями. Трим пригляделся. Ему отчего-

то показалось, что с этими шестеренками было что-то не так. И точно, в белесом свете взошедшей к тому времени луны он вдруг увидел, что шестеренки эти, хотя и соприкасались друг с другом, но обе вращались в одну сторону. Трим протер глаза. Нет, он не ошибался. «Но ведь это невозможно, — сказал он сам себе, — как же их не заклинивает?» И в этот момент у него так сильно заболела голова, что он невольно отвернулся от загадочного механизма и пошел назад к Химею. А тот, как только увидел перекошенное словно от зубной боли лицо своего гостя, так сказал:

— Вот видишь, я же тебе говорил. И я тоже не могу смотреть на эту машину. И никто не может. Ведь там, в месте где соприкасаются шестеренки, есть что-то кривое, неправильное. Там словно бы наш привычный мир нарушает свои же собственные законы и превращается в ничто. А оттого шестеренки и не мешают друг другу. И я много раз уже пытался остановить этот механизм, но у меня ничего не получалось. Он все проглатывал. То есть не перемалывал даже, а именно проглатывал, унося вещи неизвестно куда. Я туда и деревяшки разные засовывал, и железные пруты. Ничего не выходило. И только лишь через некоторое время находил под машиной: то прекрасно написанные картины, то схемы, то чертежи, то ноты. Откуда они там брались, не ясно. Но ясно одно, что теперь этот самоусовершенствованный механизм никто больше остановить не сможет. И он будет находиться здесь вечно. И что еще он изобретет никому не известно.

— Так чего же в этом плохого? — удивился пришлый трим. — Ведь эта машина ничего дурного не делает. Как и все ваши машины, которые позволяют вам теперь вообще не работать.

— Конечно, не делает, — согласился с ним Химей. — А поэтому пойдем-ка лучше назад в деревню. Какой смысл думать о том, чего мы все равно никогда не сможем понять.

После этого Химей со своим гостем пошли назад, где тримы все еще весело праздновали день сбора урожая. Замечательного урожая, которого они не выращивали и не собирали.

29. Конфеты

Этот зверь ему уже надоел. С самого утра крутился под ногами и так и норовил под инструмент попасть. Крумо посмотрел на него. Ласка, которая сейчас сидела на коротком обструганном бревне, что он только что пилить начал, тоже на него посмотрела. Она теперь словно бы буравила его своими маленькими черными глазками, да ушами чуть шевелила. А потом вдруг вытянула вперед острую рыжую мордочку и сказала:

— Дай конфетку.

Крумо задумался: «И что за странный зверь, ведь привело же его что-то в нашу деревню. Может и вправду, хотел себе пропитание найти». Он похлопал себя по карманам. И точно, в правом кармане штанов у него обнаружилось несколько помятых и сильно запачканных шоколадных конфет, про которые он сам давным-давно уже позабыл. «Смотри-ка, — Крумо покачал головой, — учуяла».

— Ладно, на, бери свой завтрак, — он протянул зверьку его конфету, — только смотри, держись от меня подальше, а то как бы я по тебе не попал.

На это ласка ничего ему не ответила, а только ловко схватила конфету зубами и длинными быстрыми прыжками поскакала обратно в лес. Проводив зверька взглядом, Крумо вернулся к своей работе. Он, вообще, плотником был. И многие деревянные вещи, что водились в этой деревне, были делом его рук. Работа эта не сильно ему нравилась. Но поскольку он ничего другого попросту не умел, то и это ремесло также годилось для пропитания.

Покончив с бревном и, обстругав еще несколько половых досок, Крумо направился в свой дом, где во второй раз и увидел ласку. Она сидела теперь прямо у него на столе и все по-прежнему внимательно на него смотрела.

— Ну, что тебе опять, — спросил Крумо улыбнувшись, — еще конфету?

— Да, — ответил ему зверек все так же коротко и еще чуть склонив голову набок.

Крумо не стал жадничать. Он отдал зверьку его лакомство, а сам уселся за стол обедать. После обеда, который загодя сам себе и приготовил, он пошел погулять. И был уже ранний вечер, и начинало смеркаться, когда Крумо вновь вернулся к себе во двор. Где опять и увидел ласку. Но на этот раз он уже совсем не удивился, а просто отдал ей еще одну конфету, прибавив

к тому же: «Эта последняя, так что больше не проси». После чего поделал еще кое-что незначительное у себя по хозяйству и спокойно отправился спать. Спать он ложился рано, потому что разговаривать ему было совсем не с кем. Жил Крумо один и, в общем-то, нисколько не переживал по этому поводу. Хотя иногда он все-таки поглядывал на остальных тримов, своих сверстников, которые к тому времени успели уже переженится, а кое-кто так и детей завел. Однако сам он отчего-то не хотел ничего подобного, предпочитая оставаться в одиночестве.

Тихо поскрипывал старый дом, а за окном совсем стемнело. И Крумо уже спал давным-давно, когда свежий ветер прохладный и тихий почти незаметно открыл маленькую форточку в его окне, а затем и дверь в его спальню. Этот ветер прилетел издалека, из северных пустынных стран, где тримы вообще никогда не жили. В этих странах были лишь высокие горы, громадные и неприступные, да белые снега бескрайние и холодные. И Крумо словно бы почувствовал присутствие в комнате этого ветра, потому что немного поворочался прямо во сне и, чуть подоткнув под бок, завернулся поплотнее в свое теплое шерстяное одеяло. Ему снился его двор, аккуратный и ухоженный и такой привычный плотницкий верстак, за которым он сейчас стоял. Соседи, которые к нему приходили, прося сделать то или это. А иногда и просто починить какую-либо вещь. И все у него было хорошо и спокойно. Так, как и всегда, сколько он себя помнил пока жил в этом старом доме.

И вдруг, причем не то, чтобы нечто странное произошло, а что-то такое, чего он сразу и не разобрал. Красная капля, большая и темная упала на его верстак. А затем еще и еще. И Крумо уже, как кажется, начал даже догадываться, что это такое было, но в немом оцепенении все еще продолжал смотреть на густую блестящую лужу, медленно расползавшуюся по его верстаку. Кровь — да, это точно была она. Но откуда? Крумо все пытался сообразить. Да откуда же еще, как не из его руки. Он посмотрел на руку. Да нет, с ней было все в порядке. Рукав рубашки закатан, порван вот только в нескольких местах, но что ж с того. Крумо поправил рукав. И тут же буквально отшатнулся назад. Красный след, большой и жирный остался на его рукаве.

Теперь все стало ясно. Немного опасаясь увидеть нечто страшное, Крумо перевел взгляд на другую руку. И… чуть было просто не упал в обморок. Потому что увидел такой глубокий порез, которого и представить себе даже не мог. Его рука оказалась распоротой от самого локтя до кисти, отчего вдоль этого пореза, теперь уже просто настоящими потоками текла

кровь. «Да как же это я, да что же это такое? — все спрашивал он себя прямо во сне. — Не мог же я сам вот так сильно пораниться?» Крумо побежал со всех ног в свой сарай, чтобы хоть как-то перевязать рану. Однако сарай его оказался заперт. «Да что же это опять, — уже почти заругался он на себя, — ключи-то у меня находятся в доме». И он побежал скорее в дом. Но и дом его теперь был почему-то заперт. И вот уже тогда он действительно и по-настоящему испугался. Отчего во весь голос и закричал. На крик его довольно быстро сбежались соседи. Но вместо помощи, стали смеяться над ним. «Посмотрите какой дурак, — потешались местные тримы, — сам себя поранил, а теперь еще на помощь зовет». И Крумо собирался было уже им ответить что-то, но вдруг почувствовал такую слабость, что невольно опустился на колени, а затем и сел на землю. Он не мог теперь уже подняться и даже помочь себе, а оттого очень тихо, почти неслышно зарыдал.

— Съешь конфетку, — услышал он откуда-то сбоку чей-то писклявый голос.

И точно, чуть повернув голову, Крумо увидел все ту же ласку, которая приходила к нему сегодня во двор. Причем зверек этот сам теперь держал конфету в передних своих лапах и протягивал ему. Недолго думая, Крумо схватил конфету и, тут же развернув ее, быстро съел. И сразу же все пропало. И его порез, и кровь, и даже злые соседи, которые над ним потешались. Отчего Крумо встал и медленно, все еще слегка покачиваясь, пошел в свой дом. Свободно миновав входную дверь, которая теперь оказалась почему-то открытой, Крумо сел на кровать и задумался. «Что же это такое было? — пытался он сообразить прямо во сне. — Ведь не могло же мне все это привидеться? И кто, интересно знать, сейчас ходит по моему чердаку…» Он встал и прислушался. Но нет, показалось, наверное. Хотя, вот опять, словно бы тихие шаги: осторожные, крадущиеся, подозрительные. «Пойду-ка я лучше во двор», — решил он снова, но почти сразу же обнаружил, что его дверь опять заперта. А шаги? Нет, шаги только усиливались.

Вот уже кто-то пробежал по его чердаку, а вот и засмеялся. Да странно так, не подоброму. Будто кто-то над ним опять потешался. «А это то что..?» — Крумо, теперь уже холодея от ужаса, увидел, что его коврик, который лежал на полу, будто зашевелился. А потом и крышка люка в подвал чуть приподнялась и этот коврик совсем отодвинула. «Кт-то там?» — произнес Крумо дрожащим от страха голосом. Но ему никто не ответил. Тогда он медленно приблизился к люку и осторожно заглянул вовнутрь. И тут же, кто-то так громко засмеялся ему прямо в лицо и с такой

силой толкнул крышку вверх, что она совсем отворилась. Отскочив в ужасе назад, поближе к кровати, Крумо попытался схватить первое, что попалось ему под руку — свое одеяло, чтобы в случае чего кинуть хотя бы им в то существо в подвале. Но вместо этого под одеялом почувствовал нечто небольшое, но очень сильное, что едва заметно шевелилось. Отдернув руку, Крумо посмотрел на кровать и… выдохнул с облегчением. Из-под самого края одеяла, ближе к изголовью, высунулась маленькая, но уже так хорошо знакомая ему мордочка. И опять слова ласки были такими же, хотя голос ее теперь немного дрожал:

— С-съешь конфетку, — сказала она, и все.

Крумо, начиная уже понимать, что нужно было делать, буквально вцепился руками в конфету и сразу съел ее. И тут же распахнутый люк в темный подвал с шумом захлопнулся, а страшные шаги на чердаке и смех стихли. «Ну наконец-то, — обрадовался Крумо, — кончились, кажется, мои кошмары». После чего вышел спокойно во двор и сел на крылечке передохнуть. Там он увидел, что несмотря на первое впечатление, не все соседи после той истории с его рукой разошлись по своим домам. Один из них остался. Он теперь стоял возле калитки и смотрел куда-то вдаль. «Кто бы это мог быть? — с интересом подумал Крумо. — Сит или Нору. А может быть Рилле с того берега реки ко мне пожаловал». Но нет, это были явно не они. Так кто же. И Крумо уже встал с крыльца и пошел вперед посмотреть, как вдруг осознал, что этого трима он вовсе не знает. Нет, он, конечно, видел его где-то прежде, но вот только где? А трим тем временем, неспешно открыл его калитку и сам пошел ему навстречу. А когда к нему приблизился, то вытянул вперед свои запачканные мозолистые руки и все с тем же невозмутимым видом начал Крумо душить. А тот сразу даже ничего и не понял. Он и не знал, что такое еще случается в мире, отчего и не испугался совсем. И только когда наконец почувствовал, что ему уже просто нечем дышать, стал сопротивляться. Но как ни старался, так и не смог вырваться из рук незнакомца, которые были очень сильными да еще и твердыми как камень.

Крумо почти уже терял сознание, когда в последней надежде стал искать глазами ласку, чтобы она опять его спасла. Но нет, зверька нигде поблизости не было. И тогда Крумо уже в упор и совсем без страха посмотрел в глаза своему незнакомцу, отчего тут же и вспомнил. Он точно вспомнил это лицо и даже то место, где его видел. И это было зеркало. Самое обыкновенное простое зеркало, что висело у него в доме. А значит, этот незнакомец был не кто иной, как он сам. В отчаянной попытке хоть что-то предпринять, Крумо полез в боковой карман брюк. И хотя он

точно знал, что конфет там больше нет, но он все равно почему-то надеялся. И, о чудо! Единственная и последняя конфета оказалась там. И Крумо съел ее, хотя и не без труда, потому что незнакомец все еще крепко держал его руками за горло.

Проснулся Крумо рано утром, бодрый и прекрасно выспавшийся. Он не знал, что с ним было не так. Но чувствовал он себя теперь просто превосходно. А оттого тут же вышел во двор, где и увидел белый снег и далекие горы, синее небо и темный лес. Это была явно не его деревня и не его дом. «Но что это, — спросил он себя прямо вслух, — как я здесь очутился?»

— Ты всего лишь избавился от своей прежней жизни, — ответил ему приятный женский голос. — Ты оставил свою деревню, в которой тебя никто не любил, дом, в котором жил один, а также работу, которую не любил уже сам.

Крумо оглянулся. Перед ним стояла девушка, прекрасная и рыжеволосая. Она спокойно смотрела на него своими темными сияющими глазами. А затем очень тихо, почти неслышно и произнесла: «Съешь конфетку».

30. Мост в будущее

— Нет, туда тяжелее идти, в том направлении. Это словно на гору лезть, причем безо всякой нужды. Так что пойдем лучше, как прежде. И пусть мы довольно сильно петляем, но зато почти не устаем.

Молодой трим лет двадцати шести перебросил брезентовый рюкзак через плечо и зашагал неторопливо дальше. А девушка, которая ему вот только что предложила срезать путь и идти напрямик, вынужденно последовала за ним. Эти двое тримов шли по невероятно длинной крепостной стене, построенной здесь некогда древними людьми, желавшими отгородить одно государство от другого. Стена эта, как ее еще иногда называли: «Китайская», действительно очень хорошо подходила для путешествий, особенно с учетом невероятно изрезанного ландшафта вокруг. Как мост она возвышалась над огромными валунами, деревьями и глубокими оврагами.

Парочка время от времени останавливалась и молодой трим, которого звали Тио, доставал из своего рюкзака некий довольно странный прибор и водил им в разные стороны. А девушка при этом подбрасывала в воздух светоносную пыльцу, которую, очевидно, набрала в одном из заброшенных городов. И только лишь закончив с этой процедурой они продолжали свой путь. Шли они в восточном направлении, а почему именно туда, они и сами не смогли бы сказать.

— Дай-ка мне еще этой пыльцы, — обратился Тио к своей спутнице во время очередной остановки. — А то мы, похоже, опять зашли за границу тяжести.

Так он называл границы древних государств и их территории, куда не хотел заходить. И вот сейчас границы эти были аккурат с левой и с правой от него стороны. Таким образом, передвигаясь по древней стене, они не заходили за эти границы, которые становились отчетливо видимыми, едва лишь Тио включал свой прибор.

— Лин, — обратился он еще раз к девушке, — ну ты посмотри только, сколько же там у них было власти, что ее до сих пор хорошо еще видно, — он вновь подсветил своим прибором светоносную пыльцу. — Это же надо было совсем обезуметь, чтобы такую концентрацию допустить.

На это девушка лишь в очередной раз тяжело вздохнула и посмотрела на все ту же искрящуюся пыльцу, которая теперь медленно стекала по некой, едва различимой куполообразной поверхности. Эта поверхность, на самом деле, в точности

и обозначала, где власть этих древних государств заканчивалась и начиналось территория неподконтрольная никому. Причем слева и справа от себя они видели два почти одинаковых таких вот огромных полупрозрачных купола, между которыми, как между стенами глубокого ущелья и старались прокладывать свой путь.

— Жадность и властолюбие, — продолжил Тио рассуждать вслух, — вот что породило эти области. И ведь знаешь, такими областями была когда-то покрыта почти вся сухопутная поверхность земли. И уж как люди сами тогда жили в подобных условиях, ума не приложу. Ведь это же надо было перейти ту черту, когда уже не ты управляешь властью и деньгами, а они управляют тобой и обратной дороги нет. А теперь и самих-то людей давно уже нет, а силы все еще действуют. Сколько времени прошло, а до сих пор хорошо еще видно, — он красноречиво повел рукой, указывая на куполообразные области слева и справа.

Девушка же опять ничего не сказала. Она была явно не слишком разговорчива, но вот зато слушателем являлась отменным. И Тио сразу это понял, едва лишь они, вот уже как недели три тому назад, встретились. А поэтому говорил он теперь почти без перерыва, ни в коей мере не опасаясь, что надоест своей спутнице или станет ее раздражать.

— Вот там, — он указал на юг, — есть огромные города, и их много. Я даже бывал в некоторых из них, самых больших. А вот там, — он указал на север, — городов нет почти. Но зато среди них встречаются такие, — он поежился, — где концентрация власти просто огромная. Мне даже кажется, что в этих двух-трех городах и была сконцентрирована вообще вся власть тех государств. Но сейчас, — он посмотрел на девушку, — все это в прошлом, а мы с тобой идем на восток. И не потому, что я точно знаю, что там чисто, а потому, что в других местах я уже побывал. И ты даже не представляешь себе, сколько я путешествовал, чтобы в конце-концов понять, что тяжести нет лишь на стыках древних стран. А потом еще и прибор этот смастерил. Ведь без него тут сразу и не разберешь, где начинается тяжесть.

Вдруг он остановился. После чего в очередной раз попросил девушку распылить пыльцу и включил прибор.

— Вот надо же, — проговорил он недовольно, — кажется, нам все-таки придется свернуть со стены. Видишь, здесь границы тяжести уходят чуть в сторону. Видно, люди границу между государствами когда-то переносили. Так что делать будем?

— Напрямки пойдем, — наконец прервала свое извечное молчание девушка. — И здесь, может, даже еще быстрее получится, — она вытянула руку вперед, указывая направление.

— Пошли, — согласился с ней Тио, — который отчего-то принципиально не хотел заходить за границы куполообразных областей.

Они спустились со стены и пошли по изогнутой просеке, довольно сильно уже заросшей всякой растительностью, но все же и не слившейся с остальным лесом окончательно. Здесь явно когда-то проходила граница между древними государствами, потому что с обеих сторон стояли пограничные столбы с натянутой на них проржавевшей колючей проволокой.

— Будь осторожна, — предупредил Тио, — здесь могут быть мины, особенно по краям. Так что лучше иди след в след за мной и немного отстань еще, на всякий случай.

Девушка послушно исполнила просьбу, отчего сразу же остановилась, чтобы подождать пока ее спутник уйдет вперед. И вдруг она заметила, что чуть в стороне от нее и именно ближе к краю просеки виднелся небольшой земляной холмик с покосившимся крестом. Она окликнула Тио. А тот, по возможности аккуратно подойдя к этому месту, и все так же находясь подальше от Лин, сообщил, что это была могила.

— Здесь похоронили кого-то, — произнес он совершенно спокойно. — Наверное, пограничники застрелили, а затем сами и закопали, — он поводил рукой по земле. — Вот, тут даже табличка какая-то есть, — он отряхнул от земли некую прямоугольную медную табличку.

А потом, все же не удержавшись, подошел к своей компаньонке и, медленно водя пальцами по криво написанным строчкам, начал читать:

— Здесь покоится Мо Лин, тибетский монах, искавший пристанища. Я искал свободы. Свободы от власти и стяжательства. Все, кто был склонен к этим двум порокам и те, кто им преданно служил, были обречены вечно скитаться среди теней, не найдя дороги к свету. А я нашел этот путь. Он между странами. Там, куда не смогли протянуть свои жадные руки толстосумы и политики, и где остались лишь узкие полоски свободной земли. Но я не успел достичь своей цели. Я не дошел до того места, где нет власти и денег. Меня сильно ранили. И теперь я истекаю кровью. Но лучше такая смерть, чем жизнь под гнетом этих безумцев. Которые сами себя обрекли на вечное рабство.

Тио и Лин посмотрели друг на друга. Наконец Тио, как более взрослый и опытный произнес:

— Этот человек явно сам нацарапал эту табличку. Но как? Или даже нет, как он в то время смог понять то, что даже сейчас понимают немногие. Ведь у него не было ни светоносной пыльцы,

ни моего прибора. Как же он догадался куда идти?

— Он, наверное, был очень умным человеком, — предположила девушка, — и любил свободу. Поэтому и почувствовал. А кроме того, выйдя однажды за границу и ощутив легкость, ты ведь никогда уже не собьешься с верного пути.

— Да, — согласился с ней Тио, — но пограничники? Ведь они же никому не позволяли тогда выходить на свободные территории. Если только ненадолго и то лишь, когда кто-нибудь шел из одной зоны тяжести в другую. Это я в книгах читал, когда еще сам искал этот путь.

— Этого я не знаю, — грустно ответила ему Лин, — но давай возьмем эту табличку с собой. Мне почему-то кажется, что так будет правильно.

Тио согласился. После чего они, еще некоторое время постояв над древней могилой, отправились дальше. И долго потом они шли. Сначала по этой песчаной просеке, а затем опять по крепостной стене. Дни сменялись днями, а месяцы месяцами. Наконец они вышли к морю. А там, как и надеялся Тио, куполообразные образования, не то чтобы именно заканчивались, а словно бы рассеивались. Отчего светоносная пыльца, которую он распылял во все стороны, уже спокойно опускалась на землю.

— Слабеют, — Тио указал на оставшиеся позади зоны тяжести. — Конечно, через столько-то лет. А значит здесь мы можем чувствовать себя по-настоящему свободными. Вот только тот бедолага, монах, даже если бы и добрался сюда, все равно не нашел здесь того, что искал. Тогда бы не нашел.

— Да, — согласилась с ним девушка, — но зато он погиб не утратив надежды. И вот теперь, через столько лет эта его надежда достигла наконец своей цели. Пусть только и в виде этой медной, криво нацарапанной таблички.

Прошли годы. Тио с Лин так и остались жить на побережье. А еще через некоторое время к ним присоединились и другие тримы, которые безоговорочно признавали, что вне куполов им как-то легче дышалось. Конечно, они тоже использовали деньги и даже старейшин себе выбирали, но никогда не заходили на этом пути слишком далеко. Найденную же медную табличку было решено закрепить на восточной оконечности древней стены, как символ непобедимого стремления к свободе, неподвластного ни расстояниям, ни времени.

31. Листопад

В семействе бобров был праздник, пополнение. И уж так они ждали этого первенца, что и сказать нельзя. Чего только не предпринимали, к кому не обращались. Даже к колдуну-дикобразу ходили. Но тот плут оказался, и после того как бобры ему целую кучу хвороста насобирали, на зиму чтоб, от себя прогнал, да еще и фыркал им вслед и посмеивался. Но теперь все это было уже в прошлом. Прекрасный малыш Муфур, крепкий и здоровый потихоньку и с большим интересом обследовал их хатку.

Мать с отцом на него не нарадовались. И такой красивый он был и смышленый, любопытный вот только, но ведь для бобров это почти не недостаток. Так что не прошло и двух месяцев, как Муфур стал иногда хатку их покидать и путешествовать по окрестностям. Отец же ему все показывал.

— Вот это, — говорил ему Ёнфур, — наша река и запруда. Здесь только наша территория и другие бобры сюда не заходят. А вон там, лес. А еще дальше, поле. Здесь же, запасной выход из нашего домика на случай непредвиденной опасности. Про него никто не знает и снаружи его не видно.

— А там что? — спросил у него Муфур, указывая лапкой на рощицу вдалеке.

— Это березовая роща, — ответил ему отец, — но туда тебе ходить пока рано, потому что ты еще маленький.

Вот так и исследовали они мир. А Ёнфур, когда ему надоедало отвечать на вопросы, которые сын задавал, начинал ему свою песенку петь. Она у него самая любимая была и пел он ее примерно так:

А березовые ветки соберем мы очень быстро,
Очень быстро их посушим, в дом себе их отнесем.
Чтоб малыш наш любопытный крепко спал на них зимою,
И тепло ему чтоб было, и уютно по ночам.
А березовые почки соберем еще быстрее,
С них мы чай себе заварим, ароматный и густой.
Сядем рядом у камина и устроимся удобней,
В гости позовем соседей и про жизнь поговорим.
А березовые листья быстро мы не собираем.
Мы их медленно поднимем и на крышу отнесем.
Аккуратно их положим, поплотнее утрамбуем,
Чтобы холод лютый зимний в нашу хатку не проник.

Муфур же все слушал, что отец ему рассказывал и запоминал помаленьку. Когда же они пополудни возвращались уже домой, то

их мать, умная и опытная бобриха, Мофра, кормила их обедом и наливала тот самый чай из березовых почек. Они с удовольствием его пили и говорили о жизни.

Так прошло еще около двух месяцев. И жил Муфур в своем семействе просто замечательно. И многие молодые бобры могли бы ему позавидовать. Но однажды, когда настало время обеда, он отчего-то не пришел к столу.

— Пойду-ка я посмотрю, где он гуляет, — сказала Мофра мужу, когда тот сел уже чай пить, — а то как бы он у нас не потерялся, — и ушла.

А Ёнфур проворчал ей что-то в ответ неразборчивое и только лишь продолжил пить свой чай. И пил он его довольно долго. Пока наконец его жена едва ли не влетела назад в их хатку, да так неожиданно, что он чуть не поперхнулся.

— Вставай скорей, — буквально прокричала она, — нашего малыша деревом придавило.

Она хотела было еще что-то сказать, но Ёнфуру и не надо было ничего объяснять, потому что он так резко подскочил, а затем и выбежал из хатки, что жена за ним еле поспела.

— Он там, в березовой роще, — с трудом выговорила она прямо на бегу, — и с ним все в порядке, но вылезли из-под дерева он не может. Оно хоть и сухое, но толстое очень и даже я не смогла его с места сдвинуть.

— Ничего, ничего, — ответил ей Ёнфур, — мы сейчас его мигом вдвоем подгрызем. Или мы не бобры с тобой.

— Нет, это не поможет, — чуть даже всплакнув, ответила Мофра. — Я боюсь, что у нас времени мало, потому что дерево то тяжелое очень и Муфур под ним задохнется.

После этих слов Ёнфур даже остановился. А затем пустился бежать с такой скоростью, что жена совсем от него отстала. Вот он стремглав влетел в ту березовую рощу, да так, что все листья у него на пути в воздух взлетели. А вот и ветер с шумом закружился вокруг него и еще больше листьев понеслось в этом ветре. Эти листья летели вперед, обгоняя теперь уже самого Ёнфура, которого в этом неожиданном вихре совсем видно не стало. Эти листья летели в сторону упавшего дерева, под которым без движения лежал малыш Муфур и застревали в его ветвях. Поэтому не прошло и минуты, как все это дерево было буквально облеплено опавшими листьями, а ветер, который только что поднялся, начал это дерево сильно раскачивать. Раз качнул, два, а на третий и перевернул его на бок.

Когда же мать наконец подбежала к своему малышу, то сразу подняла его с земли. Муфур был жив. Он, правда, с большим трудом теперь дышал, а глаза его были закрыты. Мофра чуть

успокоилась. А затем стала оглядываться. «Что это здесь такое сейчас было, — все думала она, — прямо листопад какой-то. И куда, интересно знать, подевался мой Ёнфур?» Но сколько не смотрела, так своего мужа и не увидела. Наконец малыш пришел в себя и сразу стал просить у матери прощения, что не послушал ее и все-таки пошел в эту рощу. Но Мофра совсем его не ругала. Она теперь больше беспокоилась уже за самого Ёнфура. Но так и не найдя его нигде, пошла потихоньку назад в хатку.

Но и в хатке Ёнфура не оказалось. Тогда Мофра вернулась опять в березовую рощу и негромко позвала его. Но ответом ей на это было лишь тихое эхо и приглушенный шелест опавших листьев. Эти листья теперь и вправду словно бы хотели ей что-то сказать, но Мофра не разобрала. В ту ночь они спали уже вдвоем, отчего малыш просыпался иногда, да и мать чувствовала себя совсем неуютно. Поэтому утром они решили вновь отправиться к тому колдуну-дикобразу, который, правда, уже обманывал однажды, но другого выхода, по всей видимости, у них не было.

Дикобраз же сначала внимательно их выслушал, потом повздыхал тяжко, пофыркал и сказал:

— Идите в ту березовую рощу, — произнес он строго, — и соберите в ней все листья, какие только сумеете там найти. Принесите мне их сюда и положите прямо на крышу. И вернется тогда ваш Ёнфур домой. Но когда будете собирать, вы непременно должны о нем думать. Говорите, рассказывайте, что угодно делайте, но не отвлекайтесь.

— А можно мы будем его песенку петь, которую он больше всех любил? — спросил осторожно Мофур, потому что дикобраза этого немного побаивался.

— А про что песня? — спросил дикобраз.

— Про березовые ветки, почки и листья.

— Отлично, — дикобраз кивнул головой, — это вполне подойдет. Так что идите туда прямо сейчас и не медлите.

Так и сделали. Мать с сыном собирали в березовой роще опавшие листья в мешки, что дикобраз им на время одолжил, и еще по очереди, чтобы не слишком уставать, напевали ту самую песенку. Так прошел тот день. И Мофра с сыном возвратились к колдуну-дикобразу, волоча за собой целую груду доверху набитых мешков. А дикобраз распорядился, чтобы они все эти листья ему на крышу положили, да еще и по бокам утеплили его домик. После чего хохотнул, чихнул и приказал им домой возвращаться. А бобры и не поняли. «Ну как же, — спросили они, — ты что же, сейчас нас опять обманул?» А Мофра даже заплакала. Но дикобраз ничего не ответил, а только к себе в дом

вошел, да еще и дверью хлопнул.

Так и пошли мать с сыном к себе в хатку, и уже вдвоем заливаясь слезами, потому что поняли, что Ёнфура им теперь не вернуть. Но беда не приходит одна. И когда они к домику своему подошли, то увидели, что запасной вход в их хатку открыт, а внутри шурудит кто-то. «Воры, — тихо сказала Мофра сыну. — Ну ничего, мы их сейчас быстро с тобой поймаем. Ты иди с главного входа, а я отсюда в дом забегу, они от нас тогда никуда не денутся». И только что они хотели ворваться в свой собственный домик, как вдруг услышали такое родное и знакомое:

А березовые листья быстро мы не собираем.
Мы их медленно поднимем и на крышу отнесем.
Аккуратно их положим, поплотнее утрамбуем,
Чтобы холод лютый зимний в нашу хатку не проник.

И это был голос их отца, старого бобра Ёнфура, который как ни в чем не бывало сидел сейчас внутри их хатки и заваривал себе вкусный чай из березовых почек.

32. Четыре лапы

Ей было все равно куда идти, лишь бы туда и поближе к нему. Но туда, означало вновь в длинный подземный ход, темный и опасный. Впрочем, на этот раз все было немного и по-другому. Четверо тримов, таких же как и она сама, искателей приключений, шли цепочкой за ней вслед. Все они держали в руках зажженные факелы, а также длинные деревянные палки, которыми иногда постукивали по каменистому неровному полу.

— Ная, зачем все эти предосторожности? — спросил наконец Корр, высокий седовласый трим, хотя все еще и довольно крепкий. — Здесь же ничего нет.

— Это только так кажется, — ответила ему девушка спокойно, — впрочем, можешь попробовать идти и сам. Но я тогда ни за что не отвечаю. И если ты превратишься в лягушку или ящерицу, то пеняй уже на себя.

После этого пожилой трим весь как-то нервно поежился, будто от холода, проворчал что-то непонятное, но продолжил идти как прежде. Он знал, потому что слышал: и от самой Наи, да и от других тримов, что в этом древнем проходе было множество скрытых ловушек, оставленных в качестве защиты неким неизвестным алхимиком, который работал под огромным каменным замком наверху. Но поскольку сам этот замок, за исключением одной только центральной его башни был почти полностью разрушен, то попасть в эти подвалы можно было лишь через длинный подземный ход.

Наконец, дойдя до какой-то неизвестной отметки, вся компания остановилась. Точнее, остановилась сначала сама Ная, а за ней уж и все остальные. Девушка теперь внимательно всматривалась в пол прохода, словно бы пытаясь там что-то отыскать. Остальные тримы тоже стали приглядываться. Но ничего особенного не заметили. Наконец девушка удовлетворенно хмыкнула, сделала шаг в сторону и продолжила свой путь. Остальные последовали за ней.

— Я не понимаю, — вновь заговорил Корр, которому ото всей этой гробовой тишины было давно уже не по себе, — что это за следы такие? Ты же сказала, что мы будем идти по следам твоего приятеля. А здесь, — он подсветил факелом, — это ж и не следы даже, а словно кто-то метлой мел.

— Нет, — ответила ему девушка, — это именно следы. Но, — она грустно вздохнула, — тот, кто их оставил, тогда уже не был тримом. Это мой бывший напарник, с которым я в прошлый раз здесь была. И он угодил ловушку.

— И что же с ним стало? — спросил Корр, чуть сбивающимся от волнения голосом.

— То же, что будет и с тобой, если ты наступишь не туда. Превратился он, — теперь голос девушки тоже дрогнул, — а в кого, я и сама не знаю. Но это был большой зверь, с длинной мордой, четырьмя лапами и огромными крыльями.

— И что, — Корр даже остановился, — он что, тут все еще ходит?

— Надеюсь, что да, — чуть улыбнувшись, ответила девушка, — потому что за ним я сюда и пришла. Мне не нужны все те удивительные вещи, которые по слухам лежат в подвале алхимика. Я ищу только его.

— Так ты что же, — Корр, кажется, начал уже все понимать, — любила своего напарника, что ли?

Но девушка ничего ему не ответила. И не потому даже, что это было не его дело, а потому, что они достигли наконец широкой каменной стены, которая чуть наискось перегораживала древний подземный проход. В этой стене была дверь, теперь уже сломанная и висящая на одной лишь петле. А за ней и столь долгожданная лаборатория. Там, насколько тримы могли судить, не должно было находиться никаких новых ловушек, а значит они могли наконец расслабиться и перемещаться совершенно свободно. Первым делом они увидели в том помещении книги, много книг. Все они стояли на длинных деревянных полках, сильно запыленные, но в идеальном порядке. Потом увидели колбы, реторты и перегонные кубы. Стол еще посередине подвала, огромный и очень массивный. Истлевший ковер на полу и четыре высоких прямоугольных шкафа. Шкафы эти были стеклянные и стояли в углах помещения. Тримы сразу же направились к ним.

Там они нашли разное: кто некое странное приспособление в виде маски, очевидно для подводного плавания, кто шкуру дикого зверя прямо с головой, которая была снабжена ремнями и предназначалась, по всей видимости, для переодевания. А кто и золото, которым были доверху набиты все нижние полки этих шкафов. Ная же нашла там четыре здоровенные мохнатые лапы с когтями. Эти лапы, похожие на бесформенные охотничьи рукавицы, были примерно такими же по величине, как и те странные следы, по которым они шли в подземном проходе под самый конец. Заметил это и один из ее компаньонов.

— Мне кажется, что не найдешь ты здесь своего приятеля, — сказал он тихо, — так возьми же себе на память хотя бы эти четыре лапы. А мы, — он указал на своих товарищей, — и так уже набрали достаточно.

— Я не вернусь назад без него, — ответила девушка

грустно, — я останусь здесь и подожду. Вдруг он все-таки придет сюда. Ведь совсем не исключено, что тут и другие тайные проходы тоже есть.

— Нет, — ответил ей на это уже коренастый трим, приятель Корра, — мы здесь долго не задержимся. И мы, конечно, очень благодарны тебе за то, что ты провела нас сюда, но теперь мы уходим, прости.

— Ничего, все в порядке, — ответила ему Ная спокойно, — только идите по-прежнему осторожно и не попадитесь в ловушки на обратном пути.

На этом они попрощались и Ная осталась одна. Вот вскоре стихли шаги ее компаньонов в проходе, а вот и один из железных факелов, которые ее спутники ей оставили, начал мигать, грозя вскоре совсем погаснуть. И девушка знала, что долго она тут все равно не останется, потому что в темноте найти безопасный путь назад будет вообще невозможно. Вскоре погас и второй факел, а за ним и третий. Но Ная не уходила. Она отчего-то все еще надеялась на чудо. Что ее возлюбленный появится здесь в самый последний момент. Наконец погас и последний факел, а с ним и пропала всякая надежда на благополучное возвращение домой. Девушка огляделась по сторонам. Ничего. Одни лишь тишина и непроглядный мрак окружали ее в этом древнем подземелье. Она посмотрела наверх. И, о чудо! Там, где-то далеко наверху, она увидела несколько маленьких ярких звездочек. Очевидно, что в потолке этого подвала была пробита дыра.

Девушка попыталась нащупать рукой хоть что-то, о что могла бы опереться, чтобы пролезть наверх. Но рука ее захватила лишь один пустой воздух. Она попробовала тогда второй рукой, в которой держала найденные ею лапы. И, как ни удивительно, эта ее рука наткнулась на что-то упругое. Она вновь повела правой рукой, — пустота. Левой — вновь опора. И тут уже Ная поняла, что именно обнаружила в этом древнем подвале. Это были особые лапы, которые как-то позволяли опираться на сам воздух. Недолго думая, девушка натянула все эти лапы себе на руки и на ноги, и хотя и не без труда, но стала осторожно подниматься наверх. И еще она заметила, что когти этих лап почти незаметно светились в темноте голубоватым свечением. Особенно тогда, когда она словно бы вонзала их в темное пустое пространство.

Наконец Ная добралась до потолка подвала, после чего, через небольшую щель в нем выбралась наружу. Она оказалась теперь в высокой центральной башне замка, выбраться из которой, можно было лишь поднявшись высоко наверх. «Час от часу не легче», — теперь уже не так безнадежно сказала себе девушка,

и стала опять подниматься. Взобравшись на вершину башни, на высоту примерно двадцати метров, Ная присела передохнуть. Да и осмотреться по сторонам. Но вокруг нее все по-прежнему была лишь непроглядная темнота и тишина. За исключением лишь одной маленькой птички, которая на Наю сначала очень внимательно посмотрела, потом глянула на ее четыре лапы и вдруг произнесла:

— А я уже видела здесь такие лапы. Они точь в точь такие, как и у того зверя, что выбрался из этой башни примерно с месяц тому назад.

— Ты видела моего возлюбленного? — едва не вскрикнула Ная от радости, — так где же он сейчас?

— Он улетел наверх, — спокойно ответила ей птица. — У него были большие крылья, но и на лапах своих он тоже мог по воздуху ходить.

Девушка, не помня себя от радости, и даже забыв поблагодарить странную птицу, стала подниматься выше. И долго она поднималась так. И уже рассвет на востоке забрезжил, когда она увидала совсем неподалеку от себя орла.

— Эй, орел, — крикнула она ему, — ты не видел здесь зверя с крыльями и с такими же как у меня лапами, — она махнула ему одной рукой.

— Конечно видел, — ответил ей орел, — но он еще выше полетел, — а мы орлы, на такую высоту не поднимаемся.

И на этот раз девушка уже не забыла поблагодарить птицу, после чего продолжила свой путь. И целый день поднималась она тогда, и ночь. А когда наступил новый день, то Ная, совершенно выбившаяся уже из сил, посмотрела вокруг и, не найдя глазами никого, сказала: «Нет, без него мне все едино. Раз уж не суждено мне быть с моим возлюбленным, то лучше и вообще не жить». И хотела было уже снять с себя эти четыре мохнатые лапы, как вдруг услышала откуда-то сзади: «Не спеши, садись на меня, я отвезу тебя в мой новый дом». И Ная ничего даже не стала больше говорить, потому что поняла, что наконец нашла его. Того, кто был дорог ей больше самой жизни.

А когда они прилетели в огромный и прекрасный его дворец в облаках, то ее любимый вновь принял свой прежний облик, а четыре лапы самой Наи стали совсем невидимыми. Там он провел девушку по прекрасным залам и террасам, которые переливались всеми цветами радуги. Показал удивительный сверкающий сад из деревьев с нежно-голубыми и розовыми листьями. А также фонтан с чистейшей питьевой водой.

— Вот здесь я и живу, — сказал он девушке, — это мой новый дом. И если хочешь, то оставайся со мной навсегда, потому что

здесь невероятно красиво, — он повел рукой.

— А как же остальные, — спросила Ная оглядываясь по сторонам, — разве с земли этого дворца не видно?

— Нет, конечно, мы слишком высоко. Поэтому нас никто не потревожит.

И Ная осталась тогда жить в облаках, и была, конечно же, очень счастлива. Но иногда, проснувшись посреди ночи, она все-таки видела в белесом свете одинокой луны неясный силуэт того страшного дикого зверя, в которого превратился ее возлюбленный в опасном и темном подвале внизу.

33. Железная стрекоза

Пао Линь не знал, что это было. Как будто наваждение, сон наяву. И почему так внезапно, вдруг? Причем он не успел в тот момент даже опомниться. Однако сейчас, когда прошло уже несколько часов и наступило раннее утро, он спокойно возвращался к себе домой, неторопливо спускаясь с пологого холма, на котором и был установлен его телескоп. Пао Линь еще год назад его сделал, воспользовавшись замысловатыми чертежами, найденными им в одной полуразрушенной людской библиотеке. Он даже немного усовершенствовал его, отчего телескоп, не сразу конечно, но после некоторой настройки стал выдавать очень яркое и четкое изображение. Но это — то, что он увидал в нем сегодня, превосходило все, о чем Пао Линь мог когда-либо лишь мечтать. Созвездие: прекрасное, изумительное, волшебное. Оно как будто все еще стояло сейчас перед его глазами, обозначая неведомый и невиданный никем прежде рисунок. Этот рисунок словно бы в одно мгновение проявился тогда в голове Пао Линя, отчего он на несколько секунд зажмурился даже, как если бы увидел в окуляре солнечный зайчик. Но нет, это было всего лишь одно впечатление: сильное, глубокое, осознанное, а оттого и еще более прекрасное.

Придя домой, Пао Линь взял карандаш, лист бумаги, после чего попробовал изобразить все то, что увидел сегодня ночью в телескопе. И хотя тот рисунок, который обозначало своими контурами далекое созвездие в общем-то не был особенно сложным, однако Пао Линь никак не мог его воспроизвести с нужной точностью. Все что он рисовал, выходило каким-то иным, похожим, но иным. И не было в нем того, ну просто одухотворяющего восторга, какой он испытал, когда смотрел ночью в звездное небо. Отчаявшись повторить увиденное, Пао Линь решил с наступлением темноты снова вернуться к своему телескопу, прихватив все необходимое для рисования. И уже там на месте все просто скопировать. Для этого он достал еще одно увеличительное стекло и сделал из листа картона некое подобие экрана, на который намеревался спроецировать световой поток от окуляра телескопа. Подготовившись таким образом, он решил наконец перекусить, после чего спокойно и крепко заснул.

Спал он долго, но не очень. Потому что привык просыпаться на закате. Вот и в тот вечер проснувшись и увидав в окно знакомый пейзаж садящегося солнца и утопающих в его лучах полей, Пао Линь потянулся, взял все, что приготовил этим днем и отправился на холм к своему телескопу. Там он стал ожидать,

когда нужное созвездие поднимется над горизонтом. А до тех пор разглядывал молодую Луну, Юпитер и даже Сатурн, который, правда, совсем ненадолго показался в ночном безоблачном небе, а затем, сделав небольшую продолговатую петлю, окончательно скрылся из виду. И вот час настал. Пао Линь быстро сориентировал телескоп по намеченным еще вчера координатам и нашел нужное созвездие. Однако, к огромному своему разочарованию обнаружил, что сегодня оно уже не выглядело столь же прекрасным. Нет, оно, конечно, все еще оставалось поистине великолепным, однако того, ну совершенно ослепительного впечатления не производило. Пао Линь покрутил настроечные винты, потом проверил время и даже место установки телескопа. Но нет, все сходилось в точности. Вот только вчерашней красоты уже не было. «Да что же это такое, — заругался на себя Пао Линь, в очередной раз рассматривая созвездие, — ведь не привиделось же все это мне». «Не привиделось», — ответил ему чей-то металлический писклявый голос. Пао Линь выпрямился и посмотрел вокруг. Но никого поблизости не увидел. Тогда он вновь склонился над телескопом и ничего не увидел уже в нем. Лишь мутно-серое пятно, подсвеченное по всем краям легкими световыми разводами предстало его взору. Пао Линь даже отшатнулся назад от неожиданности. А затем подошел к передней части телескопа, решив, что это просто мусор какой-то попал на большую линзу. Однако никакого мусора там не оказалось, а сидело некое, довольно крупное насекомое с изогнутым хвостом и крыльями, которое сейчас на него смотрело.

— Здравствуй, Пао Линь, — пропищало насекомое все тем же странным металлическим голосом.

— Здравствуйте, — ответил Пао Линь удивленно. Потом помолчал немного и добавил, — простите за любопытство, а вы кто?

— Железная стрекоза, — ответило насекомое, — а ты разве не видишь?

Пао Линь пригляделся. Действительно, насекомое вполне напоминало обыкновенную лесную стрекозу, но только очень-очень крупную. Да, похоже, еще и вправду железную. Он заинтересовался.

— Но почему вы сидите здесь на моем телескопе? — задал он новый вопрос.

— Потому, что увидела озарение, — спокойно ответила стрекоза. — Оно вчера здесь было, когда ты смотрел на созвездие. А потом домой пошел. А сегодня опять попытался его найти. Но уже не увидел той красоты, как вчера, так ведь?

— Все так, — еще более удивляясь, ответил Пао Линь, понимая, что стрекоза, похоже, знала про него очень многое.

— Ты не можешь видеть его красоту, — продолжила стрекоза, — потому что сегодня другая ночь и созвездие повернуто к Земле немного не так. И более того, таким как вчера, ты не увидишь его уже никогда. Однако, — стрекоза потерла передние лапки, — все, что вчера здесь было, навечно останется в твоей памяти. И ты даже сможешь нарисовать это созвездие. И я помогу тебе. Ты, конечно, не сможешь воспроизвести его с абсолютной точностью, потому что время еще не пришло, но приблизительно — да.

— Что значит, «время еще не пришло»? — Пао Линь нахмурился. — Я что-то ничего уже не понимаю.

— Не пришло, значит, не пришло, — уверенно ответила ему стрекоза. — Вы пока еще слишком слабо развиты, чтобы воспроизвести красоту самого пространства. Однако до более примитивной красоты вы вполне доросли, — стрекоза вздохнула. — И ты даже не представляешь себе, как долго я дожидалась, чтобы это наконец произошло. Многие, многие тысячелетия. Еще с тех пор, как на земле появились первые обезьяны, а потом уж и люди. Но никто из них, за исключением лишь самых поздних людей, так и не приблизился к пониманию того, каков наш мир и насколько он прекрасен. Вот посмотри хотя бы на мои крылья, — стрекоза приподняла одно, — видишь на них узор?

Пао Линь пригляделся. Да, действительно, сверху и снизу крыла стрекозы был виден едва различимый в лунном свете узор из непересекающихся изогнутых линий, завитков и прочих знаков. Этот узор был очень красивым, таким примерно, как и тот, что он видел вчера в звездном небе. Пао Линь невольно ахнул.

— Вот, — спокойно пропищала стрекоза, — это и есть то, о чем я только что говорила. А именно красота самого пространства, заключенная в тонких линиях. Вообще, — она присела на задние лапки, — этот узор, есть графическое отображение пересечения функций от различных научных дисциплин в их наивысшем развитии. Алгебраической физики, мерной топологии и… — она ненадолго замолчала, — а третей, я пока называть не стану, потому, что вам пока это рано знать. И вот такой узор, ты, сколько бы ни старался, никогда повторить не сумеешь. Но упрощенную его копию, вполне. Поэтому бери-ка свои карандаш и кусок картона и рисуй.

Пао Линь подчинился. И долго он еще пытался воспроизвести увиденное им вчера в небе и сегодня на крыльях стрекозы.

Последняя же поправляла его и давала указания, что и как нужно было делать. Наконец, хотя и с огромным трудом это ему удалось. Получившийся узор был, конечно, совсем не так прекрасен, как хотелось бы Пао Линю, но от него тоже буквально веяло красотой.

— Вот и молодец, — похвалила его стрекоза. — Теперь тебе осталось лишь потрудиться и научить остальных тримов так делать, а это всегда значительно проще. Я же теперь вернусь в свой старый дом, из которого вылетела впервые за многие тысячи лет, чтобы дожидаться новых проблесков красоты и сознания. Так что прощай.

— Постой, — не выдержал Пао Линь, — ну подожди хоть минуту. Объясни ты мне, прошу, кто ты такая и где живешь? И почему так долго? Ведь это же ужас какой-то, то, о чем ты сейчас мне сказала. Тысячи лет, ведь это же такой долгий срок. Подумать страшно.

Стрекоза вздохнула. А потом вновь присела на задние лапки, посмотрела куда-то вверх и ответила:

— Ладно, тебе скажу. Я — железная стрекоза. Но мое железо абсолютно чистое без каких-либо примесей и выплавлено, конечно же, не здесь. Многие, причем не тысячи, а миллионы лет я находилась в своем кубе, путешествуя по безбрежным океанам пространства и времени. Случайно, одной гравитационной волной меня вынесло сюда, на вашу Землю. Где я неожиданно почувствовала зарождение разума. А потом и увидела сквозь стенки моего железного куба очень слабые искорки сознания. И эти искры порождали люди. Однако они так никогда и не смогли обнаружить истинной красоты, хотя столько раз почти касались пределов своего невежества, — она опять вздохнула. — Но нет, всякий раз они снова и снова скатывались до примитивных инстинктов и беспросветного хаоса. А потом появились вы. И почти сразу почувствовали невероятное разнообразие и взаимосвязь всего сущего, отчего и смогли говорить и с ветром, и с водой, и даже с землей. Однако и с вами мне еще пришлось довольно долго ждать. По крайней мере до вчерашней ночи. Когда ты, первый и пока единственный не увидел нечто новое, прекрасное и удивительное. И вот теперь этот рисунок, что ты нарисовал, — тоже, причем сам по себе, способен разговаривать и с ветром, и с водой, и с землей. Вот ты прислушайся. Это направленные микро-циркуляции воздуха, которые порождает твой рисунок, а точнее его линии. Резонируя, они способны вызывать движения ветра или даже предметов, причем не разрушая их, как делали раньше люди, а взывая к ним и прося. И одной своей красотой порождая взаимодействие.

Пао Лишь прислушался. Действительно, лист картона, на который был нанесен его рисунок, очень тихо, словно бы шептал ему что-то, а еще, как будто некий слабый ветерок отходил от него чуть в сторону.

— Вот видишь, — кивнула головой стрекоза, — теперь это принадлежит вам. Я же опять вернусь в свой железный куб, дожидаться новых и более глубоких прозрений.

После чего практически беззвучно поднялась в ночной воздух и даже не махая своими железными крыльями полетела в неком, только ей одной известном направлении. Пао Линь же, напротив, вновь подошел к своему телескопу и внимательно посмотрел в него. И вновь ему показалось, что он увидел в нем нечто прекрасное, а возможно и услышал неясный шепот далеких звезд. И эти звезды как будто прощались с ним, тихо и навсегда. Чтобы очень нескоро, возможно через многие тысячелетия найти себе нового, куда более внимательного слушателя.

34. Силы природы

— Тебе никогда этого не понять, — произнес пожилой трим обращаясь к молодому, — это пережить надо. А на словах, — он задумался, — на словах этого не объяснишь.

— Почему не объяснишь, — усомнился молодой трим, с аппетитом уплетая куриный суп, — то, что думает один, всегда сможет понять и другой. Так ведь? — он повернул голову, обращаясь теперь уже к хозяйке дома.

Однако та ничего ему не сказала. А только как-то странно улыбнулась и пожала плечами. Это была довольно красивая еще женщина, хотя уже и не молодая. Частые морщинки на ее лице вполне красноречиво говорили о ее возрасте. Но лицо это не было ни грустным, ни уставшим, а скорее просто уверенным и сдержанно сильным. Словно бы некий искусный скульптор изрядно поработал над ним, убрав все наносное и лишнее. Молодой трим невольно ею залюбовался.

— Грета, — обратился пожилой трим к жене, — неси второе. А то, видишь, наш гость совсем уже заскучал. Да и подкрепиться ему после долгой дороги тоже, наверное, нужно. Так как же вас все-таки к нам занесло? — обратился он теперь уже к своему гостю. — Ведь это же надо умудриться еще, забрести ночью в такую глушь.

— Да я и не забредал, в общем, — ответил ему молодой трим, переключившись на картошку с грибами. — Просто я заблудился. Ну, то есть пошел не туда. В такую пургу, знаете, это ведь совсем немудрено. Поскольку там, — он указал на окно дома, — мало того, что темно уже, так еще и снег идет такой, что хоть глаз выколи. Я в поселок у реки сначала шел, да вот сам не заметил, как в лес забрел, а затем уж и в поле. А потом на ваш дом наткнулся. И то совершенно случайно. Потому что свет в окне увидал. А то даже не знаю, что бы со мной самим уже было.

— Да-а, в такую погоду выходить из дома опасно, — весомо подтвердил ему пожилой трим. — Тут уж никакие просьбы ни к ветру, ни к снегу не помогают. Силы природы в такое время абсолютно глухи и разговаривать с ними бессмысленно. Да здесь и вообще, — он пошерудил кочергой в камине, — почти всегда так. Оттого я и живу в этом доме. А Грета, — он глянул на жену, — всегда со мной, конечно. И все по доброй воле. Не оставлю тебя здесь одного, сказала она мне. Ну а мне-то вдвоем тоже значительно веселее.

— Но все-таки я не понимаю, — вновь задал свой прежний

вопрос молодой трим, — что вы здесь делаете, как живете? И главное, зачем? Ведь в деревне-то с соседями намного спокойнее.

— Говорю, тебе не понять. Но если хочешь, то могу сейчас рассказать свою историю. Мне не жалко. Вот только все равно ты не поймешь ничего, сколько бы ни старался.

— А я попробую, — настоял на своем молодой трим.

— Ну так слушай же, — ответил ему хозяин дома.

После чего он наконец отошел от пышущего жаром камина и, усевшись в глубокое матерчатое кресло, приступил к рассказу.

— Было это довольно давно, много лет тому назад. Я тогда еще совсем молодым парнем был, хотя уже и семейным. Была у меня своя мельница, огород, хозяйство. В общем, обыкновенный, в меру зажиточный трим. И все у меня, вроде, как в порядке было, не на что жаловаться. Но случилась однажды беда. Ураган сильный. Так мало того, что ураган, так еще и прилив с моря речку нашу в обратную сторону повернул. И разлилась она очень широко. Поэтому не прошло и нескольких часов, как все мое хозяйство пропало. Мельницу ветром унесло, вот прямо так, словно лист опавший. Огород, живность и прочее утонуло. И даже от дома ничего не осталось. А я тогда даже и поделать ничего не мог. Пытался, правда, и к ветру обращаться, и к воде, и даже к земле, но все без толку. Когда стихия так бушует, то слова уже совсем не помогают. А все оттого, что силы природы в такие моменты свою истинную сущность показывают. А знаешь какая она, сущность ихняя?

— Какая? — спокойно спросил молодой трим.

— А такая, что им дела до нас нет. Понимаешь? Вот никакого. Я, признаться, и сам в это поверить сначала не мог. И все то ветер, то воду просил, чтобы они не слишком сильно у меня все ломали. Но потом вдруг понял. А как понял, так у меня сразу внутри будто что-то перевернулось и пелена спала с глаз. А тут еще и жена моя бывшая, как назло, в тот самый день тоже мне добавила: «Не нужен ты мне, — говорит, — бедный такой. Я себе другого мужа найду, побогаче». И ушла. И это меня уже совсем подкосило. «Да что же это, — сказал я себе, — где справедливость? Почему мне никто не помогает?» С отчаяния даже хотел было с жизнью покончить, но все-таки не решился. Побрел я тогда куда глаза глядят. И сам того не заметил, как в другую деревню пришел, на побережье. И уж что меня туда привело, сам не знаю. Прямо судьба какая-то. А в той деревне девушка одна жила, которую я с детства знал. И когда я об этом вспомнил, то меня так к ней потянуло, что просто сил нет. «Вот она, — сказал я себе, — моя Грета. Я ее только одну всегда

и любил, а ту, с которой жил до сих пор, — так мне с ней просто удобно было». И зашел я тогда к Грете во двор. А она в ту пору одна жила. Муж ее несколько лет тому назад на охоте погиб. Так она зарок себе дала, никогда больше замуж без любви не выходить. А тут вдруг я. Говорю, что люблю, а она и не верит. «Докажи», — говорит, и смеется. Так я, прямо там на побережье на высокую скалу полез, в море чтоб спрыгнуть.

Грета все еще смеялась сперва. А когда увидала, что я со всех ног побежал к обрыву, кричать мне что-то стала. Но я уже совсем ничего не слышал. Во мне тогда словно бы огонь какой-то невидимый зажегся. И так он пек меня изнутри, что мне было уже все равно. Словно птица я взмыл с этого обрыва в воздух и, расставив руки, стал буквально планировать. Падал я долго, очень долго. Так то, наверное, секунд десять, не больше, но мне тогда показалось, что целую вечность. И пламя в моей груди разгоралось все сильнее. Словно встречный ветер, пока я летел вниз, его раздувал. И вот вода. Вытянувшись в струну, я вонзился в нее как гвоздь, ногами вперед. А руки прямо над головой вверх поднял. И это, конечно, спасло меня тогда. Потому что отклонись я в сторону хоть ненамного, то разбился бы, наверное. Но и внизу меня подстерегала опасность. На глубине, где я мгновенно очутился, было так тяжело и холодно, что я чуть было опять не погиб. Но тот огонь, что в груди у меня горел теперь ярким пламенем, дал мне силы. Хотя и потерпеть мне пришлось и дыхание надолго задержать. Но все же выгреб я, хотя дыхания едва-едва хватило. А как вынырнул на поверхность, так сразу и увидал свою Грету. И другая она была теперь уже совсем, по-другому смотрела. Она даже не говорила мне больше ничего, а только прижалась к груди, когда я вылез на берег и замерла. А потом подняла свою руку. Я заметил, что в руке у нее что-то было. Разжав пальцы, я увидел маленький серебряный браслет, который показался мне почему-то очень знакомым. Я попытался было вспомнить, но Грета опередила меня. «Это твой подарок мне, — сказала она тихо, — помнишь, ты подарил мне его, когда мы совсем маленькими еще были». И вспомнил я тогда, и понял все, что Грета меня тоже очень сильно любила, раз такую безделицу столько лет берегла.

Молодой трим перевел взгляд на женщину, которая все так и стояла в дальнем углу тускло освещенной комнаты. По ее напряженному лицу было заметно, что она очень внимательно слушала мужа. Но когда тот наконец замолчал, вновь ничего не сказала, а спокойно вернулась к своим домашним делам.

— Скажите, — проговорил молодой трим, — а чего же такого необычного в этом вашем рассказе. Ведь ваша история хотя

и удивительная очень, но вполне понятная. И знаете, так ведь не только у вас случалось. Что какое-нибудь несчастье помогало вспомнить о своих истинных чувствах.

— Ты почти правильно угадал на счет несчастья, — ответил ему хозяин дома. — Вот только не оно повлияло на меня тогда и заставило перемениться.

— А что?

— А то, что природе до нас дела нет, понимаешь? Мне ведь прежде отчего-то всегда казалось, что при желании можно легко со всем договориться. А вышло что? Да самое простое. Что и ветер, и вода, и земля даже — неживые и абсолютно равнодушные. Что их совершенно не волнуют ни наши горести, ни печали. Что мы одни на этом свете. И другие тримы тоже одни. И что совсем ничего не изменится, и мир не рухнет, даже если все мы и погибнем. Это, конечно, и так, вроде, как все знают, но мало кто понимает. Ведь понять, значит испытать на себе. А кто же будет такое добровольно испытывать. А оттого и живут все в сладких грезах и мечтах. А настоящая жизнь начинается лишь там, где кончаются иллюзии и ты видишь суть природы. И суть у нее холодная. Она холодна как лед, как вечный лед. Она холоднее даже чем тот снег, что идет сейчас за окном. Но в этом-то как раз и состоит ее ужас и величие. И именно поэтому она способна иногда разжечь пламя настоящей жизни. Как если бы ты вышел на мороз, а сам почувствовал жар изнутри. И знаешь, я ведь в тот день не только лишь внутренне ожил, но и внешне. Вот сколько мне сейчас лет, как ты думаешь.

— Сорок-пятьдесят, примерно, — ответил ему молодой трим с сомнением.

— Восемьдесят, — сказал ему хозяин дома. — И моей жене примерно столько же. Но, — он хлопнул рукой по столу, — думаю, что тебе пора уже спать. А то засиделись мы сильно за разговорами.

— Нет, — произнес молодой трим, — я домой пойду, а то мои волноваться станут. Я теперь уже понял примерно куда надо идти, так что спасибо вам за ужин и за рассказ, но мне пора.

— Как угодно, — спокойно ответил ему хозяин дома.

После чего они дружески попрощались и молодой трим пошел назад в свою деревню. Он теперь уже знал правильный путь, — чуть левее темнеющего леса вдалеке, и напрямик через бескрайние поля. В глаза ему летел крупными хлопьями мокрый снег, а встречный ветер холодил лицо. Ноги его проваливались в глубокие сугробы и руки начинали уже замерзать. Но он вовсе не думал об этом. Не думал он и о странном рассказе, который услышал только что. А думал лишь о том, как же сейчас ему

будет хорошо дома. В тепле и уюте, спокойствии и комфорте. Безо всех этих метелей, холодов и прочих неприятных и таких равнодушно-холодных сил неживой природы.

35. Разрушающий

Крушить, рвать, ломать было единственной и по-настоящему сильной его страстью. Тем, о чем он всегда грезил и мечтал. Причем родители поначалу даже и не обратили внимание на такое его поведение, приняв все за простую детскую шалость. И хотя остальные жители деревни уже не раз говорили им, что их малыш хулиган, лишь только отшучивались и не воспринимали подобные слова всерьез. Однако, когда их Мио, ну просто-таки взорвал собачью конуру, и хорошо еще, что без самой собаки, забеспокоились и решили, что нужно предпринимать какие-то меры.

Сначала они пытались убеждать малыша, внушать ему, что ломать вещи нехорошо. Что они могут еще всем понадобиться, и что от них бывает большая польза. Когда же это не помогло, стали уже запрещать, под страхом наказания. И тогда их Мио, вроде как на некоторое время перестал заниматься привычным ему уже делом. Но едва лишь родители уехали как-то из дома за покупками, мгновенно принялся за старое. Перво-наперво он сжег соседский сарай. Потом сломал забор. Потом маленький мостик через реку. И вот уже после этого случая вся деревня буквально всполошилась и просто-таки потребовала от родителей унять своего сорванца, потому что в противном случае, они, по их словам, будут вынуждены вообще все их семейство из деревни прогнать. Мать с отцом не знали что и делать, как поступить. Но Мио, как оказалось, и сам тогда обо всем догадывался, отчего и сказал им, когда они решили с ним основательно поговорить:

— Я не знаю, как быть, — признался он откровенно, — не могу остановиться. У меня такое чувство, что я просто обязан все рвать и ломать, что такое мое предназначение. И поскольку другие жители деревни этого выносить не могут, то переселите меня в какой-нибудь другой дом, отдельный. Я знаю, там на краю деревни есть один. Он на песчаном пригорке стоит и я тогда смогу в нем жить себе спокойно и никому не мешать.

Мать с отцом после таких его слов посовещались конечно, повздыхали, но дали согласие. Да на самом-то деле у них и выхода другого не было, кроме как жить с сыном отдельно. К тому же еще и остальные жители деревни, когда обо всем узнали, также вполне одобрили этот их план. «Но чтобы он к нам и не заходил даже, — сказали они твердо. — В другую сторону, где лес, пусть ходит сколько вздумается. Но чтоб в деревню, ни ногой». На том и порешили.

И стал тогда Мио жить отдельно. И продолжал все рвать

и ломать, но так, что никому от этого вреда больше не было. Однако, через некоторое время мало ему показалось вещи просто ломать, примитивно слишком. И попросил он своих родителей побольше ему книжек умных принести, где все про устройство этих вещей написано. Из чего они состоят, как сделаны. А всего лишь для того, чтобы еще более эффективно их разрушать. Наконец он так увлекся этими книгами, что даже на улицу почти перестал выходить. А все только читал, читал и читал.

Так прошли годы и Мио вырос. Стал он тогда уже красивым и умным парнем. И даже девушка появилась у него, Лия. Они вместе гуляли, ходили на речку и по грибы. Дома у него сидели и много о чем разговаривали. Вот только родители Лии не хотели такого жениха для своей дочери и всегда ругали ее, когда она к Мио ходила. Но дочка их непослушной была и от таких запретов еще больше к нему тянулась. Но вот однажды беда случилась. Не выдержал как-то Мио и прямо при девушке поддался своей разрушительной страсти. Они тогда вместе по тропинке лесной шли. Как он развернулся вдруг, схватил ее за платье и рванул в обе стороны. И платье ее разорвалось. А Лия, даже и не зная как поступить, очень горько заплакала. Ведь она тогда уже любила Мио. Но и быть с ним теперь наверное бы не смогла, раз он совсем собой не владел. А от того побежала она к отцу с матерью, а Мио, даже еще более чем она расстроенный, в свой дом на пригорке вернулся.

Там он сидел очень долго. И даже совсем не появлялся на улице. Мать к нему приходила, но он не впустил ее. «Нет, — сказал он, — не хочу больше никого видеть. Я изгой среди вас, но и с собой также совладать не могу». Так и ушла бедная женщина. Только еду ему на пороге оставила. На следующий день Мио снова не вышел из дому. И через неделю тоже. И жители деревни стали уже забывать, когда в последний раз живым его видели. А он только сидел в своем доме и все больше книжками умными зачитывался. Да с той только целью, чтобы еще эффективнее все разрушать. Да и не просто разрушать, а так, чтобы и следа от вещей никакого не осталось.

И вот, через несколько месяцев, прямо посреди ночи яркие искры вспыхнули. А затем еще и странное сияние появилось над тем домом, где жил Мио. И вой страшный, и скрежет послышались. Все жители деревни тогда из своих домов повыскакивали и пошли посмотреть, чего такого ужасного их Мио опять натворил. Но ничего особенного не обнаружили. Хотя и заметили, что земля вокруг его дома черной стала. Причем она была не то чтобы выжженной, а как будто расплавленной. Поговорили они, конечно, между собой, пошушукались, да

по домам пошли. Одни только родители Мио у его дома остались, дожидаться и сами не зная чего.

Наступило утро, а они все так и сидели на лавочке, которую их сын пока не разрушил, потому что она немного в стороне от его дома была. Подошла к ним Лия. Она, как оказалось, в ту ночь тоже спать не могла и только о нем все время и думала. А мать Мио сказала ей, что очень хотела бы, чтобы у нее такая замечательная невестка была, добрая и умная. Но не судьба, видимо. И они тогда вместе заплакали. Да так и плакали, пока не услышали громкий и резкий звук. Как будто дверь в доме скрипнула. Обернувшись, они увидели, что дверь в дом и вправду открыта, но на пороге никого нет. Отец Мио хотел было тут же в дом войти, но Лия его удержала. «У меня плохое предчувствие, — сказала она ему, — и я очень боюсь. Давайте я лучше сама в дом пойду. Уж чего бы там раньше ни было, но сын ваш меня очень сильно любил и я это точно знаю. А поэтому он мне ничего плохого не сделает». Но родители возражать ей стали. Уж больно не хотели они, чтобы от их сына непутевого кто-нибудь чужой пострадал. Но Лия все равно пошла. «Я своих отца с матерью не слушала, — сказала она им, — не послушаю и чужих».

И только что она приблизилась к этому дому, как из дверей вышел Мио. И странным был он по виду своему, необычным очень. Волосы его черными стали, глаза голубыми, а кожа бледной. К тому же вытянулся он весь и стал стройнее. Вот только руки его изменились совсем уж до неузнаваемости. Отец с матерью из-за забора этого не видели, но Лия все разглядела в точности. Отчего и замерла совсем без движения, и не могла даже с места сдвинуться. Она видела, что пальцы у Мио черными стали, а на концах словно бы заостренными. А еще с них что-то капало. Что-то яркое и блестящее. Как будто сам свет стекал с их кончиков. Сам же Мио ничего не сказал ей. А только подошел вплотную очень медленно, как будто и вправду хотел опять ее платье порвать. Но вместо этого вонзил свои пальцы в саму девушку и… рванул в обе стороны.

Мать с отцом, когда такое увидели, громко вскрикнули. Они подумали, что сын их безумный вот только что жестоко убил свою девушку. Но нет, — Лия все по-прежнему стояла на месте невредимая и, не веря своим глазам, сама себя разглядывала. Она была теперь очень красивая. Такая, как даже во снах себя не видела. Волосы ее длинными стали, кожа светлой, а фигура изящной. Даже платье ее, которое Мио уже рвал однажды, стало другим. Розовым и в голубой цветочек. И так шло оно ей, что девушка невольно ахнула. А Мио взял ее спокойно под руку и все

также молча повел к отцу с матерью.

— Вот, — сказал он им, — невеста моя, а потом и жена вечная. Мы теперь всегда будем с ней жить и никогда не расстанемся.

А родители, не веря своим глазам, тогда даже заплакали. Уж настолько они были счастливы. Слух о чудесном преображении Мио разошелся по деревне быстро. Поэтому вскоре все жители вновь повыходили на улицу и стали его разглядывать. «Да как же это ты так с собой сделал так-то? — говорили они. — И пальцы какие интересные, и будто свет с них капает. И Лия теперь, вон, какая красавица». А местные женщины стали к Мио еще и приставать, чтобы он их тоже красивыми сделал. А потом и мужчины. Кто-то даже лошадь свою привел, а кто и собаку.

В тот же вечер сыграли они свадьбу веселую. Да такую, что в этой деревне никто и не видывал. Но едва лишь веселье улеглось и ночь настала, как Мио встал из-за стола и, попросив всех ненадолго замолчать, так сказал:

— Я всем вам очень признателен за доброту вашу и терпение. За то, что вы меня из деревни своей не выгнали. А теперь я изменился сильно и намного умнее стал. Я ведь в доме своем только книжки читал, для разрушения. И дошел до того, что мог разрушить все полностью. И камни, и металл, и воду, и дерево. И наконец разрушил саму ткань мироздания. А за ней находилось, что бы вы думали? Чудо таинственное, красота запредельная. Да такая, что я никогда в жизни не видывал. Свет, радуга, чистое сияние. Я ведь до этого лишь все разрушал, что вокруг меня в этом мире было, а того, что находилось за его пределами не смог. Ведь, что уж и говорить, злым я был, несдержанным. А чтобы разрушить то чудо великое, никакой злости этого мира не хватило бы. Поэтому я теперь и разрушать могу, и красоту истинную обнаруживать. Ведь в любом предмете она есть, нужно только уметь убрать все лишнее. Поэтому я красивый такой теперь и Лия моя тоже.

После этих слов он взял свою жену под руку, попрощался со всеми и… вонзил свои пальцы в сам воздух ночной. И сильный треск тогда раздался, и узкая трещина вверх до самого неба пошла. А Мио эту трещину руками в разные стороны раздвинул и они вместе с Лией в нее тут же вошли. И никто тогда не успел ничего сказать даже. Так быстро и неожиданно все произошло. И уплыли молодые по этому струящемуся потоку в беспредельную высь. Выше облаков и даже выше самой луны. Которая в ту ночь, после того как они совсем скрылись за ее пределами, была по-особенному загадочной и невероятно красивой.

36. Птичий храм

— Слушай, — обратился молодой трим к девушке, которая шла с ним под руку, — а по-моему эта птица плачет. Ты ничего не замечаешь?

— Замечаю, — с печальным вздохом ответила та, даже не повернув головы. — Это ворон и он давно уже нас преследует.

— Так может ему что-нибудь от нас нужно, — с новым вопросом обратился к ней юноша, — мы-то ничем ему не можем помочь?

— Не можем, — все так же грустно отозвалась его подруга, — ему теперь вообще никто помочь не в состоянии. Но ты не спрашивай меня об этом, потому что это старая и долгая история. Да и вообще, пойдем-ка лучше домой. А то ведь солнце садится за горизонт и скоро будет совсем холодно.

После этого двое тримов неспешно направились к деревянному домику, который стоял неподалеку от огромного леса. А странная птица, напротив, кинула на них теперь уже прощальный взгляд, каркнула, и полетела куда-то в сам этот лес. И там она оставалась достаточно долго. Пока, уже за полночь, не возвратилась назад к деревянному дому. Там она опустилась на распахнутую ставню одного из плотно закрытых темных окон и стала по ней неспешно прохаживаться. Наконец в этой комнате возникло какое-то движение, а еще через пару минут распахнулось и само окно. В темном проеме стояла все та же девушка, которая гуляла со своим возлюбленным этим вечером. Одета она была теперь лишь в длинную ночную сорочку, а светлые волосы ее были аккуратно расчесаны. Вот только взгляд ее, да и само все поведение девушки выдавали очень сильное волнение, которое она пыталась сейчас безуспешно скрыть.

Ворон, который в свою очередь тут же перестал прохаживаться по ставне, посмотрел на нее сначала внимательно, а затем и приглушенно каркнул.

— Нет, — ответила ему твердо девушка, которая, очевидно, прекрасно его поняла, — даже и не проси. И не смотри на меня так. Ты же знаешь теперь всё. Что не могу я вернуться назад. Да и не в этом даже дело. Сто лет! Ты хоть можешь себе представить, какой это срок. Ты не ждал так долго. День за днем, год за годом. Когда даже жизнь становится тебе уже в тягость и тебя совсем ничто не радует. Когда ты просыпаешься каждое утро с одной лишь мыслью о том, сколько лет тебе еще осталось ждать. А мы и виделись-то с тобой всего ничего. Поэтому не проси.

На это ворон ничего не ответил. А только еще раз посмотрел

печально в глаза девушке и, с шумом взмахнув своими большими черными крыльями, быстро скрылся где-то в ночной тиши. Девушка же, спокойно проводив его взглядом, легонько провела рукой по распахнутой деревянной ставне. И, как она и думала, на ней она вновь обнаружила маленькую прозрачную каплю. Ворон, по всей видимости, снова плакал. И уже в которую ночь. Девушка грустно вздохнула, закрыла окно и неспешно вернулась назад в свою постель.

Сама же птица полетела в самую чащу огромного леса, где, ловко спланировав между двумя близко стоящими низкими скалами, да еще и под кронами нескольких разлапистых старых дубов, влетела в прекрасный и величественный храм, который там находился. Это был «Птичий храм», как называли его местные обитатели, и где ей самой предстояло провести еще так много времени. Внутри этого храма ворон запрыгнул на высокий золотой постамент, что возвышался в центре главного зала и стал по нему неспешно прохаживаться. Вокруг него, в небольших углублениях среди стен и между высоких блестящих колонн, стояли открытые клетки для птиц. Но птиц в них, за исключением лишь одной-двух канареек и нескольких соловьев, почему-то не было. И знал ворон о своем предназначении, а также о том, что ему предстояло сделать в ближайшую сотню лет. А именно: собрать со всех лесов Земли по одной такой певчей птице и поместить их в этих вот самых клетках. А потом… но это «потом» должно было наступить еще так нескоро, что он предпочитал об этом даже не думать.

Думал же он сейчас совсем о другом, а именно о том, как сам впервые попал сюда. Когда, совсем уже взрослым юношей открыл тяжелые двери этого древнего храма. А задолго до этого совсем еще маленьким мальчиком ловил сначала в лесу певчих птиц, а затем продавал их на рынке. И как однажды увидел тот небольшой и таинственный знак на дереве: поющую птицу с одним распростертым крылом. И эта птица словно показывала ему что-то. Она как будто призывала его куда-то. Туда, куда он и сам не знал.

И он пошел тогда в том направлении, куда указывало крыло птицы. Но ничего особенного не обнаружил. А только глубокую земляную яму, поросшую длинной пожухлой травой. И он, отбросив тогда все сомнения, полез в эту яму, на дне которой нашел очень извилистый подземный ход. И как он сильно перепачкался там весь, пока не выбрался с другого его конца наружу. Где и нашел новый знак, и запомнил то место. На следующий день он снова пришел сюда, вот только первого знака уже не увидел, а только лишь второй, который тоже куда-то

указывал. И так он блуждал очень долго. Не день и не два, а месяц за месяцем. Иногда сбиваясь со следа, но затем снова возвращаясь к нему. Был даже однажды такой период, когда он почти на целый год потерял путеводную нить из загадочных птичьих знаков. И стал уже о них забывать.

Был он тогда совсем уже взрослым парнем и ему мало было дела до всяких там тайн и ребусов. Однако, когда он прямо у себя на чердаке опять обнаружил такой же вот тайный знак, то сразу вспомнил про все, и с удвоенным рвением продолжил прервавшиеся поиски. Ему отчего-то всегда казалось, что там, в конце этого пути его ждет что-то удивительное. Нечто такое, о чем никто и никогда даже не мечтал. А оттого он никому не сказал об этих своих птичьих знаках за все то время, что их находил, словно бы опасаясь, что призрачный след совсем потеряется. Наконец он пришел к тенистому проходу между широкими скалами. Эти скалы располагались очень близко друг к другу. Так, что даже ему самому пришлось между ними протискиваться. Но в конце этого темного и узкого прохода, среди переплетенных толстых ветвей, под кронами невероятно мощных и старых дубов он нашел медную дверь. Высокую и тяжелую. Которую тут же и открыл.

И он был тогда готов ко всему, но только не к музыке. Да и не просто музыке, а к удивительному, прекрасному пению сотен и тысяч всевозможных птиц, голоса которых с непостижимой гармонией то сходились, то расходились, становясь при этом то громче, то тише. Эти птицы исполняли невероятную и сложнейшую мелодию, состоявшую из десятков тысяч партий, которые звучали одновременно, создавая чарующий, пленительный, невероятный узор из идеально подобранных звуков. И он сам тогда не заметил, как поддался этому фантастическому очарованию, как плавно закружился сначала в нем, а затем и поднялся в воздух. Как парил под самым куполом центрального зала этого прекрасного храма. А рядом с ним скользила по воздуху удивительная лесная птица, которая смеялась и плакала, пела и танцевала. А еще она дирижировала. Всем этим хором, чудом, вдохновением.

Наконец эта птица закончила свой танец и медленно опустилась на золотистый постамент в центре храма. И она обратилась тогда к нему. И голос ее был уже не таким как у всех остальных птиц и слова. А потом и руки, и ноги, да и все тело ее перестало быть птичьим, а, напротив, самым обыкновенным. И это была уже не птица, а прекрасная светловолосая девушка, которая стояла сейчас перед ним.

— Ты пробудешь в этом храме ровно сто лет, — громко

сказала она ему, — и это твое предназначение. Теперь ты сам птица и должен будешь летать по всей земле, собирая своих сородичей. В этом храме есть клетки. И в каждую такую клетку ты приведешь по одной певчей птице из каждого леса. А потом, когда будет все готово, ты исполнишь свою песню. Самую прекрасную песню из всех, на какую только способен, и на которую будут способны твои пернатые братья и сестры. Ты ведь не знаешь, конечно, но все птицы в этом мире поют хором. Они исполняют одну тайную мелодию. Но поскольку они находятся невероятно далеко друг от друга, то разобрать ее никто не в состоянии. И все же, со временем они начинают немного сбиваться и фальшивить, а поэтому должны раз в сто лет собираться в этом храме и вместе петь. А ты будешь ими дирижировать. После этого птицы разлетятся по своим лесам. Где зададут новый ритм своим братьям и сестрам. А ты вновь станешь прежним и твое место займет кто-то другой. Он также отыщет скрытый проход в этот храм по тайным птичьим знакам.

В награду же за твои труды, тебе будет даровано время жизни. Ведь в этом храме оно останавливается и ты не будешь совсем стареть. А значит проживешь на сто лет дольше обычного. Но и это еще не все. Твой голос, после того как ты выйдешь отсюда, изменится. И первая женщина, которая его услышит, сразу же полюбит тебя. А все другие будут относиться к тебе с большой симпатией. Поэтому тяжел твой труд, но и награда высока. А теперь прощай.

После этого девушка радостно засмеялась и выбежала быстро прочь, с шумом захлопнув за собой высокую медную дверь. А он остался здесь один, внутри этого чудесного храма, затерянного среди бескрайних лесов, в окружении невероятной тишины и пустых теперь уже клеток. Делать было совсем нечего и выхода никакого не было. Он не мог теперь вернуться назад в таком виде. Поскольку, как и сам стал сначала догадываться, а затем и увидел, — стал птицей. Вороном, черным как смоль, сильным и очень крупным. И он взмыл тогда в воздух под самый потолок высокого центрального зала и каркнул там очень громко. Да так, что гулкое это еще долго гуляло под сводами этого удивительно прекрасного, но и ужасного птичьего храма, который должен был стать его собственной каменной клеткой на ближайшие сто лет.

37. Огненный алфавит

«Уходишь, уходишь, уходишь…» — Меффи проснулся. Он никак не мог понять, откуда услышал эту песню. Да еще так отчетливо. Ведь он крепко спал только что, но слышал все как будто наяву. Эти странные слова, эти буквы, которые, как искры от разгорающегося костра, алые и мерцающие, затухая уже теперь, все еще словно парили перед его глазами, выступая из непроглядной темноты. И потом, почему только одно слово. А остальные. Ведь он тоже их прекрасно слышал, но отчего-то не понимал.

Меффи встал. Посмотрел вокруг, но почти ничего не увидел. Везде все тот же дремучий лес, сумрачный и дикий, да звезды на небе, от которых в безлунную ночь совсем не было никакого проку. Решив, что спать ему теперь все равно не придется, Меффи свернул свой длинный плащ, на котором до этого так хорошо спал, засунул его в рюкзак и пошел вперед даже не разбирая дороги. Путь ему предстоял неблизкий: сначала через этот бескрайний лес, где можно было так легко заблудиться, да потом еще через гряду высоких каменистых холмов, что простиралась к западу отсюда. Но там дорога должна была стать легче, потому что идти, пусть и по высокогорью, но через открытое пространство было намного удобнее.

И вдруг слева от себя он увидел мерцающий огонек. Приглядевшись, он понял, что это был свет от совсем небольшого костра, почти незаметного среди густых ветвей и деревьев. Меффи обрадовался. Ведь если это тоже торговцы какие-нибудь, то они могли рассказать ему все последние новости или хотя бы указать более короткий путь. Да и скоротать вместе ночь возле согревающего яркого костра было куда как веселее. Едва ли не бегом Меффи направился к этому месту. И каково же было его удивление, когда вместо торговцев с их постоянными тюками и сумками, он увидел обычных тримов. По виду, так простых крестьян или ремесленников, но, правда, довольно хорошо одетых. «А им-то что здесь понадобилось?» — подумал про себя Меффи, с недоумением взирая на незнакомцев. Но не успел он обменяться с ними и несколькими фразами, как один из незнакомцев сам ему все рассказал.

— Мы ученые, — пояснил незнакомец, — историки и лингвисты. Мы изучаем старинные рукописи, трактаты и свитки. В этом лесу, как раз неподалеку, есть изумительная древняя библиотека. Вот ей-то мы и занимаемся.

— Ах, ну это тогда понятно, — вздохнул Меффи

с облегчением, — а то я уж и не знал, что подумать. А я, вот, торговец. Иду со своим товаром из рыбацкой деревни, что у реки в ту, что за холмами. И назад этой же дорогой пойду. Вот только куплю там кое-что из одежды или из снаряжения, и уже потом домой. Ну а вы как, — он посмотрел на собравшихся возле костра, — рукописи и книги читаете? Ведь вы про книги что-то сказали?

— Да мы их пока и не читаем, — ответил ему все тот же трим, — мы их переписываем. Прочесть эти тексты невозможно, потому что они старые очень. Но увидеть буквы, вполне. Эти книги пролежали здесь не одно тысячелетие, и это еще при людях. И после них неизвестно сколько. Поэтому истлевшие страницы почти полностью срослись и разъединить их невозможно. Но мы нашли способ. Видишь ли, — продолжил ученый немного оживившись, — эти книги так долго лежали на одном месте, что все, что в них было написано, отпечаталось во времени. То есть все буквы, иллюстрации и схемы теперь сокрыты во тьме времен. Но их можно извлечь. Вот этим-то мы сейчас и занимаемся.

— Как интересно, — Меффи присел к костру, — а как? Вы же говорите, что разделить страницы нельзя.

— Нельзя, — подтвердил ученый, — но это не касается информации. И ее, кстати, довольно легко обнаружить. Нужна только очень высокая температура и свет. Костер например. И тогда ты сам все увидишь. Тебе нужно просто почувствовать тепло исходящее от букв, знаков и символов, что скрыты в этих книгах. Вот так примерно, — он вытянул руку вперед и растопырил пальцы.

— Ах вот оно что, — Меффи улыбнулся, — теперь понятно почему мне такой странный сон приснился. Что я словно бы огненные буквы в темноте видел. А еще услышал что-то наподобие: «уходишь».

Ученые переглянулись. А затем тот, что был постарше остальных и сидел чуть поодаль, вновь обратился к нему:

— Ты слышал голос? — спросил он с сомнением. — Но ведь это невозможно. Мы разбираем эти знаки и буквы только здесь, у костра. Но голосов мы не слышим. Это у тебя, наверное, либо очень большие способности к языкам есть, либо просто воображение разыгралось. А ну-ка, — обратился он к триму напротив него, — кинь еще одну книгу в огонь.

Тот исполнил. И тут же Меффи вновь, и прямо наяву увидел все те же странные огненные знаки и буквы, которые, как искорки от костра полетели теперь во все стороны. И услышал их. Вот только понять, что они означали он все по-прежнему не мог.

О чем тут же и сообщил своим ученым соседям. Те закивали головами. Однако отвечать они ему не стали, потому что усердно переносили в свои блокноты эти самые символы, которые, очевидно, тоже хорошо видели.

— Мы пока не можем расшифровать эти тексты, — вновь пояснил пожилой ученый, когда удивительное светопреставление закончилось и книга совсем сгорела. — И поэтому все тщательно записываем, чтобы сохранить. Мы уже много раз спускались в эту библиотеку, но пока так и не обнаружили нужного нам кода или ключа. Или хотя бы простого алфавита с пояснениями. Ведь там находится так много книг, что пока мы найдем что-нибудь подходящее, немало времени пройдет. И, кстати, — он слегка привстал, — сегодня мы снова собираемся туда идти. Поэтому, если хочешь, то присоединяйся. Может тебе и улыбнется удача, и ты найдешь алфавит.

— Да, — чуть усмехнувшись, подтвердил ему другой трим, — новичкам везет.

На том и порешили. И вот, примерно через час, основательно еще подкрепившись, вся компания отправилась к древней библиотеке. Находилась эта библиотека под землей и представляла из себя огромное, выложенное прямоугольными глыбами помещение, чрезвычайно разветвленное. Там было множество проходов, закоулков и уровней. И повсюду были книги, свитки или просто листы пергамента, которые также давным-давно выцвели и были абсолютно нечитаемыми. Меффи ходил везде и удивлялся. «Что за удивительная цивилизация создала такое чудо, — думал он. — Это же какая гигантская работа была нужна, чтобы все это написать, а затем еще и рассортировать по полкам. Да и вообще, чтобы соорудить такие невероятные катакомбы». Ведь все стены в этой библиотеке, насколько он мог рассмотреть в тусклом свете мерцающего факела, были покрыты изумительными узорами и изображениями людей, зверей и птиц. Он даже один раз настолько засмотрелся на всю эту красоту, что споткнулся и, выронив факел, чуть было не упал. На это один из ученых предупредил его, чтобы он был поосторожнее, причем, не именно сам, а по отношению к книгам, которые могли легко загореться.

Наконец, набрав по пять-десять томов, а также разных свитков, вся компания поднялась наверх. Меффи помог ученым донести книги до костра, где они вот так странно их читали. И собирался было уже потихоньку укладываться спать, как вдруг услышал позади себя какой-то тихий шум. Он обернулся. И увидел слабый, едва различимый дымок, поднимавшийся прямо из-под земли. И это был именно тот проход, через который они

вот только что выбрались из подземной библиотеки. Ученые тоже заметили нечто неладное, а когда поняли в чем дело, то так закричали, что Меффи даже испугался. «Пожар, пожар», — дико завопили ученые, изо всех сил пустившись бежать ко входу. Но было уже поздно. Пока они добежали, дым из едва заметного стал уже темным, а треск полыхавших стеллажей и полок, усилился. Так они и стояли там у прямоугольного входа в подземную библиотеку, не зная теперь что и делать.

И вдруг, один из ученых громко воскликнул, а затем и попятился назад, указывая на что-то в этом темной прямоугольном проходе. Все посмотрели туда и… замерли от ужаса. Огромный длинный коготь, огненный и яркий сейчас царапал своим концом каменистое обрамление входа. А затем и лапа, широкая и мощная, медленно поднялась оттуда и уперлась в рыхлую сырую землю. Эта лапа была также словно соткана из ярко-красного огня. А вокруг нее, как искры от костра разлетались во все стороны горящие письмена и буквы.

Вся компания увидав такое, буквально бросилась со страху наутек. Все бежали так, что, не видя практически уже ничего, не могли толком и соображать даже. И тут произошло такое, что заставило несчастных тримов мигом и одновременно повалиться на землю и, зажав уши руками, в немом отчаянии буквально заметаться из стороны в сторону. Ужасный рев, чудовищный и дикий раздался посреди этого сумрачного леса. А затем и яркий столп искр взлетел из этой древней библиотеки высоко в воздух. И посреди этих искр возник огромный зверь. Ужасный монстр, который, встав на задние лапы, заорал теперь совершенно неземным голосом. И это был фантастический вой, устрашающий. Непередаваемый вопль, крик ужаса и отчаяния.

Однако, как это ни странно, но последний жуткий крик немного успокоил бедных тримов, буквально сбив с них ту волну парализующего ужаса, которая совершенно придавила их к земле. А все оттого, что они, вот так, и совершенно неожиданно стали понимать. Полностью и все, что говорил им огонь, а также впустую теперь горящие в нем книги. Они даже сели тогда на землю и, хотя с определенной опаской, но стали наблюдать за пробудившимся огромным монстром. Зверь же бушевал, зверь неистовствовал. Он буквально расшвыривал теперь деревья, что находились рядом с ним и рыл горящими когтями сырую землю. От лап его разлетались в разные стороны пылающие буквы-искры, а пасть и глаза метали огонь.

И все же пожар в этой древней библиотеке не мог длиться вечно. Поэтому через несколько часов, когда забрезжил слабый рассвет, пламя стало постепенно стихать, а вместе с ним растаял

в воздухе и сам зверь. Все ученые и Меффи к тому времени уже совершенно пришли в себя и, понаблюдав за одним только сизым дымом, неспешно пошли каждый своей дорогой. Они, конечно, ужасно сожалели об утраченной древней библиотеке, однако поделать теперь ничего не могли. Вот только сам Меффи все никак не мог отделаться от этой странной песни, которая буквально засела у него в голове: «Уходишь, уходишь навеки от нас. В жилище богов ты уходишь от нас. Печально и низко плывут облака. В страну справедливых ты с миром идешь».

38. Сонная рыба

Пришедшие словно из далекого космоса, странные и непостижимые, равнодушные и молчаливые, обитают они в водоемах Земли. В океанах и морях, реках и озерах, прудах и даже в аквариумах рыбы живут на удивление спокойно, отстраненно, неторопливо. Будучи словно немного не от мира сего, они всегда держатся очень уверенно и даже почти величественно, реагируя лишь на непосредственную опасность или еду. Все остальное их как будто совсем не интересует. Ни фантастические красоты подводного мира, ни скрытые на морской глубине сокровища, ни их собственная удивительная судьба. На первый взгляд может даже показаться, что все это происходит от их не слишком далекого ума или даже беспросветной глупости, как, в общем-то, и полагают многие. Однако, внимательный наблюдатель не мог бы не заметить чего-то необъяснимого в их поведении, таинственного в образе жизни и даже пугающе глубокого в скрытой натуре. Почти бездонного и обманчиво-зыбкого, как их собственная привычная среда обитания.

Рыболовецкая шхуна, довольно крупная, переделанная в прежние времена из торгового парусника, тихо дрейфовала где-то неподалеку от Канарских островов. Экипаж ее: преимущественно старые и опытные матросы, нежась в лучах полуденного солнца, спокойно отдыхал после напряженной утренней работы. В это время года в этих широтах всегда было довольно жарко или даже по-настоящему душно, что делало ловлю рыбы здесь делом весьма утомительным. Однако в тот день погода была на удивление прохладной, что несказанно радовало всех моряков. «Эй, капитан, — словно бы нехотя выкрикнул один из них, немного приподнявшись на локте, — сколько мы тут будем еще торчать возле этого архипелага? Нет здесь никакой рыбы, а та, что была, с рассветом на глубину ушла». На это сам капитан, весьма немолодой уже моряк с тремя пальцами на одной руке, ответил: «Сегодня же и уйдем отсюда. Вот только до вечера подождем еще, а там можно будет и сети вытравливать. Да к тому же у меня сейчас такое предчувствие, что здесь нам обязательно улыбнется удача», — он едва заметно хмыкнул, пыхнув своей раскуренной трубкой. На это члены его команды негромко засмеялись, потому что поняли, что капитан их явно хотел пошутить, после чего снова вернулись к своему безделью.

В тот день в океане действительно ничего не происходило. Даже ветер, с утра еще немного тревоживший повисшие паруса

корабля, теперь уже совершенно затих, отчего такелаж судна перестал привычно гудеть и поскрипывать. Перед самым закатом матросы, теперь уже будучи абсолютно уверены, что улова им не видать, спокойно собрались возле кормы корабля с целью начинать потихоньку вытравливать снасти. И только что они принялись тогда за работу, как невесть откуда подул свежий и порывистый ветер, а затем уже и вся сеть натянулась так, как будто в нее зашел целый косяк рыбы. «Эге-гей, — призывно крикнул кто-то из матросов, — а ведь капитан-то наш оказался прав». После чего с удвоенной силой стал помогать товарищам.

И вот, когда длинный фал был уже почти выбран на палубу, а снасть, затянутая с одного конца в узкую петлю, показалась над поверхностью воды, что-то произошло. Как будто сеть, там на глубине, зацепилась за что-то. А затем вся целиком и поднялась на поверхность, после чего стала медленно удаляться прочь от корабля. Матросы в первый момент так растерялись, что даже не успели схватить фал, который стал постепенно уходить назад под воду. Но когда они наконец его закрепили, то почувствовали такой сильный толчок, что можно было подумать, что их шхуна наткнулась на рифы. Однако она не остановилась при этом и не получила пробоину, а напротив, стала разгоняться, увлекаемая куда-то вперед привязанной к ней сетью.

Капитан, когда все это увидел, тоже как будто поначалу слегка растерялся. Но очень быстро пришел в себя, и тут же приказал одному из матросов рубить натянутый фал. А тот, вместо того, чтобы исполнить команду, стал с капитаном еще и спорить, что, мол, сеть-то полна рыбы, и что нельзя вот так легко упускать такой богатый улов. На что капитал сначала молча на него посмотрел, а затем тихо и произнес: «Сонная рыба». И это, на первый взгляд, совершенно безобидное замечание, повергло всех матросов в настоящий шок. Отчего они тут же стали буквально кричать и метаться по палубе, как если бы на их шхуне случился пожар. А капитан теперь уже сам взял в руки топор и одним ударом разрубил натянутый фал, освободив тем самым и всю пойманную рыбу и саму шхуну, от слишком непомерного бремени.

Однако матрос, споривший с капитаном, не успокоился при этом. А напротив, попытался спустить на воду шлюпку, чтобы уже на ней догнать уплывавшую от корабля сеть. И это капитана по-настоящему разозлило. Отчего он тут же приказал смутьяна связать и бросить в трюм корабля. А еще через некоторое время шхуна подняла теперь уже наполненные свежим ветром паруса и направилась в другое место, чтобы там попытать счастья и, пусть хотя бы в некоторой степени, но компенсировать ущерб

от утерянного улова. Сам же капитан через пару часов, когда все успокоилось, спустился в трюм к связанному матросу. Там он приказал его развязать, после чего закурил свою трубку и, устроившись поудобней на лежавших здесь же мешках с припасами, приступил к разговору.

— Ты, конечно, очень удивился сегодня, — начал он не спеша, — когда увидел, что мы так легко расстались с сетью и рыбой. Так вот, ты матрос еще молодой и в море ходишь недавно, а оттого далеко не все пока знаешь. Да и все остальные на этой шхуне повидали, признаться, немногое. Однако они многое слышали, в том числе и от самого меня. А уж насколько поверили, об этом не мне судить.

Тут он ненадолго прервался, потом тяжело вздохнул и продолжил:

— Был я тогда совсем еще молодым матросом, примерно как ты сейчас. И тоже ловил рыбу. Мы тогда, правда, больше сельдью занимались, но и в южные широты также ходили, где ловили тунца. И вот однажды в нашу сеть зашло сразу десять или двенадцать таких вот тунцов. И все здоровенные рыбины, очень сильные. Но мы их все равно бы вытащили на палубу, если бы не одно обстоятельство. Один из этих тунцов оказался «сонным». Это, знаешь, — капитан опять пыхнул трубкой, — такое состояние у рыб, когда они немного прикрывают глаза и, не видя практически ничего перед собой, плывут, куда им вздумается. Но тут ты вполне можешь мне возразить, что в этом-то как раз и нет ничего страшного, а напротив. Что такую рыбу даже легче поймать. И, конечно же, ошибешься. Поскольку в таком состоянии рыба не просто так не видит ничего, а ей уже и не нужно ничего видеть. Потому что ее вообще больше ничто не может остановить. Да-да, поверь мне, я сам лично слышал, как однажды такая вот рыба буквально расколола надвое небольшую прибрежную скалу, что едва торчала из-под воды. Как другая такая же, рвала сети словно паутину и как чуть было не потопила несколько рыболовецких судов. И вот эта-то как раз самая рыбина, могла бы сегодня легко проплыть прямо через нашу шхуну, проломив ее деревянное днище. Причем, что любопытно, это состояние возникает у рыб абсолютно непредсказуемо. Оно появляется совершенно внезапно и так же внезапно исчезает. И еще, — явление это крайне редкое. Я вот сегодня всего лишь во второй раз за всю свою жизнь его видел. А в первый, — капитан вздохнул, — как раз и был тогда, с этими вот тунцами.

Никто у нас на судне, к несчастью, не знал тогда об этих вот «сонных» рыбах. И поэтому когда наша сеть, в точности как и сегодня стала уходить назад в море, мы троса не обрубили,

а напротив стали тот косяк тунцов преследовать. Один из матросов, который посмелее других был, спустил на воду шлюпку и, прихватив с собой топор с гарпуном, отправился на веслах к нашей сети. И он уже было подплыл к ней, как вдруг встал прямо в шлюпке и сообщил нам, что все рыбы в ней просто плывут очень спокойно и даже не касаются ячеек снасти. Вот только один из тунцов, который находился почти у самой поверхности, упорно тянет всю сеть вперед. Мы, конечно, подивились такой непонятной его силе, но крикнули, чтобы товарищ наш того тунца оглушил или загарпунил. Тогда он достал топор, что был при нем и, перегнувшись через левый край, стал обухом бить того тунца по голове. Убивать он его не хотел, потому что побоялся, что запах крови может привлечь акул. Но тунцу все было нипочем. Словно его не железным обухом по голове били, а легкой тростинкой постукивали.

Тогда мы крикнули приятелю, чтобы он эту рыбу загарпунил. Отчего он сначала попытался убить ее топором, развернув его острием вперед, но тоже не добился успеха. Тогда он опять выпрямился в лодке и почти с испугом переспросил у нас, стоит ли эту рыбу вообще убивать, потому что с ней явно было что-то не так. Однако мы на это лишь засмеялись в ответ и сказали, что ему стоило бы немного сил поднабраться, раз он с простой рыбиной совладать не сумел. Тогда он и сам вроде как разозлился, взял гарпун и ударил эту рыбу.

Тут капитан на минуту прервался, помолчал и пару раз потянул пустой уже воздух из погасшей теперь трубки. Но он не стал ее больше раскуривать, а просто, слегка наморщив нос, продолжил.

— Да, — сказал он, — товарищ наш ударил тогда эту рыбу. Точнее, хотел это сделать. Вот только не попал он по ней, а попал в свою же собственную лодку. А мы, находясь на борту корабля, едва со смеху тогда не попадали. Ну вот ты сам только представь себе. Что за недотепа такой. Топором рыбу не убил, да теперь еще и гарпуном свою лодку продырявил. И мы уже стали опять ему громко кричать, пока не заметили нечто неладное.

Товарищ наш не шевелился. Нет, он все по-прежнему стоял на месте и смотрел куда-то вниз и вперед, как раз туда, где и находилась та злополучная рыба. Вот только не двигался он совсем. Руки его повисли словно плети, а голова, как нам тогда показалось, стала покачиваться. Кто-то побежал за биноклем. Но пока он бегал вперед и назад, течение воды немного развернуло лодку нашего приятеля, отчего мы, причем вот прямо все и разом, буквально застыли на месте от ужаса. Конец того гарпуна, которым он только что хотел убить странную рыбу,

теперь торчал у него из спины. А сам он просто повис на этом гарпуне без движения. И это было просто непостижимо. Вот ты сам подумай только, как можно в себя самого гарпуном попасть. Не в лодку даже свою и не в ногу, а в спину. Да так еще сильно ударить, что пронзить не только все тело насквозь, а еще и обитый железом проклепанный бортик лодки.

Совершенно не помня себя от страха, мы тут же обрезали все канаты, которыми крепилась к кораблю наша сеть, подняли паруса и что было сил бросились прочь от этого места. А товарищ наш все так и остался стоять в своей загарпуненной шлюпке как прежде, недвижимый и теперь уже мертвый. И более того, потом, намного позже, некоторые матросы с других кораблей рассказывали мне по секрету, что несколько раз видели в море эту пробитую гарпуном одинокую шлюпку, в которой все так же кто-то стоял.

39. Люк

Трава была высокой, почти до самого пояса. Поэтому более удобного места для обеда Кир в этом поле просто не нашел. И это был ужасно старый и сильно проржавевший железный люк, на который он положил сначала свой платок, а затем и вытащил все остальное. Из припасов у него оказались вареные яйца, кусочек жареной свинины, пучок свежей зелени и даже сыр. Устроившись поудобней и стараясь сдерживать аппетит, Кир приступил было к самой трапезе, как вдруг ему показалось, что рядом с ним кто-то плакал. Вот так, совсем близко от него. Немного приподнявшись, Кир посмотрел по сторонам, но никого поблизости не увидел. «Уж не почудилось ли это мне», — подумал он поначалу. Но нет, — вот снова эти всхлипывания, а затем уж и причитания. И это был, похоже, женский голос, хотя, почти неразличимый.

Кир встал, еще раз посмотрел по сторонам и только после этого пришел к единственно возможному заключению, что это кто-то там в колодце плакал, под крышкой того железного люка, возле которого он сейчас сидел. Забыв уже про сам обед, Кир переложил еду к себе в рюкзак и, подцепив ножом увесистую крышку, открыл железный люк. Но ничего особенного не увидел. Один лишь круглый и пустой колодец, уходивший глубоко под землю, да почему-то обломанные железные скобы, по которым все обычно и спускались в такие вот люки. Решив уже не отступать, Кир закрепил наверху веревку, которая была при нем и начал медленно спускаться. «Ведь если это кто-нибудь нечаянно упал туда, — подумал он с беспокойством, — то он может там вообще погибнуть». А значит помочь несчастному бедолаге, было его прямой обязанностью. О том, что люк в подобном случае остался бы открытым, Кир в тот момент даже не подумал.

Спустившись вниз, Кир стал оглядываться. И к своему удивлению обнаружил, что вокруг было не так уж и темно. Конечно, само то место, где он сейчас находился не могло быть особенно темным, поскольку из открытого люка наверху сюда проникал дневной свет. Однако и вдалеке на дальнем конце того прохода, в центре которого он сейчас стоял, также словно бы светилось что-то. Как будто некий призрачный огонек едва мерцал там, то угасая, то разгораясь вновь. Заинтересовавшись увиденным, Кир осторожно двинулся вперед, чтобы посмотреть на все поближе.

И каково же было его удивление, когда вместо ожидаемого грязного коллектора, где только паукам и крысам жить, он

обнаружил невероятно огромное пространство, светлое и просторное. А посреди этого пространства кирпичный дом, красивый и большой. Еще же там гуляли какие-то диковинные птицы с довольно пестрым оперением, росли плодовые деревья, а на земле была трава. Причем траве Кир удивился более всего. «Откуда она здесь, — подумал он, — и почему не высохла совсем и не пожелтела? Ведь солнца-то здесь нет». Впрочем, никакого солнца в этом месте и не требовалось, поскольку все вокруг было освещено электролампами, которые светили сверху, с потолка.

Подойдя к кирпичному дому, Кир вновь услышал все те же причитания, что и наверху, а затем вдруг и плач: тихий, безнадежный. Не в силах более сдерживаться, Кир буквально вломился в этот дом, где и увидел девушку. Стройную и невероятно красивую, но с совершенно заплаканным лицом. И эта девушка очень сильно испугалась его поначалу, но потом вдруг поднялась со своего кресла, на котором до этого сидела и упала ему прямо в ноги.

— Спаси меня, — запричитала она в сердцах, — вызволи из этого подземелья. Я всегда буду верной женой тебе и буду крепко любить вплоть до самой своей смерти. Страшный змей увлек меня сюда и держит против моей воли. А раньше я свободной была и жила у себя деревне. Она даже здесь, совсем неподалеку. И у меня там дом. Он не такой красивый и большой как этот. Но зато он мой и никто не может мне в нем ничего приказывать.

— Ах-х, — невольно вздохнул Кир, пораженный услышанным, — конечно же я помогу тебе. Но, что за змей? Большой ли он, и сильный? И где сейчас находится?

— Он ползает где-то по катакомбам, — ответила ему девушка. — И он не слишком большой, и совсем не сильный. Но очень опасный. Если он укусит тебя, то ты тоже превратишься в змея. И будешь вечно ползать здесь впотьмах. И только ночью, когда восходит полная луна, будешь становиться прежним. Но весь тот мир, свободный и большой там наверху, будет навсегда для тебя потерян.

— Я буду осторожен, — ответил ей Кир, доставая охотничий нож. — Но ты пока оставайся в этом доме и никуда не уходи.

— Хорошо, — ответила ему девушка, которая взобралась теперь на кресло вместе с ногами, где сразу же и затихла.

А Кир не стал пассивно ждать. Он прошел сначала в сад, где отломал себе несколько длинных веток от плодовых деревьев и, заточив их с одного конца, сделал себе острые пики. Затем он взял несколько увесистых камней и положил их в разных местах на лужайке перед домом, чтобы в случае чего воспользоваться

ими как оружием. И только после этого забрался в небольшую клетку, которая стояла в стороне и предназначалась, по всей видимости, для тех чудесных птиц, которые гуляли среди деревьев, где сразу же и затаился.

Ждать же ему пришлось довольно долго, почти до самого вечера. Вот только сама схватка, которая за этим последовала, была очень скоротечной. Змей, как оказалось, почувствовал каким-то образом, что в его владения пробрался чужак, отчего и не пополз к своему дому сразу, а обогнул его сзади. И если бы не та железная клетка, в которой Кир сейчас сидел, то все закончилось бы совсем уж плачевно. Однако, поскольку эта клетка открывалась лишь только в одну сторону, то и змею пришлось нападать на своего противника спереди. Но Кир был опытным охотником и очень смелым. А поэтому уклонился от первого броска змея, а перед вторым и сам подскочил к нему и нанес ответный удар. Змей закричат от боли и стеганул Кира своим длинным хвостом, отчего тот, выронив нож, отлетел чуть ли не к самому центру зеленой лужайки. Однако у него оставались еще камни и пики, которые он там оставил. А поэтому, когда змей снова на него пополз, кинул в него сначала тяжелый камень, а потом еще и пику вперед выставил. И тут змей отчего-то вдруг остановился и внимательно посмотрел на Кира. И таким тоскливым был этот взгляд, и столько в нем было боли и отчаяния, что у иного могла бы даже проснуться и жалость. Но Кир не стал медлить. Он в мгновение ока подскочил к ужасному змею и ударил его своей пикой прямо в голову. Отчего змей зашатался сперва, а затем, не издав уже ни единого звука, медленно завалился на бок.

В тот же миг из дома выскочила счастливая девушка, которая, как оказалось, за всем наблюдала через открытое окно и, подбежав к Киру, буквально повисла у него на шее.

— Меня зовут Лера. Лера, — повторила она ему, — и я буду твоей женой, как и обещала. Вот только подними меня наверх. Я не хочу больше и минуты здесь оставаться.

После чего они вместе уже прошли к тому колодцу, через который Кир проник сюда и вылезли наружу. Причем Кир сначала вылез сам, а девушка, по его совету, просто обвязала себя веревкой, после чего он вытянул ее. Покуда шли до дома, Лера рассказала своему спасителю о том, что с ней произошло. Как оказалось, этот вот самый змей когда-то прежде даже сватался к ней. Но он тогда еще не был змеем. А обычным тримом, но только из другой деревни. И он очень сильно любил ее, однако она ему отказала. И так он старался ее уговорить, и эдак, на какие только уловки не шел, чтобы она переменила свое

решение. Буквально на коленях перед ней ползал. Ничего не помогало. И тогда-то он, то ли от своего горя, то ли от этих вечных просьб и затаенной обиды, стал змеем. А может, это ему уже просто надоело вот так перед ней пресмыкаться и упрашивать стать его женой. Но однажды он, прямо посреди темной ночи, похитил ее и увлек в свое подземелье.

Наконец они пришли и девушка, постелив своему жениху в одной из комнат, пошла наконец спать в свою такую привычную и удобную постель. А наутро, когда проснулись, Кир хотел было снова подойти к своей невесте, чтобы поцеловать ее, но та отчего-то отстранила его от себя и сказала:

— Я очень благодарна тебе за то, что ты спас меня вчера и вызволил из того подземелья. Однако я свободна теперь и вольна делать все, что захочу. И, сказать по-правде, — она вздохнула, — но ты не очень сильно мне понравился. И если ты действительно меня любишь, то позволь мне жить так, как я желаю. Потому что иначе это будет ничем не лучше той жизни взаперти.

— Но как же твое обещание?! — уже не сдержавшись воскликнул Кир. — Ведь ты же сказала вчера внизу, что будешь моей женой. И я уже успел тебя полюбить.

— Но это было вчера, — спокойно ответила ему Лера. — А сегодня я здесь у себя дома, и ты не можешь мне приказывать.

И тут-то Кир уже понял все. И почему тот несчастный, бывший ее жених обратился змеем, и почему не стал на него нападать под самый конец, а просто смотрел печально, словно ожидая чего-то. И почему так безропотно принял свою смерть, даже не пытаясь защититься. Все это произошло из-за того, что девушка была жестокой. Красивой, умной, но невероятно жестокой с совершенно каменным сердцем. Отчего он, также понурив голову, развернулся и, не говоря более ни слова, пошел куда глаза глядят.

Спустя какое-то время он вновь пришел к тому колодцу, у которого вчера все и началось. Посидел возле него, подумал. А потом спустился вниз. И он уже закрыл на этот раз за собой железную крышку люка. Внизу же он направился через темный ход к прекрасному дому, который страшный змей соорудил для своей возлюбленной. Потом подошел к самому змею и просунул руку прямо ему в пасть. Острые зубы мертвой рептилии касались теперь его кожи. Но он совсем не боялся этого. «Нет, не этого ему надо было бояться и в прошлый раз, когда еще только спустился сюда», — уже со слезами на глазах подумал Кир. После чего тяжело вздохнул, попрощался со своей прежней жизнью, и тихонько стукнул коленом снизу по змеиной челюсти.

40. Подснежники

— Угу, угу, — ухала сова. — Иди, иди, — словно бы говорила она.

Лина шла и никак не могла понять, чего хочет от нее эта птица, что она так к ней привязалась. Ведь эта сова с самого начала ее будто преследовала, едва лишь девушка зашла в зимний лес. При этом она словно нарочно ее все время отвлекала и путала. И вот теперь, когда Лина совсем уже потеряла тропинку, по которой в другую деревню шла, еще и ухать начала. «Ну вот, — подумала про себя девушка, — добилась ты все же своего, птица лесная. А теперь мне и вправду ничего другого не остается, кроме как за тобой идти. Вот только куда? Куда ты меня приведешь, к гнезду своему или туда, куда мне на самом деле надобно?» Лина посмотрела на сову. А та, будто и впрямь угадав ее мысли, вновь громко ухнула, взмахнула своими серыми крыльями и полетела куда-то дальше.

Она не улетала вперед слишком далеко, а отлетев на некоторое расстояние, садилась на ветку ближайшего дерева и спокойно дожидалась девушку. А Лина с трудом за ней поспевала. Ведь в это время в лесу было еще очень много снега, да и мороз оставался по-зимнему крепким. И хотя вскорости должна была наступить ранняя весна, но в лесу этого пока совершенно не чувствовалось. Наконец Лина совсем выбилась из сил и села на ствол упавшего дерева. Она достала из своей сумки небольшой кусочек вареной курицы и хлеб. А затем и огляделась по сторонам. Ей срочно нужно было куда-то идти. Но куда, она совершенно не представляла. Ведь солнце тогда уже клонилось к закату и в лесу становилось по-настоящему холодно. Сова же тем временем, отлетев за небольшой холмик, который весь был покрыт пушистым снегом, отчего и напоминал огромный сугроб, вновь словно бы позвала девушку. Она несколько раз призывно ей ухнула и захлопала своими крыльями. Но Лина, на этот раз не пошла за ней, а вновь стала оглядываться.

И тут она вдруг увидела, что где-то совсем недалеко, между густых и темных ветвей деревьев блеснул очень слабый огонек. Обрадовавшись, она быстро встала и пошла в том направлении. Сова же взлетела из-за сугроба и стала хлопать перед нею крыльями, как будто специально мешая идти. «Ну уж нет, — сказала ей Лина твердо, — на этот раз ты меня с пути не собьешь, лесная птица». И отмахнувшись от совы, пошла еще быстрее. Приблизившись к огоньку, она увидела, что это был свет от окна в совсем небольшом домике. Дом этот был деревянным

и на удивление старым. Он был весь косой и кривой, как будто стоял здесь уже очень давно. Обойдя его со стороны, Лина постучала в низкую дверь. Но ей никто не ответил. Тогда она внутрь вошла и… тут же, пролетев несколько метров по воздуху, упала плашмя прямо на пол.

Через некоторое время Лина тихонько приподнялась с пола и стала оглядываться. Это был вполне обыкновенный деревенский дом, с камином у стены, высоким шкафом и книжными полками. Кроватью в углу, столом и картиной на стене. На этой картине был изображен заснеженный лесной пейзаж. Приглядевшись, Лина увидела на нем тот самый лес, по которому сегодня шла, причем с точно таким же домом. А рядом было изображено даже и то упавшее дерево, на котором она совсем недавно отдыхала. Девушка встала и подошла к двери. И хотя она не знала в точности, что произошло, но ей отчего-то казалось, что это именно дверь ее так толкнула. Она попыталась было ее открыть, но не смогла. Тогда она пнула ее ногой, но тоже безуспешно. После чего она подошла к маленькому окну и толкнула уже его. Но и окно ей не поддалось. Тогда она попыталась его разбить. Но стекло в этом окне было каким-то странным. Таким, что от ударов даже не треснуло. Тогда девушка уже по-настоящему испугалась и позвала на помощь. И хотя она точно знала, что в этом доме ее никто не услышит, но у нее просто другого выхода не было. Но ответом ей на это были лишь потрескивание огня в камине, шум ветра, да громкое хлопанье чьих-то больших крыльев. Девушка вновь посмотрела в окно и увидела в нем ту же сову, которая ее сегодня преследовала. Она билась теперь своими крыльями о стекло, словно бы тоже пытаясь его разбить. Наконец птица успокоилась, глянула как-то странно на девушку, после чего еще раз громко ухнула и полетела обратно в лес.

Лина же, решив, что выйти из этого дома у нее теперь не получится, подошла к камину и стала возле него греться. «Помру я, наверное, тут с голоду, — подумала она грустно. — Ведь здесь ни еды, ни воды совсем нет». И хотела было уже заплакать, как вдруг услышала, что на сковородке, что стояла на железной решетке прямо в камине, вдруг зашкворчало что-то. Вытерев навернувшиеся слезы, девушка увидела, что там лежит почти целая и уже жареная курица, да еще с какими-то вкусными приправами. Не веря своим глазам, Лина сняла сковородку с огня и попробовала жаркое. Все оказалось очень вкусным. Доев курицу, девушка почувствовала, что теперь уже очень хочет пить, и тут же услышала, что позади нее будто что-то капает. Она оглянулась и заметила, что с картины, что висела на стене, прямо с ее холста и рамы, медленно, как будто слезинки из глаз стекает

чистая вода. Лина подошла к картине и подставив под нее руку набрала этой воды. Сделав так несколько раз и утолив жажду, она почувствовала, что теперь ее клонит в сон. После чего подошла к кровати, что стояла у стены. И только что она на нее легла, как тут же закрыла глаза и, то ли от усталости, то ли от тепла в этом доме, очень крепко заснула.

Снились ей все тот же лес и сова, которая ее весь этот день преследовала. А еще странный дом, в котором она теперь спала и картина на стене. Вот только сейчас на этой картине была уже весна. Вот и сугробов на ней почти не осталось, а на проталине возле того небольшого холма, куда ее сова заманивала, появились белые цветы — подснежники. И это было словно волшебство, потому что цветы эти были очень красивыми. Такими, что даже светились слегка. А еще эта картина как будто говорила что-то ей. И это были слова об этих цветах и об огне, но Лина не разобрала.

Проснулась она уже поутру. И, вспомнив про запертую дверь, тут же подошла к ней. И, о чудо, — дверь на этот раз легко растворилась. Лина вышла на улицу. А там все стало совсем иным. Вокруг все было уже по-весеннему и с деревьев, и с крыши дома капала вода. Светило яркое солнце, а на земле появились проталины. Вспомнив про свой сон, Лина пошла к тому месту, где вчера на бревне сидела и увидела, что там и вправду неподалеку появились цветы. И они были очень красивыми и даже светились слегка. Но только что она их сорвала, как прямо за тем пригорком, над которым сова хлопала своими крыльями, послышался тихий скрежет. Она обошла его и увидела, что земля там немного разошлась в разные стороны и открылся подземный ход. Лина посветила внутрь своими цветами, но ничего не увидела. Тогда она сделала шаг вперед. Внутри же оказалась небольшая земляная лестница, а за ней просторное помещение. В дальнем углу этого помещения находился огромный каменный алтарь, а на алтаре, гнездо. Причем гнездо это было тоже каменным. Лина подошла к гнезду и увидела, что на нем сидела все та же сова, которая ее вчера в лесу преследовала. Но сейчас эта птица крепко спала, отчего, закрыв глаза, слегка покачивалась из стороны в сторону.

И только что Лина повернулась к ней спиной и хотела было выйти прочь, как услышала позади себя скрипучий голос. А еще через мгновенье на плече она почувствовала и лапу когтистую. Оглянувшись, Лина увидела перед собой старуху страшную с огромными черными глазами. Роста она была невысокого, а нос у нее был крючком. В одной руке она держала посох каменный, а другая у нее была и впрямь как будто птичья. С тремя тонкими

костлявыми пальцами и когтями. И старуха эта сказала ей:

— Я не для того тебя сюда в лес заманивала, чтобы дать вот так легко отсюда выбраться. Мой глупый пасынок помог тебе вчера, но теперь тебе уже не спастись.

После чего стукнула пару раз посохом по полу и стала обходить полукругом девушку. А та, кинулась было к выходу, но обнаружила, что он теперь закрыт. Тогда она стала искать путь к спасению. Но везде увидела лишь темноту кромешную, да на полу кости белые. И эти кости были явно не звериные. Тогда она, просто от невыразимого ужаса махнула своими цветами куда-то вперед. И случайно попала ими по каменному посоху. Отчего тот затрещал сначала сильно и начал разваливаться. А старуха, как только это увидела, и сама закричала страшным голосом и стала рассыпаться на птичьи перья. А когда она вся целиком рассыпалась, то проход наружу и открылся, отчего Лина сразу же выбежала наверх.

Однако и там она пока еще не знала куда идти, а оттого вернулась к деревянному домику, в котором спала этой ночью. И когда она в него вошла, то вновь обратила внимание на ту картину на стене. И эта картина вновь шептала ей что-то, но уже более отчетливо: «Кинь белые цветы в огонь, — говорила ей картина, — объедини живое и разумное. Пусть светлый разум станет разумом, а тело крепкое будет телом». И Лина хотела было уже кинуть свои цветы в камин, как заметив на картине точно такие же цветы, задумалась: «А какие же мне цветы в огонь кинуть, живые или нарисованные?» Но подумав немного, кинула в огонь цветы живые. И в тот же миг вся комната наполнилась густым белым дымом. А когда он рассеялся, то перед Линой стоял молодой и красивый юноша. Вот только одна рука у него было словно птичья, а глаза светились слегка. И сказал он ей:

— Спасибо тебе милая девушка за то, что ты мне помогла и из большой беды выручила. Заколдовала меня злая мачеха. Невзлюбила она меня за светлый ум мой и сердце очень пылкое. Из сердца моего она огонь в камине сделала, а из ума картину зимнюю. И как же жаль, что ты живые цветы выбрала. Ведь если бы ты в огонь картину кинула, то стал бы я таким как прежде и были бы мы с тобой навеки счастливы. Но теперь я тоже стал волшебником, и мы с тобой уж больше не увидимся. И все же разреши мне подарить тебе вот это золото. Его злая мачеха в камине за огнем прятала. А также и картину эту. Ведь на ней изображена почти вся моя прежняя жизнь, которую ты, как стужу лютую своей удивительной красотой растопить смогла.

После чего молодой волшебник проводил Лину назад в ее деревню. Где она жила потом долго и счастливо. Вот только

иногда снимала она со стены картину свою зимнюю и, стирая с нее пыль, легонько рукой ее гладила. И тогда по холсту ее и раме узорчатой почти незаметно словно бы вода текла чистая. А, быть может, то просто слезы капали.

41. Древесный аромат судьбы

Раз-раз — взмахнула крыльями бабочка, два-два, полетела она еще выше, три-три и села на дерево — высокую вечнозеленую сосну. Сосна эта была невероятно красивой и очень большой. Она стояла в окружении других, таких же как и она высоких сосен, которых в этом лесу было немало. И бабочка, которая никогда еще не поднималась на такую высоту, невольно это оценила.

— Какое ты красивое дерево, — сказала она с восхищением, — да и высокое такое. Я никогда еще таких в жизни не видела.

— Но почему же, не видела, — спросило у нее дерево, слегка заскрипев, — ты разве сама теперь ничего уже и не помнишь? Да ты погляди только, ведь в нашем лесу немало таких же как и я высоких сосен, причем не менее красивых.

— Ох да-а, — с восторгом посмотрев по сторонам, ответила ей бабочка, — права ты. Вот только жаль, что память у меня совсем уж короткая и я всегда все забываю. А помню только то, что произошло со мной совсем недавно. Вот даже мы сейчас с тобой поговорим, а вскоре я все полностью забуду. И в этом мое счастье. Ведь стоит мне лишь взмахнуть своими крылышками, как все мои мысли — прочь, и мир вокруг меня опять становится удивительным и прекрасным.

— Какое же это счастье вот так все время все забывать? — не согласилась с ней сосна. — Ведь так тогда выходит, что у тебя как будто совсем нет прошлого. Ну посмотри хотя бы на меня, — она подвигала ветвями, — вот видишь, какая я высокая. И это только потому, что мне уже очень много лет. Но каждый такой год я до сих пор прекрасно помню. Они у меня на годовых кольцах записаны. И я всегда могу сказать, когда он начался и чем закончился, какие в нем были события. Засушливый ли он был или пасмурный. А может быть в тот год в лесу летало много разных бабочек, которые, вот прямо как и ты сейчас, садились мне на ветви, — сосна несильно, по-видимому засмеявшись, покачалась из стороны в сторону.

— Не понимаю я тебя, сосна, — задумчиво ответила ей бабочка. — Ну как же можно помнить свое прошлое. И главное, зачем? Ведь мы с тобой живем лишь в настоящем.

— Ну, ты меня с собой не сравнивай. Ведь я живу не только в настоящем. Вот мы сейчас с тобой беседуем, а вижу я тебя из прошлого: какой ты ранее была, когда по веткам ползала. Ведь ты тогда зеленой гусеницей была, ну а потом окуклилась. Но я тебя тогда уже не видела, поскольку ты в траву упала. Ну а когда

ты превратилась в бабочку, то уже сама взлетела снова вверх и вот, уселась мне на ветку.

Бабочка от удивления даже попятилась. Она совсем не понимала, о чем рассказывает ей сосна. «Да как такое может быть, — все думала она, — и кто такие эти гусеницы, а куколки? И что за превращения? Да не обманывает ли ее зачем-то это дерево?» Она была уже почти напугана, и даже собиралась было улететь, когда сосна заметила это ее недоумение, вновь покачала медленно ветвями и продолжила.

— Да, да, поверь, ведь я тебя не в первый раз здесь вижу. Хотя и прежде ты была особенной. Ведь ты тогда наверх залезла, почти по голому стволу. И это несмотря на запах. А запах мой не любят гусеницы. Но ты совсем другой была, ужасно любопытной. Ведь ты и кашляла, и чихала, когда наверх карабкалась. Но любопытство все же взяло верх и ты до этой ветки добралась.

— Уж, да уж, я такая, — ответила ей бабочка, слегка повеселев. — Я и сейчас сюда взлетела, чтобы на все получше посмотреть.

Но чтоб развеять все сомнения окончательно, решила уточнить:

— Скажи, сосна, а кто такие эти гусеницы и как они окукливаются? Ведь ты же говоришь, что я такой была, когда ты в прошлый раз меня здесь видела. И что потом мы здесь с тобой беседовали.

— Конечно же беседовали, — ответила сосна. — И я еще ни разу не встречала таких болтливых гусениц. Ведь ты пока наверх карабкалась, все время что-то говорила. И все тебе узнать хотелось. Какие корни у меня и лет мне сколько, и почему такая крона пышная. А я тебе рассказывала. Вот только зря все это было, — сосна вздохнула, — ведь ты теперь все полностью забыла. И даже то, какой сама была.

— Мне что-то, правда, очень жаль, — вздохнула грустно бабочка. — Но главное, скажи, что я тогда здесь делала, когда наверх залезла? Понравилось мне тут или нет, и что потом случилось?

— Тебе ужасно здесь понравилось. Да так, что ты картину начала плести из очень тонких нитей. Ведь ты же бабочка лесного шелкопряда. И все на той картине было выткано. Все то, что видно с высоты. Но только ты немного увлеклась и вниз упала. И больше я тебя уже не видела. Вплоть до сегодняшнего дня.

— А что на той картине было выткано? Сосна, скажи, мне это надо знать.

— Ты выткала на той картине лес с животными и птиц. Да так искусно, что даже сами птицы, которые тебя в тот день здесь

видели, не тронули тебя. А только сели на соседних ветках и тихо наблюдали. Да я могу тебе и показать картину эту, она у меня в дупле лежит.

И вот сосна нагнула одну ветку, а за ней другую и расстелила перед бабочкой картину. И долго они ее еще разглядывали, почти весь день. И только ближе к вечеру сосна сказала:

— Вот видишь, бабочка, какая ты была искусница. Ты и сейчас такая, но не помнишь ничего. И хорошо, что есть на свете те, кто помнит все и никогда не забывает. Вот взять меня: ведь я живу не только настоящим, но также тем, что уж давно прошло. Причем живу одновременно. И для меня ничто не прерывается, ни жизнь, ни время, ни судьба. А оттого я в точности такая, как много лет тому назад. И вижу то, что было прежде. Ведь для меня не существует дней, недель и лет. А только жизнь, без края и конца. Я вижу первый снег, который выпал сотню лет тому назад. И вижу лед, что таял по весне. Я вижу прошлогодний дождь, что шел почти все лето, и туман. Ведь я не только вижу время и судьбу, я вся и есть моя судьба, которая имеет форму. А также дивный цвет и аромат. И пусть я не могу летать как ты, зато судьбу свою я знаю хорошо. И от нее совсем не отклоняюсь.

— Мне кажется, я поняла тебя, сосна, — ответила ей бабочка. — И вижу я, что прошлое красиво. И я совсем не удивляюсь, что увидав такую красоту, пыталась сохранить ее. Поэтому, теперь мне кажется, что прошлое мне также нужно, как тебе. Ведь в нем так много красоты. И я могу тебя понять. Но это лишь сегодня. А завтра я все полностью забуду. И только лишь картина эта мне будет о тебе напоминать. Но пусть все будет так, и этот день умрет, но я хочу услышать обо всем. О прошлом и судьбе. О том, что мне совсем уж не подвластно.

— Так слушай же, — ответила сосна. — Загадка эта для тебя почти неразрешимая. И это далеко не так легко, как видеть мир с огромной высоты. Ведь чтобы прошлое понять, тебе необходимо знать его и помнить. Но мы сейчас с тобой о нем поговорим. И раз уж я тебе однажды помогла, то помогу и вновь. Уж мне-то прошлое знакомо. Ведь слышу я его и вижу, ветвями ощущаю и стволом. Корнями глубоко под землю пробираюсь, чтоб не забывать все то, что было прежде. Но хватит предисловий, внимательно ты слушай. И ничего не бойся, просто верь.

После чего сосна немного покачалась, подвигала ветвями перед бабочкой, как будто убаюкивая ту, и начала:

— Я вижу прошлое и будущее. Ты видишь только настоящее. Но настоящее скрывает прошлое, в котором ты живешь сейчас. Я вижу прошлое и настоящее, ты видишь прошлое и будущее,

но это будущее не сменит прошлое, которое теперь давно прошло. Ведь в этом будущем совсем нет прошлого, а в прошлом только настоящее, но настоящее укрыто временем, в котором спрятан дивный клад. И этот клад включает прошлое, а также будущее и настоящее, и этот клад зовут призванием, а иногда, твоей судьбой. И если ты отыщешь клад, поймешь ты прошлое и настоящее, услышишь тихий шепот времени, почувствуешь свою судьбу. И навсегда запомнишь ты тот редкий цвет и аромат, тот тихий звук, что шепчет мне о вечном времени всегда. Заснешь ты и проснешься ты, и не заснешь уж никогда. А будешь знать свой верный путь средь неподвижных перемен. Ведь смерти нет и жизни нет, рожденья нет, но есть судьба. Так слушай же свою судьбу, вдыхай тот дивный аромат. И проживешь тогда всю жизнь, без ощущения времен. Не будешь думать о часах, о днях, о прожитых годах. Не будешь думать о былом, а лишь о том, что может быть. Ну а теперь давай, проснись и помни о моих словах. Попробуй отыскать судьбу, лети на цвет и аромат. Порхай и слушай, и ищи. И верю я, что ты найдешь. Тот ценный клад, что есть судьба, тот дивный клад, что для тебя. Тот, что всегда укрыт под временем, и тот, что все зовут судьбой.

Наконец сосна закончила свой короткий монолог и вздохнула. Она знала, что все это опять было бесполезно и что красивая бабочка вскоре вновь обо всем позабудет. Однако сейчас бабочка сидела у нее на ветке и была по-настоящему поражена. Поскольку, как ей неожиданно тогда почудилось, действительно уловила свой собственный, особый запах, который показался ей совершенно новым. И этот запах был не менее таинственным, чем тот, который шел от большой сосны. И бабочка вдыхала его с удовольствием. Пусть только лишь на несколько мгновений уловив ни с чем не сравнимый и головокружительно чудесный аромат своей судьбы.

42. «Я» на букву «т»

— Нет, в этом мире нет ничего хуже неизвестного, — сказал пожилой трим, обратившись к своим попутчикам. — Я знаю, что все вы видите то же, что и я. Однако я уверен все же, что каждому из вас мерещится здесь что-нибудь свое.

— Да как такое может быть? — ответил ему с сомнением молодой трим по имени Ледо. — Разве можем мы видеть нечто разное? Я конечно понимаю, что все здесь какое-то необычное и расплывчатое. Но может быть с восходом солнца все еще и изменится.

— Я что-то сомневаюсь в этом, — произнес третий трим из этой компании, по имени Сентио. — Я ведь вчера вечером уже говорил вам, но вы мне не верили, что с этим местом явно что-то не так. И я заметил, еще даже среди сгущающихся теней, что во всем этом есть нечто подозрительное. Да вы и сами посмотрите, — он повел рукой, указывая на почти бескрайний темный лес, который распростерся вокруг них.

Лес этот — и это путники теперь уже отчетливо видели — был очень необычным. Ведь все в нем, начиная с травы и кончая деревьями было словно соткано из серого тумана, который буквально накрыл их позапрошлым днем. И этот серый туман как раз и не дал им разглядеть как следует, куда они шли. Потому что в противном случае, они наверняка повернули бы назад, и не стали заходить так далеко в такое странное место. Поскольку слышали не раз: и от других тримов, да и сами друг другу рассказывали, что именно в таком вот странном лесу как раз и обитала страшная колдунья. Она, по слухам, которые сами по себе брались невесть откуда, буквально вытягивала всю жизнь из того, что ее окружало. И некоторые говорили даже, что если к ней приблизиться, то обязательно умрешь.

И вот теперь все трое тримов стояли на одном заросшем травой месте, буквально боясь пошевелиться, и пытались угадать направление, в котором нужно было идти.

— А если мы все же не сможем выбраться? — спросил Ледо тихим голосом. — Что нам тогда-то делать? Ведь эта колдунья, что здесь по слухам живет, наверняка попробует вытянуть из нас всю жизнь. И как нам этому сопротивляться?

— Не знаю, — ответил ему Парло — самый старший из их компании. — Но я слышал, что если знать какой-то секрет, который эта ведьма скрывает, то можно ее обмануть. Однако все, что я знаю о ней, так это то, что имя ее начинается с буквы «т», а заканчивается на «я».

— Так это вообще любое имя может быть, — ответил ему Сентио. — И как мы угадаем правильное? Я думаю, что нам рассчитывать на это все-таки не стоит. А стоит просто идти вперед, куда мы шли до этого. И надеяться на лучшее.

Так и поступили. Компания, собрав свои вещи, двинулась дальше в том направлении, в котором шла вчера. Однако уже к полудню тримы обнаружили, что зашли чуть ли не в самую чащу страшного леса. А оттого вновь остановились и стали оглядываться. И первое, что они увидели позади себя, были два страшных красных глаза, которые выглядывали откуда-то из темноты. Теперь уже не на шутку испугавшись, приятели едва не кинулись бежать вперед. Однако странные глаза не отставали. Они явно принадлежали какому-то дикому зверю, поскольку двигались вперед таким образом, словно кто-то совершал короткие прыжки.

Наконец все трое буквально вывалились из леса на широкую поляну. И, оглянувшись, заметили, что страшные глаза остались позади в лесу. Вздохнув с немалым облегчением, приятели немного осмотрелись и, едва не замерли от ужаса. Как раз на той поляне, на которой они сейчас все находились, стояла каменная избушка. Которая явно принадлежала той ужасной ведьме, о которой они говорили с утра. Однако, не успев как следует испугаться, они увидели, что дверь избушки растворилась, а на пороге появилось нечто.

И это действительно было странное создание, поскольку каждый из друзей увидел в нем что-то свое. Парло увидел нечто ужасное. Это было невероятное, страшное чудовище, которое подергивало своими скользкими лапками и буквально с аппетитом смотрело на него. Сентио увидел дикого вепря, который стоял на задних лапах, как на дыбах конь, и явно готовился на него напасть. Ледо же увидел, как ни странно, прекрасную девушку. Стройную и высокую. Она была одета в необычное и призрачное платье словно сотканное из цветов и веток.

Наконец все трое, избавившись от первой оторопи, двинулись в разные стороны. Парло отшатнувшись, ничком бросился на землю и стал причитать, чтобы страшное чудовище его не тронуло. Сентио пустился наутек. И только Ледо решился подойти к девушке. Однако, когда он попытался с ней заговорить, она прервала его, и поднеся указательный палец к губам, тихонько произнесла: «Тсс-с».

— Я знаю кто ты, — сказала прекрасная девушка тихо, — и ты единственный, кто может видеть меня такой. Поскольку все остальные тримы боятся меня. Но ты, — она указала на Ледо, —

быть может и станешь правителем этого леса вместе со мной.

А Ледо, прислушиваясь к словам девушки и помалкивая, думал лишь об одном, что только он, действительно, сможет ее полюбить и даже сказал себе такую фразу: «Я, и только я смогу любить тебя. Не даром же твое имя заканчивается на „я“ и это значит, что мне самой судьбой предназначено быть здесь».

И девушка как будто поняла в тот момент, о чем думал молодой трим. Однако вместо радости, вздохнув, произнесла:

— Ты пока еще не уверен в себе. Ты сейчас такой же неопределенный словно этот лес вокруг, — она повела рукой. — Поэтому сейчас ты должен продолжить свой путь и идти в ту долину, в которую вы направлялись. Я же пока буду ждать тебя здесь. И если ты решишь, что уверен в своих чувствах, то возвращайся.

На этом разговор был завершен и Ледо, пройдя мимо Парло, который уже вслух повторял свои слова: «Тварь, дикая тварь, теперь я знаю, почему твое имя начинается на „т“», не стал задерживаться возле товарища, а просто вскинул рюкзак за плечи, и пошел скорее прочь. По дороге, едва лишь войдя в лес, он наткнулся на того страшного зверя, которого они все так испугались. И к его удивлению, этим зверем оказалась собыка. Обыкновенная собака с длинной рыжей шерстью и вытянутой мордой. Потрепав по-дружески собаку по холке, Ледо пошел дальше.

И долго он так еще шел, пока не достиг долины, куда они все изначально шли. В долине этой, где располагалось обширное ремесленное поселение, он встретил Сентио, который уже успел рассказать всем о том чудовище, которое они видели в лесу. И местные тримы хотели даже собрать отряд из взрослых мужчин, чтобы отправиться в странный лес. Однако достаточного количества смельчаков для этого предприятия не нашлось.

Ледо еще некоторое время жил в прекрасной долине. Сначала он нашел там дом, который пустовал, а затем и принялся за свое ремесло. Однако мысли о странной девушке не покидали его. Он то и дело вспоминал о ней и думал: «И почему это она так настаивала на том, чтобы я был уверен в своих чувствах? Ведь сама она довольно странное создание, которое более напоминает облачко вечернего тумана, едва колышащееся от дуновений ветра. Да и всё вокруг нее такое же. И лес, и зверь ее, — собака. И даже небо с облаками, которые и так всегда расплывчатые, а в тех местах в особенности».

Встречался он и с Сентио несколько раз, и рассказывал ему о своих сомнениях. На что его приятель только в ужасе махал руками и отговаривал его.

— Ты что, — повторял Сентио, — смерти своей хочешь? Да ты будь счастлив, что мы вообще оттуда ноги унесли. Парло-то наш так и пропал. А ты теперь хочешь еще вернуться. Да она же просто околдовала тебя. Неужели же ты этого не в состоянии понять?

— Да я все понимаю, — отвечал ему неохотно Ледо, — вот только сделать с собой ничего не могу. И чем больше я борюсь с этой неопределенностью в чувствах, тем сильнее ощущаю, что я ну просто безнадежно влюблен в эту девушку. И мне теперь кажется, что я точно это знаю.

— Ну как хочешь, — ответил ему наконец Сентио. — Иди, ищи свою смерть. А я здесь пока останусь. Ведь там в лесу я ничего хорошего не ждал. И вот увидел, что увидел. Да так перепугался, что за несколько часов пробежал сначала, а затем прошел не меньше сотни километров. Поэтому твоя судьба — твоя. И тебе решать, как ей распорядиться.

Ледо после этого последнего разговора еще несколько дней промаялся. Но наконец решился. «Пусть я и погибну, — сказал он себе, — но жить без этой девушки я уже не в состоянии». После чего сложил свой рюкзак, взял ружье и отправился назад в таинственный лес.

На этот раз, зная уже дорогу, он довольно быстро нашел заповедную поляну с домиком. А кроме того, та длинношерстная собака, которая, очевидно, служила лесной ведьме, в последний день провожала его. Она вертелась постоянно рядом с ним, а потом бежала впереди, как будто указывая направление.

— Я знала, что ты придешь ко мне, — засмеявшись, произнесла прекрасная девушка, едва лишь на пороге ее каменного домика появился Ледо. — Но я не ждала тебя так скоро. Ведь ты теперь уверен в своих чувствах? — она внимательно посмотрела на него. — Потому что если нет, то ты, возможно, и не сможешь вернуться назад в свою долину, — тут взгляд ее переменился и стал каким-то острым.

— Я полностью уверен, — сказал ей Ледо, — что люблю тебя. Поскольку в противном случае я ни за что бы не решился вновь войти в твой странный лес.

— Ну а раз так, — произнесла торжественно девушка, — то пусть твоя уверенность и правит здесь. Ведь я являюсь частью этого леса, и вот такой уверенности нам всем ужасно не хватало.

— Скажи мне, — обратился вновь к ней Ледо, — а как тебя зовут? Ведь я лишь знаю только пару букв из твоего имени. Первую и последнюю.

— Когда-нибудь ты сам ответишь на этот вопрос, — сказала девушка прижимаясь к нему. — А пока же будь просто счастлив

и ни о чем меня не спрашивай.

Тут она поцеловала Ледо, после чего отстранилась от него и прошла вглубь своего домика. А сам Ледо не переставал удивляться и восхищаться прекрасной девушкой, которая с каждым мгновением становилась все прекраснее, потому что точно знала, что Ледо ее любит.

43. Дочь Солнца

Она была прекрасна. Она была непостижима и удивительна. Она была дочерью Солнца. Когда-то, очень давно она родилась в его глубинах совсем неожиданно и, конечно же, случайно. Никто не ждал ее появления на свет и не предвидел его. И тем не менее, это произошло. Невероятная, почти невозможная комбинация атомов химических элементов и полей была причиной ее появления. И вот теперь она предстала перед своим родителем, перед огромным пылающим шаром, внутри которого родилась. Предстала перед газовым гигантом, освещавшим все вокруг на многие миллиарды километров. Она предстала перед Солнцем. И долго длился их разговор, и много чего Солнце рассказывало ей о том, как устроен этот мир и какие в нем есть опасности. Какие скрытые и потаенные места, какие чудеса и красоты. А она все выслушивала, не задавая ни единого вопроса. Она вообще была скромна и неразговорчива. Она больше любила смотреть и слушать. Тихо, вдумчиво, очень внимательно.

Она долго потом путешествовала. По ближайшим планетам и дальним. Долетала даже до самых границ Солнечной системы, где кроме вечной пустоты и холода вообще ничего не было. Посещала она и Землю, где познакомилась с ее обитателями. Принимая их облик, она почти ничем от них не отличалась. А те, в свою очередь, приняли ее тепло и радушно. Кто-то предлагал ей свой стол и кров, а кто и выйти за него замуж. Но она неизменно всем отказывала, за что никто на нее не обижался. Ведь тримы, несмотря на вполне обыкновенный ее облик, как-то почувствовали, что она не была такой, как обычные девушки. «Ойи» — так они ее звали — всегда появлялась словно из ниоткуда и исчезала в никуда. Некоторые из них поговаривали даже, что она была настоящим призраком или привидением. Но приведением хорошим. Потому что всегда охотно им помогала. Причем не только явно, но и исподволь. Так, чтобы этого никто не замечал.

Например, она приносила им тяжелый снег с далекого Плутона и разбрасывала его по полям. Отчего урожаи на них сразу увеличивались. Делала дождь, распыляя воду, которую набирала на одном из спутников Сатурна. Отчего тримы в тех деревнях, где шел такой дождь тут же переставали болеть. Инструменты для них мастерила. Да такие легкие и прочные, что никто ничего подобного и не видывал. Ведь они были сделаны из металлических сплавов ядра Юпитера и легкого эбонита коры Венеры. Помогала она им и с постройкой новых домов

и с прочими разными оказиями. Причем не стеснялась даже самой трудной и рутинной работы. В пору же сбора урожая от нее вообще было очень много пользы. Ведь урожаи тогда стали на удивление обильными, а Ойи всегда работала едва ли не за десятерых.

Вот только грустила она иногда. И никто не мог понять причину этого. Некоторые, конечно, у нее об этом спрашивали, но девушка всегда уходила от ответа. И только лишь однажды некто неизвестный все-таки сумел догадаться о чем она думала. Причем этот некто и сам был довольно-таки странным. Появившись незаметно ночью, он склонился над ее постелью и произнес такую фразу: «Ты одинока». И все. А Ойи, когда проснулась, никак не могла понять, откуда могла услышать этот голос. Да и был ли он вообще или просто почудился. Однако с того момента она стала очень внимательно приглядываться к местным обитателям, в надежде хотя бы по голосу узнать своего ночного гостя.

Довольно долго ей это не удавалось. И она начинала даже подумывать, что все это был один лишь сон, как вдруг заметила маленькую фигурку на краю огромного утеса, врезавшегося глубоко в открытое море. Сама она в тот день грибы собирала и вышла ненадолго на край морского берега. Незнакомец же стоял на вершине скалы, а затем вдруг пристально глянул на нее и… исчез. Вот так, просто испарился в воздухе. И девушку это необычайно взволновало, отчего она тут же, бросив даже корзинку с грибами, буквально кинулась к тому месту. Поднявшись на вершину утеса, она, конечно, никого там не увидела. Но зато услышала нечто такое, чего уж ну никак не ожидала. «Я люблю тебя», — были тихие слова того незнакомца, которые даже после его исчезновения буквально повисли в воздухе словно эхо. А еще: «Приходи на это место завтра». И все. А потом были плеск волн, шум ветра и прекрасное чувство, которое, как яркая искра тотчас же вспыхнуло в глубине души девушки.

Ойи и сама не знала, как пережила ту ночь, поскольку просто сгорала от нетерпения вновь увидеть загадочного незнакомца. Но когда настало утро, тотчас же поднялась со своей постели, и с первыми лучами рассвета отправилась к высокому утесу. И к несказанной ее радости незнакомец был там. Это был совсем молодой еще парень, лет девятнадцати. Но не трим, конечно. И даже не человек. Ойи по его светло-голубым глазам и невероятно темному и насыщенному цвету волос, сразу же догадалась, что он был таким же как и она: сыном звезд. Но откуда он взялся здесь и почему так странно вел себя? Почему

не подошел к ней открыто и не рассказал обо всем? Она спросила его об этом, а незнакомец так ей ответил:

— Я знаю тебя, — произнес он тихо, — и знаю кто ты. Ты дочь Солнца, прекрасной звезды, которая всем нам дарит радость и тепло. А вот у меня никого нет. Ни родителей, ни друзей. И я не сын звезд, как ты, наверное, подумала. Меня люди сделали. Непреднамеренно, конечно, и очень давно. Они испытывали тогда одну очень сложную машину, состоявшую из огромного кольца и мощных магнитов. Пытаясь постичь тайны мироздания, они сгенерировали такое необычное поле, и так разогнали частицы в нем, что на свет появился я. И они даже сами тогда не поняли, что создали. Они лишь записали данные своего эксперимента к себе в тетрадь и все. Но потом я много раз пытался с ними разговаривать. Я просил их и умолял. Старался помочь. Но они мне не поверили. А ведь я мог полностью изменить их привычную жизнь. Я мог создать на этой планете всё, чего бы они ни пожелали. Но, не судьба, видимо. Сначала они меня просто игнорировали. Потом стали опасаться. А затем уж и гнать от себя, воспринимая как собственную болезнь. Да, они подумали, что просто сошли ума. И тогда я понял все. Что они просто не способны были принять что-то новое. То, что никак не укладывалось в привычные рамки их понимания. В чудеса же они совсем не верили.

— Но мне-то тримы поверили, — прервала его Ойи. — И они совсем не такие как прежние люди. Они знают, что не являются центром мироздания и что на свете есть и другие существа, куда более развитые. И они меня никогда даже ни о чем не спрашивали, приняв такой, какая я есть. И по-моему, это просто здорово. За это я и живу с ними, и всегда так помогаю.

— Нет, — ответил ей парень, — для меня на этой планете все кончено. Уж слишком велика обида. И меня здесь совсем ничто не держит. Все чужое и враждебное. Навсегда.

— Мне очень жаль, что у тебя все так получилось, — ответила ему Ойи. — Но что же ты теперь намерен делать?

— Я улечу отсюда. Улечу к центру Галактики, где очень много звезд. И хотя я не знаю точно, что смогу там найти, но зато я не буду одинок.

— Но ты и здесь не одинок, — теперь уже со слезами на глазах произнесла Ойи. — Ведь я тоже люблю тебя и у меня также никого нет. По крайней мере такого, как я сама. И к тому же я знаю, что таких как мы очень мало. Мне Солнце об этом давно рассказывало. Оно говорило, что у звезд очень редко рождаются дети. Хотя, конечно, если ты говоришь про центр Галактики…

Она замолчала. А затем, понурив голову, медленно подошла к необычному парню. А тот просто взял и обнял ее. Так, как будто делал это в последний раз в жизни. И этого Ойи просто не перенесла.

— Я полечу с тобой, — сказала она уверенно. — Туда, далеко, за многие миллиарды километров. Я оставлю все: и свой мир, и Солнце, и даже тримов, которых успела уже полюбить. Но без тебя мне теперь жизнь не мила.

— Айо, — ответил ей парень, — зови меня Айо. — Это буквы из имени главного конструктора той машины, из-за которой я появился на свет. Но, знаешь, ведь это путешествие очень трудное и далекое. Ведь сами мы туда никак не сможем долететь, а поэтому должны будем воспользоваться кое-чем невероятно опасным, но и не менее быстрым.

— Это чем же? — спросила его Ойи тихим голосом, который едва заметно дрогнул

— Черной звездой, — ответил ей Айо. — Да, и именно ей, — повторил он, глядя в глаза девушке, в которых вспыхнул уже настоящий ужас. — Но мы, конечно, не будем подлетать к ней слишком близко, потому что это гибельно для нас. Но мы всегда будем находиться на ее орбите. И звезда тогда сама уже нас разгонит до нужной скорости. Я долго наблюдал за космосом пока находился здесь и делал расчеты. И согласно им, как раз такая вот звезда вскоре должна пересечь плоскость эклиптики. Примерно между орбитами Марса и Юпитера.

— А когда же это произойдет? — спросила Ойи теперь уже почти шепотом.

— Сегодня, — ответил ей Айо. — И если ты хочешь полететь со мной, то мы должны отправиться прямо сейчас, потому что потом будет слишком поздно, и никакими усилиями мы не сможем уже эту черную звезду догнать.

Девушка затихла. Ведь она теперь понимала, что не успеет проститься ни со своими тримами, ни с Солнцем, ни с кем-либо иным, к кому успела уже так привыкнуть. Но рядом с ней был ее любимый, тот, кто был для нее теперь дороже всего на свете. И тогда она сказала:

— Я лечу с тобой. Я полечу с тобой даже на край Вселенной, лишь бы мы всегда были вместе. Вместе и навсегда.

После чего они, теперь уже вдвоем и, крепко держась за руки, взмыли сначала высоко в утренний воздух, а затем и покинули пределы земной атмосферы. Они вылетели в открытый космос, где сразу же направились к своей цели. Темной, почти невидимой черной звезде, которая беззвучно неслась с неимоверной скоростью по бескрайним просторам Вселенной.

И мало кто мог бы теперь заметить эти две маленькие яркие точки, которые находясь поблизости друг от друга, медленно вращались вокруг нее по вытянутой, очень удаленной орбите.

44. Последний человек на Земле

На морском побережье никогда не бывает по-настоящему скучно, особенно летом. Дети могут там купаться целый день или строить замки из песка. А взрослые наслаждаться прекрасными видами шумного моря или попросту загорать. Вот и в тот день, на удивление теплый и солнечный, двое тримов, совсем еще маленьких, сидели у самой линии прибоя и о чем-то мирно беседовали.

— Зу, — обратился босоногий мальчик к девочке, старательно выводя на песке какой-то рисунок, — говорю же, здесь нет ничего интересного. Тут только простые рыбаки живут и их семьи.

— Нет, — не соглашалась с ним девочка, — здесь обязательно должно что-то быть. Ведь не бывает же таких мест, чтобы вообще ничего необычного не было.

— Да-а, — усмехнулся ей мальчик в ответ, — необычный берег такой, море. Старик, вон, еще сидит на камне интересный. А немного дальше, вон за тем холмом, мой дом, тоже весьма примечательный, — он хмыкнул.

— А что это за старик, кстати? — слегка заинтересовалась девочка.

— Человек, — спокойно ответил ей мальчик. — Но только он глупый совсем и ничего не умеет. Наши то, конечно, помогают ему иногда. Но это лишь так, из жалости. Сам же он вообще ни на что не годен.

— А я вот никогда не встречала людей, — поднимаясь с песка произнесла девочка. — И еще, — она пригляделась к старику, — мне почему-то его немного жалко. Ты только посмотри, какой он бедный.

— Знаешь что, — рассердился наконец мальчик, — вот и ступай тогда к нему, раз он тебе так понравился. А я домой пойду. Надоело здесь уже просто так сидеть. Играли, играли и вдруг, на тебе, что-то интересное срочно подавай.

После чего тоже встал, отряхнул со штанов песок и направился прямиком в свою деревню. Девочка же, напротив, пошла к старику. Подойдя вплотную, она увидела, что старик этот и вправду имел вид весьма неказистый. Явно старая и очень поношенная рваная одежда. Тяжелый, затуманенный взгляд, устремленный куда-то вдаль. Да и морщинистые щеки его словно бы слегка мокрые от слез. А возможно это сам морской воздух, который у линии прибоя был буквально пропитан соленой влагой, так намочил их. Глядя на все это, девочка немного

склонила голову набок и спросила:

— Дедушка, а почему вы здесь вот так сидите и ничего не делаете?

Однако старик ей на это ничего не ответил. Он лишь едва заметно повел глазами в ее сторону и посмотрел словно бы сквозь нее, так, как будто перед ним было совершенно пустое пространство. Тогда Зу повторила вопрос. И на этот раз старик уже ей ответил. Однако, сделал он это так неожиданно, что девочка даже слегка вздрогнула.

— Здесь хорошо смотреть на море, — произнес он очень скрипучим голосом, словно это дверь в доме открыли. — А еще думать о разном, — прибавил он после некоторой паузы.

— А о чем вы думаете? — снова спросила девочка.

Она теперь, просто из любопытства, дотронулась рукой до одежды старика. Однако тот вместо ответа вдруг поднялся со своего камня и, не говоря ни единого слова, направился медленно прочь. Девочка же последовала за ним. Через какое-то время они пришли в невероятно ветхий и очень неухоженный дом старика на самом краю рыбацкой деревни, где тот попытался было разжечь огонь в печи, но вместо этого лишь сломал несколько спичек. Тогда Зу сама взяла в руки коробок и растопила печь. Потом, глядя как он безуспешно пытался нарезать себе хлеб, который все время ломался и крошился, помогла ему и с этим нехитрым делом. И только после этого, вполне осознав, что старик был и вправду ни на что не годен, а также вспоминая слова мальчика на берегу, помогла ему приготовить обед и даже немного прибралась в его доме. Старик же тем временем внимательно следил за ней. Сначала с подозрением, потом с недоумением, и наконец с большой радостью. Ведь он, на самом деле, был и вправду сейчас ужасно рад, что ему помогли. Пусть только и сегодня и, возможно, в последний раз. Отчего и предложил девочке сесть с ним за стол и разделить нехитрую трапезу. После обеда они оба прошли на застекленную террасу, располагавшуюся позади дома старика, где тот, усевшись в поломанное кресло-качалку, теперь уже сам обратился к Зу.

— Я ничего не умею, — начал он с первого, что пришло ему на ум, — потому что таким родился на свет. Еще даже когда был совсем маленьким, примерно как ты сейчас, я уже слыл за недотепу. И надо мной все потешались. А сам я и поделать ничего не мог. Потому что даже самые простые дела мне не давались. При этом я ведь и в школе учиться пробовал, и книги читать, и думать серьезно. Но все бестолку. Наконец я смирился с этим своим недостатком и решил просто жить, как умел.

И знаешь, — он слегка улыбнулся девочке, — мне это даже понравилось. Ну вот сама подумай: тебя никто ни о чем не просит. Да и сам ты ничего не умеешь. Смотришь себе спокойно на мир и слушаешь его. Да и не просто слушаешь, а воспринимаешь его таким, каков он есть, без изменений.

И вот однажды настал тот самый день. Последний день людей на этой планете. Однако, этого еще никто не знал тогда и не предвидел. А ведь вполне возможно было и стоило. Поскольку люди к тому времени уже так изменили свой мир и так надругались над ним, что ответной реакции просто не могло не последовать. Вот и задумаешься тут невольно, что лучше: ничего не уметь, а оттого и не делать ничего, или все уметь, но изменить слишком многое. Сам же я тогда в лесу был. Потому что очень любил находиться один и любил путешествовать. И ни о чем таком, конечно, совсем не догадывался. Помню лишь поутру, когда я проснулся, то, выбравшись из палатки, стал как всегда прислушиваться к звукам леса. Уж больно сильно они мне нравились. Словно музыка они всегда меня утешали и успокаивали. И мне действительно даже иногда казалось, что я различал некую речь в пении птиц, шелесте листвы и шуме ветра. Но все это было, конечно же, не так. Пока не так. Однако, примерно к полудню, я на самом деле различил в лесу какие-то слова. И эти слова произносили животные.

— Так что мы будем делать с ним? — спросил кто-то очень грубым голосом.

— Предлагаю, как с остальными, — ответил ему более высокий, тявкающий голос.

— Нет, я так не могу, — снова прозвучал низкий голос. — Ведь он природу по-настоящему любит и понимает даже, кажется.

— А вот мы сейчас, давай, проверим, — вновь протявкал ему кто-то в ответ.

После этого сразу с нескольких сторон ко мне из-за деревьев вышли дикие звери. Там были и волки, и лисы, и даже медведь. И этот вот самый медведь снова довольно отчетливо произнес: «Ты нас действительно понимаешь, странный человек?» На что я, и сам не до конца осознавая как, буквально прорычал ему в отчет, что да, мол, хорошо понимаю. На что медведь утвердительно кивнул мне головой и спокойно ушел обратно в лес. А за ним последовали и все остальные. Я же остался сидеть один в полном недоумении. Во-первых, как это вообще можно было понять, что я разговаривал с животными. А во-вторых, и самое главное, чего такого удивительного могло произойти в этом лесу, что дикие звери сами заговорили со мной. Все это казалось таким абсурдным и даже нелепым, что я тут же собрал свои вещи и,

почти не разбирая дороги, пошел быстро прочь из этого леса.

Однако, добравшись до города, я уже напротив немало пожалел о том, что спешил. Потому что спешить мне как раз было и некуда. Ни одного человека вокруг. Остановившиеся поезда и машины, впустую теперь перемигивающиеся светофоры. Вещи, разбросанные здесь и там. Газеты, одежда, бумажные деньги. Все то, что было еще совсем недавно так важно для нас. Но главное: ни следа от пропавших людей, вот даже самого малого. Я смотрел по сторонам и не мог насмотреться. Нет, не то, чтобы мне нравилось все то, что я видел. Напротив, я никак не мог поверить в это. В то, что здесь вот так в одночасье произошло. И я все спрашивал тогда себя: «Как, ну как же теперь?» и еще «что же теперь со мной самим будет?» Однако вокруг ничего не происходило и ответить мне также никто не мог. Причем, я сразу тогда догадался, что так происходило везде, а не только в моем родном городе. И что я никого и никогда больше не увижу. Что я последний и, возможно, единственный человек на Земле. Наконец, уже после часов пяти бесцельных мытарств, я горько заплакал. И это продолжалось очень долго, почти всю ночь. Причем, где я тогда находился, где спал и бродил, я потом даже вспомнить не мог. А помнил лишь сильную боль, которая буквально жгла меня изнутри. И пусть эта боль была всего лишь душевной, однако она была ничем не лучше физической. Словно бы часть моего существа, которая крепко-накрепко связывала меня с человеческим прошлым, вот так в одночасье вырвали из меня, оставив внутри одну лишь пустоту. Которая, — тут старик печально вздохнул, — не заполнилась до конца и до сих пор.

А потом я отчего-то почувствовал, что вместе с потерей своего человеческого прошлого, к которому уже так сильно привык, я кое-что и приобрел. Нет, я не научился делать что-либо. Скорее наоборот. Но зато я научился по-настоящему молчать и слушать. И хорошо понимать все то, что было вокруг меня. И все те странные звериные разговоры в лесу, что я слышал в последний день, были всего лишь началом этого преображения. Я научился понимать язык ветра и воды, деревьев и птиц. Я увидел окружающий мир совсем по-другому, не таким, как прежние люди. И знаешь, я даже не сильно-то теперь и страдал от своего недостатка, который мешал мне что-либо делать. Ведь что было делать-то, когда мир так величественен и прекрасен. Когда в нем все так совершенно. Зачем что-то менять, если можно просто внимательно слушать. Да и не просто слушать, но и говорить с ним, и находить общий язык. Иногда спорить, конечно. Но потом снова мириться и чувствовать, — старик

на секунду задумался, — гармонию. Да-да, именно гармонию. Со всем миром, полностью, без исключения.

— Скажите, дедушка, — прервала наконец его Зу, — а когда вы тримов впервые увидели? Вы подружились с ними или наоборот, испугались?

— Нет, — ответил ей старик, — я не испугался. А напротив, очень обрадовался. Ведь вы были почти такими же, как и я. То есть могли видеть мир по-другому и слышать его. Вы также видели всю его красоту и гармонию. Чувствовали непреходящее очарование. Поэтому мы сразу и подружились. И еще одно. Я вот не говорил тебе об этом, но после того дня, когда все так переменилось, сам я отчего-то меняться перестал. Ну вот посмотри на меня теперь, — он глянул на девочку, — пусть я и выгляжу как древний старик, но на самом деле, мне уже столько лет, что даже представить себе сложно. Я думал об этом, конечно, но так и не пришел к какому-либо выводу. Единственное, что могу определенно сказать, что утратив способность воздействовать на окружающий мир, я и сам перестал поддаваться на его воздействия.

На этом разговор был завершен и девочка, взяв со старика слово, что завтра он ей еще что-нибудь расскажет про людей, направилась назад в свою деревню. Старик же вернулся на свое излюбленное место на берегу. Ему почему-то очень нравилось сидеть там на камне и вглядываться в горизонт. Словно бы в несбыточной мечте разглядеть там пусть хотя бы и призрачное, пусть, возможно, состоящее из одного лишь морского тумана, но знакомое человеческое лицо.